

Архимандрит Спиридон (Кисляков)

Исповедь священника перед Церковью

Оглавление

<i>Павел Проценко. Откровение любви во время мировой войны</i>	2
Предисловие	13
I	13
II	22
III	44
IV	52
<i>Сумасшедший офицер (в палате)</i>	71
<i>Сумасшедший доктор</i>	73
<i>Сумасшедший капитан (в палате)</i>	75
<i>Солдат буйно сумасшедший</i>	76
V	96
Послесловие	102
Приложение	106
<i>Над гробом архим. Спиридона</i>	106
<i>После погребения архим. Спиридона</i>	109

Об этом человеке мало что известно широкой публике. Главное произведение его жизни ни разу не публиковалось за последнее столетие в полном виде, в то же время трудно сравнить с ним по мощи, смелости, силе выразительности какую-либо другую книгу, написанную о следовании за Христом в XX веке. Этот человек — архимандрит Спиридон (Кисляков), эта книга — «Исповедь священника перед Церковью». Анархист, бунтарь, чудаки, бесстрашный миссионер, протопоп Аввакум XX века, мистик, нашедший на Первой мировой войне свой путь в Дамаск, обличитель, которого «после всего этого» пожалел и уберег патриарх Тихон... Забытое имя возвращается, великая книга о подлинной свободе во Христе выходит. Рассказ о своей миссии, о встречах с интеллигенцией в умирающей Российской империи, с пророками новой культуры в демоническом огне революции, работа среди каторжников, многочисленные драматические сцены войны, смерть, безумие, и посреди всего этого поразительные гимны к Господу, настолько искренние и сильные, что это звучит как откровение среди ужасов мира, откровение, которое «как бы трубным гласом» звучит и сейчас.

© Проценко П. Г., предисловие, 2018

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

Павел Проценко. Откровение любви во время мировой войны

Историческая Россия в результате крушения ее государственности в 1917-м году выпала из общеевропейского процесса переосмысления «неправд» т. н. христианской цивилизации. Опыт наших фронтовиков, часто израненных или психологически покалеченных, оказался на родине никому не нужным. Между тем один незаурядный русский монах, выходец из крестьян, бывший военный священник пережил на той первой тотальной мировой войне внутренний переворот. Он переродился как личность. В оставшийся ему отрезок земного пути он в своих делах утверждал правду Христа страдающего, открывшуюся проповеднику во всей ее пламенной бескомпромиссности. Свои прозрения об этом первоизданном христианстве, о его трагедии в мире он сумел записать. И — в разгар Гражданской войны — даже издать небольшую часть своих рукописей. Свидетельство это произвело эффект разорвавшейся бомбы. По понятным причинам на родине его книги ожидало забвение, а на Западе их постепенно перевели на основные европейские языки. Теперь, через столетие после их выхода в свет, и наш читатель сможет прикоснуться к пронзительной исповеди бывшего крестьянского сына, ушедшего однажды из дому в поисках истины.

Поздней осенью 1916 года в Киеве на древнем Подоле состоялось знакомство двух необычайных людей. Их встречи, скорее всего, происходили и на Волошской улице, в помещении редакции журнала «Христианская мысль» (там же располагался и книжный магазин, принадлежащий редактору), и в доме на Боричевом Току, где жил его издатель.

Издатель, редактор, владелец магазина и профессор нравственного богословия в одном лице В. И. Экземплярский принимал у себя архимандрита Спиридона, прибывшего с Юго-Западного фронта.

В самом начале 1915 г. архимандрит — согласно собственному прошению на имя протопресвитера военного и морского духовенства Г. И. Шавельского — был отправлен на Юго-Западный фронт военным священником. Идя добровольцем, он хотел понять, как должно относиться христианину к войне и вызываемым ею катаклизмам. В действующей армии он оказался в разгар карпатской операции, в итоге которой русские войска потеряли около миллиона солдат (убитыми, ранеными и пленными). В мае того же года началось «Великое отступление» русской армии, продолжавшееся почти полгода.

В обязанности военного проповедника входило духовное окормление частей, уходящих в бой. В полевой церкви, часто просто на лесной поляне, служилась литургия, в конце которой православные воины причащались, затем произносилось наставление, после чего военные отправлялись на передовую. По приблизительным подсчетам архимандрита он в общей сложности причастил Святыми Тайнами «около 200 тысяч солдат», затем шедших «убивать христиан».

Кроме того, он был прикреплен к четырем военным госпиталям в городе Холм¹ (пока его не заняли немцы), к бригаде народного ополчения, к школе прапорщиков и к т. н. «Главному сборному пункту» (откуда части направлялись на передовую). По долгу службы ему ежедневно приходилось сталкиваться с большим числом людей, вырванных из мирной жизни и находящихся перед лицом смерти. Он выслушивал исповеди, ему постоянно изливали свои боли, страхи и переживания солдаты (по сути, крестьяне и крестьянские дети), офицеры, юнкера, бывшие студенты, военные врачи. Он сталкивался с людьми, физически и психически покалеченными войной.

Однажды, скорее всего в сентябре 1915 года, посещая части ополченской бригады, охранявшие железные дороги Юго-Западного края, отец Спиридон попал под бомбежку. На брюхе немецкого аэроплана был нарисован черный крест, из «продольной конечности которого» на землю, на русских солдат внизу, летели смертельные бомбы. Картина убийства, осененного высшим христианским символом, произвела на монаха угнетающее впечатление. Он был сотрясен до глубины души. Позже

¹ Здесь находилась ставка главнокомандующего фронтом Н. И. Иванова

он вспоминал: «Это был такой момент в моей жизни, когда меня, как личности, не было: я как бы в самом ужасе умирал, разрываясь на мельчайшие частички, которые куда-то исчезали, уничтожались, и меня не было, а был один страх и один ужас!»

Событие это стало поворотным в дальнейшей судьбе архимандрита. В то время ему было 40 лет. Он понял, что его райская, добрая, христианская жизнь окончилась 20 лет назад, когда он фактически вступил в клир Церкви, став псаломщиком: следующую половину своей жизни он счел потраченной на служение греху. Только сейчас в нем созрела окончательная решимость вернуться к «свободе Евангельской жизни» и уже не отступать от велений совести. Еще несколько лет ушло на то, чтобы прийти в себя и бесповоротно погрузиться в дело христианского служения.

Бомбы, сброшенные с немецкого аэроплана, дали архимандриту ответ на большой вопрос о христианском отношении к войне. Все предыдущие впечатления от военных будней мгновенно сложились в одну апокалипсическую картину, раскрывшую для архимандрита ту бездну, в которое попало цивилизованное человечество, позволив себя втянуть в Первую мировую бойню. Он также осознал, что последние двадцать лет был невольным противником Христа, идя на поводу имперской политики огосударствления религии и Церкви.

Мировая война как вселенская катастрофа, как глобальный кризис христианства и цивилизации, как ослепление русских и европейцев банальностью зла и соблазном язычества, — вот то, что открылось военному священнику в разрывах бомб, а затем в лесном уединении, когда он окидывал внутренним взором свое прошлое и осмыслил причины собственного духовного плена. Он увидел себя в аду, в который пришел добровольно.

Этот новый важный опыт невольно делал архимандрита изгоем, поскольку его мысли и чувства входили в противоречие с настроениями подавляющего большинства идейных вождей тогдашнего русского общества. Не только политических и военных начальников, но и партийных активистов различных оттенков, а также деятелей культуры.

Картина складывалась парадоксальная. Вокруг себя архимандрит видел океан человеческого горя, отчаяния и потерянности. Бесконечный поток бедствий обрушился на «простых» людей, находившихся на самом низу социальной лестницы, а также на представителей других, более благополучных классов, оказавшихся на фронте и на деле столкнувшихся со своей беспомощностью перед массовым насилием. В то же время законодатели общественного мнения, в том числе и руководители Церкви, взирали на происходящее с воодушевлением. Им виделось, что война оздоровит и Россию, и христианскую цивилизацию. И даже — преобразит человечество²

Архимандрит Спиридон (Георгий Степанович Кисляков, р. 1875) родом был из крестьян Рязанской губернии, из семьи вполне православной и бедной. Духовное напряжение в семье поддерживала очень набожная и добрая мать, а отец был «как все»: отличался порой грубостью, разговор его часто перемещивался с матерщиной. При этом их село Казинка Скопинского уезда в старину относилось к дворцовым владениям, здесь не было крепостного права в классическом его виде и имелись элементы местного самоуправления. Здешние крестьяне в годы детства и юности Георгия получали духовные наставления не только в местном приходе во имя великомученицы Параскевы, а и в общении с рядом своих односельчан, ревнителей веры, собиравшихся по домам и читавших Евангелие. Некоторые из них за эту ревность были сочтены церковным начальством неблагонадежными и отправлены в Сибирь.

Георгий Кисляков («Егорий», как звали его дома) окончил всего два класса церковно-приходской школы, главным итогом чего стало его пристрастие к чтению. Во многом его религиозную

² Об имперском патриотизме духовенства в Первую мировую войну см.: Проценко Павел. Советские 1950-е глазами епископа Варнавы (Беляева) / «Дядя Коля» против...: Записные книжки епископа Варнавы (Беляева). 1950–1960 / Сост., вступит. очерк, коммент. П. Г. Проценко. Нижний Новгород, 2010. С. 47–51.

жизнь определяло общение с яркими представителями «народного православия»: полуюродивыми (а то и просто юродивыми) «людьми Божиими» и странниками. В 14 лет уйдя в Киев, этот «русский Иерусалим», он в итоге оказался в Андреевском монастыре на Афоне. Так началось его собственное длительное странничество. Годы жизни в монашеской республике (включая нахождение на афонском подворье в константинополе) сменяются годами послушничества в Алтайской духовной миссии, пребыванием в Иерусалиме, Средней Азии (Бухара и Хива), Киргизии. Наконец в 1903 году в миссионерском Иргенском стане Забайкальской области, где он служил псаломщиком, его постригают в монахи и вскоре возводят в священный сан. После этого еще четыре года он сопровождает крестный ход по Забайкалью и проповедует среди народа. Со временем в круг его обязанностей стало входить и духовное попечение о заключенных Читинской тюрьмы (куда его зачислили священником) и Нерчинской каторги. В 1907 году его переводят в Юго-Западный край империи (нынешняя Украина).

Обо всем этом он рассказывает в книге, которую вы, читатель, держите сейчас в руках. Подробный же очерк его жизни (с учетом новых документальных находок), написанный автором этих строк, опубликован в 2017 году³. Здесь же необходимо отметить особенности внутреннего облика отца Спиридона, его интеллектуального и психологического типа.

С раннего возраста он погружен в гущу народной религиозной жизни с ее напряженным исканием правды и воспринимает видимый мир, как преддверие Царства Божия. В окружающем он всегда видит отражение высшего замысла Творца, пусть часто и искажаемого человеческими страстями и борениями. Молитва для него — органичный и важнейший элемент познания. Переживания его всегда глубоки и серьезны, заповеди Христа он воспринимает как откровение о единственно возможных путях прохождения через лабиринты земного мира. Он плакал во время проповедей и тут же резко обличал неправду, к которой был особенно непримирим.

Он много читал, стараясь быть в курсе актуальных проблем, будораживших церковную и светскую общественность. Его волновали личности Льва Толстого, священника Иоанна Кронштадтского и Оригена, ставшего в начале XX столетия популярным в интеллектуальных кругах. Представителей народного православия всегда привлекали известные современники, производившие на них впечатление своим моральным обликом, учением или жесткой критикой господствующего в обществе положения вещей.

Иеромонах Спиридон, несмотря на огромный круг своего общения (простонародье, инородцы, инославные, каторжники, военные, братья по духовному сословию) долго был духовно и интеллектуально одинок. Очень многое он понимал как бы на ощупь, интуитивно, порой путаясь в интеллектуальных формулах при оценках того или иного явления. Чуткий к фальши и несправедливости, он 20 июля 1914 года, после оглашения высочайшего Манифеста о вступлении России в войну, сказал в проповеди: «Пока христиане будут вести войны, до тех пор они... не вправе называть себя христианами». И при этом общее мнение среды, патриотические лозунги, ссылки церковного начальства на примеры из жизни святых (известное благословение святым Сергием Радонежским монахов-воинов Пересвета и Ослябя) заставили его попроситься на фронт.

После попадания под бомбы, сброшенные из немецкого аэроплана с крестом, в лесном уединении Спиридон внутренне осознал, что война, в которую Россия попала, как в капкан, есть погибель. Прежде всего, погибель для человека, которого та растаптывает в прах, унижая в нем образ Божий: война есть пагуба и для всего христианства. Когда-то юношей он пошел на служение в церковную миссию, считая, что таким образом откликается на призывы Евангелия к преображению себя и мира. Но оказалось, что пастыри Христовы переиначили Его заповеди, подчинив их интересам государства (а затем и собственным частным интересам, часто материального порядка).

³ Проценко Павел. К незакатному Свету. Анатолий Жураковский: пастырь, поэт, мученик, 1897–1937. М., 2017. С. 205–236.

Причину подобного положения вещей он находил (и здесь не обошлось без книжных знаний, приобретенных самоучкой) в симфонии между империей и Церковью, которая еще при римском императоре Константине Великом (272–337 гг.) превратила религию в удобный инструмент для манипулирования людьми. В результате христианство оказалось в порабощении у синедриона новых фарисеев, то есть христианского духовенства. Так увиделось архимандриту Спиридону, и он испытывал от этого отчаяние, так как понимал, что сам долгие годы служил лишь интересам своего сословия и кесаря. Он так же, как и его собратья, низводил евангельское учение «на степень государственной политической жизни с ее враждебными интересами против моего возлюбленного Христа». Позже отец Спиридон определил себя как «христианского анархиста», а «государственных христиан» (так называл он тех прихожан, кто посещал храмы в силу традиции или из-за боязни перед властью) считал орудиями фарисеев и лицемеров. Несколько лет спустя он писал (далее курсив мой. — П.П.): «Пастыри Христовы не должны знать абсолютно никакой государственной власти и тем более жертвовать ей своих христиан, в качестве солдат; ибо Христос никакому царю, никаким земным властям не вручал Своих христиан... Пастыри Христовы должны быть абсолютно нищелюбивы и бескорыстны. Они, как таковые, ни в каком случае не должны продавать свое священническое пастырское служение и из религии Христа делать монетный двор».

С такими чувствами архимандрит приступил к написанию собственной «Исповеди». Будучи человеком действия, он намеревался отослать ее членам Синода, чтобы объяснить им на своем примере, в какой духовной опасности находятся и они, и все другие члены Церкви, которые, забыв о любви, заповеданной Христом, угождают лишь законам этого мира и земного государства.

О его намерении становится известно церковному начальству, начинаются неприятности. В начале 1916 года в руки любознательного отца Спиридона попадает номер журнала «Христианская мысль», только начавшего выходить в Киеве силами энтузиастов: церковных, но при этом независимых, писателей, не подчиненных «Ведомству церковного исповедания». Имя редактора, В. И. Экземплярского, ему уже было знакомо по его богословским книгам и публицистическим статьям.

Он вступает с ним в переписку. Так состоялось знакомство архимандрита и богослова Василия Экземплярского⁴. К Василию Ильичу и обратился отец Спиридон за помощью в своем подавленном состоянии душевного разброда. Архимандрит и профессор были людьми сердечными и открытыми и вскоре подружились.

Именно Василий Ильич помог ему разобраться в себе, в своих настроениях и тяжелых мыслях. Молодежь, с которой в те годы часто общался — в христианском студенческом кружке — этот неординарный академический богослов, называла его между собой «дедушкой». Ему было тогда лишь немногим за сорок, но профессор поражал молодых людей не только глубокими знаниями, но и мудростью. В каком-то смысле он, прямой, сухопарый, с тонким лицом и благородной сединой в волосах, с почти не видящими глазами античного мыслителя производил впечатление хранителя животворного знания. Не мертвых сведений из мира древностей, но воды живой, которой этот равнодушный человек мог напоить жаждущих. Почитатели воспринимали его чуть ли не как старца. Он не только отечески «обласкал» опального пастыря, но убедил не обращаться в Синод, а подождать до созыва Поместного Собора, давно ожидаемого всеми ревнителями православной веры.

Ровесник отца Спиридона, Экземплярский родился в последние дни 1874 года. Он был младшим ребенком в семье известного киевского педагога и священника. когда сыну исполнилось 9 лет, отец овдовел, вскоре принял монашество с именем Иероним и был возведен в сан епископа (умер в 1905 году, находясь на Варшавской кафедре). Василий родился почти слепым и в течение первых лет своей жизни подвергся девяти операциям (потом последовали и другие). С двадцати одного года

⁴ Первый раз архимандрит Спиридон приехал в редакцию «Христианской мысли», но редактор был болен и отсутствовал. Тогда он написал ему письмо, получил ответ и в новый приезд познакомился лично.

он долгое время страдал «воспалением сердца» и «ничего не мог того, что могут в эти годы». С ранних же лет все силы его были направлены на учебу: после духовной семинарии с отличием окончил киевскую духовную академию. В 1901 году там же становится приват-доцентом кафедры нравственного богословия, а вскоре и профессором.

Уже накануне великой оттепели, увенчавшейся в 1905 году дарованной по воле царя конституцией, одна за другой начинают выходить богословские и религиозно-философские работы Экземплярского, посвященные выяснению того, как различные стороны реальности соотносятся с евангельским учением. Он постоянно отмечает пункты расхождения текущей церковной доктрины с Нагорной проповедью. Внешне его богословие традиционно, основано на доскональном знании святоотеческого учения, догматов Церкви и аскетической практики ее подвижников. Его богословские и религиозно-философские работы пронизаны постоянным поиском путей воплощения христианских истин в жизнь. Не случайно в канун Февральской революции Николай Бердяев отмечал в одной из своих программных статей напряженность веры и богословия Экземплярского. Московский философ подчеркивал, что в книгах киевского профессора парадоксально сочетаются консервативное православие и мощное стремление к церковной свободе и демократизации Церкви.

Экземплярский считал, что к религиозной свободе должна привести реализация раннего христианского опыта, раскрепощая верующих и тем самым укрепляя их внутренне. Он выступал против смертной казни, ведя полемику с могущественными казенными богословами, оправдывающими ее. Он считал, что исторические условия, когда государство использует Церковь, заставили христиан приспособить заповеди своего Учителя к требованиям мира, приводя их к отступничеству от принципов веры. Церковь вынужденно благословляет войны, несправедливости, смиряясь с ними как с неизбежным злом. Но древние учителя благочестия считали иначе, следуя призывам Христа и разрывая с обычаями языческой римской государственности.

Экземплярский считал необходимой не только критику социалистического учения, но и умение видеть в его этической проблематике связь с первоначальным христианством (избавление от гнета внешней несправедливости).

«Социальный вопрос! как много заключено для нашего времени в одном этом слове, — писал Экземплярский, — сколько людей убеждено, что наша эпоха тем и замечательная, что на первый план жизнь выдвинула социальный вопрос». Отчего же толпы людей поверили в этот обман? — спрашивал профессор и отвечал: потому что вокруг себя они не видели примеров христианского поведения. Не видели, как христиане делом решают «больные вопросы» действительности. А если видели, то слишком неброские, робкие, слабые попытки, слишком ограниченные местом, временем, узкими возможностями делателей. Евангелие способно обновить все внутренние цели человека и ведет его не к справедливому механическому общежитию, а к любящему братству «отдельных совершенных личностей христиан». Только в таком единении человек может обрести успокоение сердца. Христианство принесло свободу и «христианская древность, в лице великих учителей Церкви, неопровержимо свидетельствует, что идея братства людей и на земле исповедовалась всею Церковью как радостное достояние христианского сознания». О братстве в Церкви мечтал профессор и призывал для этого начинать прямо сейчас с обновления прихода, с привлечения мирян к живому участию в приходской жизни, с преодоления отчуждения от Церкви ее последователей⁵.

С тревогой отмечал Экземплярский искаженное развитие отечественной богословской мысли. Нравственное богословие заражено превратным духом. Излагая христианскую доктрину, оно не стремится отразить само идеальное учение. В первую очередь нынешние православные моралисты ставят себе задачу «оправдать всеми возможными соображениями разума и всеми возможными текстами Слова Божия... действительно существующие и господствующие порядки жизни».

⁵ См.: Экземплярский В. И. Жизнь и Свет: Богословские беседы. М., 2009.

Размышляя о христианском отношении к собственности, о возможности на деле соблюдать евангельскую заповедь нестяжания, киевский профессор приходит к грустным открытиям. «Произошло страшное недоразумение в отношении к христианству значительной части современного общества, — писал Василий Ильич. — Всегда христианству было противно и враждебно то направление жизни, которое исходным началом ее делает эгоизм, заботу о себе, служение своим чувственным и себялюбивым влечениям. Но в одном прежде никто не упрекал христианство... — в его бесчувственности, в равнодушии к людскому горю и нужде, в потворстве греху... Но теперь эти упреки обычны». Почему же религия любви, христианство, несущее радостную весть свободы «всем униженным и оскорбленным», стало восприниматься современниками как враждебное человеку, а «Церковь — защитницей того зла и неправды, какие царят в жизни»? Современные проповедники веры неумолимо искажают Евангелие и святоотеческое учение, приспособлявая «светлый, милостивый, полный безграничной любви и ласки» образ Христа к «нашему несовершенству и нашей неправде». Богословы и апологеты, стремясь оправдать порядки этого мира, сделали Спасителя как бы верховным покровителем вселенской неправды.

На фоне такой напряженной творческой работы случилось событие, изменившее внешнюю жизнь профессора. Весной 1912 года его статья «Граф Л. Н. Толстой и святитель Иоанн Златоуст в их взгляде на жизненное значение заповедей Христовых» вошла в сборник московского издательства «Путь», посвященный религиозным взглядам великого писателя. Богослов их критиковал, но при этом подчеркивал, что святой Златоуст и яснополянский мыслитель видели в Евангелии не теорию, а руководство к действию в обыденной реальности. Противники Экземплярского из числа высокопоставленных церковных бюрократов воспользовались этой публикацией и способствовали его увольнению из духовной академии.

Этим они не смогли прервать его богословское творчество, но невольно подтолкнули к большей общественной активности (он становится секретарем, а затем и председателем киевского религиозно-философского общества), к проекту издания «Христианской мысли», вокруг которой затем создалось содружество единомышленников.

Встреча Кислякова с Экземплярским принесла большие плоды. Впервые архимандрит нашел близких по духовной настроенности людей, которые смогли помочь ему сформулировать идеи, давно им ощущавшиеся как насущные. Более того, вскоре Василий Ильич помог ему обрести дело всей жизни.

Поняв всю необычность личности отца Спиридона, редактор «Христианской мысли» уговорил его надиктовать воспоминания. Публикация их началась в февральском номере журнала за 1917 год. «В этих воспоминаниях, — отмечал во вступлении Экземплярский, — выступает перед нами живая жизнь нашей родины». Большевицкий переворот на севере вызвал мятеж и в Киеве — журнал вынужденно перестал выходить в свет. Но в последнем, 12-м, номере было объявлено о предполагаемых публикациях на следующий, 1918-й, год. Редакция сообщала читателям, что продолжит печатать мемуары архимандрита Спиридона. Указывалось, что в случае окончания мировой войны будет выпущена отдельной книгой его же «Исповедь священника перед Церковью», посвященная «преимущественно описанию церковной работы на нашем Юго-Западном фронте со всем ужасом раздвоения христианского сознания священника-проповедника».

Публикация отрывков мемуаров отца Спиридона⁶, несмотря на то что проходила в исключительных условиях между февралем и октябром 1917 года и надвигающейся Гражданской войной, была замечена читающей публикой. В далеком Нижнем Новгороде тридцатилетний иеромонах Варнава (Беляев), аскет и будущий епископ, делал из них выписки и использовал в своей работе как важное историческое свидетельство религиозного опыта современных подвижников. На

⁶ Спиридон, архим. Из виденного и пережитого: Записки русского миссионера / Христианская мысль. Киев, 1917. № 2–10.

«Записки русского миссионера» обращает внимание сотрудник Французской военной миссии в России католик (а вскоре и — надолго — «христианский большевик») Пьер Паскаль (значительно позже он переведет их на французский язык и издаст в Париже⁷).

В августе в Москве начал свои заседания Всероссийский православный Собор, осенью на нем избирается патриарх. Наконец-то архимандрит смог послать на его имя свою наболевшую исповедь. Он просил патриарха ознакомиться с ней и зачитать членам Собора, надеясь, что те смогут выработать необходимые решения больших вопросов, поднимаемых автором⁸. Примечательно, что архимандрит отослал свой текст, после того как этот шаг был одобрен Василием Ильичем. Не исключено, что при всей своей многоопытности и искушенности в вопросах церковной политики профессор все же надеялся на идеальное развитие событий — на какой-то отклик: ведь там затрагивались взрывоопасные для всей Церкви проблемы. Однако Патриарх Тихон решил не зачитывать обращение военного монаха-проповедника, понимая расстановку сил среди соборян и господствующие среди них настроения. Текст «Исповеди» поначалу просто переслали в Херсонскую епархию, в которой формально числился архимандрит. Позже, в письме к Экземплярскому передал свои пожелания архимандриту: «Благословляю его трудиться и быть полезным в Церкви Христовой».

Все эти события заставили отца Спиридона вовсе уйти из военного ведомства. В это же время его новые киевские друзья предложили ему принять участие в их давно вынашиваемом церковно-общественном проекте. Экземплярский и его единомышленники решили организовать общину нового типа, в которой новозаветные принципы будут осуществляться без компромиссов и в соответствии с духом апостольской эпохи и святоотеческих принципов. Восьмого октября 1917 года организационно оформилось «Братство Иисуса Сладчайшего». Лучшего кандидата на пастырское руководство общиной, чем отец Спиридон, трудно было представить. Его назначают председателем братства. С этого момента архимандрит словно пробуждается к новой жизни.

Братство поначалу возникло на основе небольшого кружка культурных людей, собравшегося вокруг редакции «Христианской мысли» и Религиозно-философского общества. Из этого кружка отец Спиридон получил, в частности, активную помощницу Ольгу Прохаско, социалистку и талантливую христианскую писательницу. Один из членов РФО, настоятель «Железной» церкви на Галицком базаре Евгений капралов, дал архимандриту возможность проповедовать в своем храме и заниматься миссионерством в приходе. Вскоре к нему стали обращаться за духовной помощью железнодорожники и члены их семей, жившие в этом районе, и уже в 1918 году неожиданно для всех бывший военный священник оказался во главе многотысячной активной рабочей паствы.

Ближайший друг пастыря впоследствии — на допросе в ОГПУ (23.02.1931 г.) — так описывал состав его новой общины: «Братство [Иисуса Сладчайшего] состояло из лиц, принадлежащих к всевозможным христианским исповеданиям. Здесь встречались и представители разных сект (евангелисты, баптисты), и даже католики. Преимущественно состояло „Братство“ из рабочих и их семей».

Архимандрит смог теперь направлять жизнь братства в соответствии с ценностями бескорыстного, «негосударственного христианства». Он, так же как и Экземплярский с его ближайшими друзьями, понимал, что только усвоение этих вечных начал является залогом «возможного духовного возрождения России и всего мира».

В понимании отца Спиридона, отступлением от ценностей Евангелия стала практика государственной Церкви, в которой веками совершалась торговля святыней, превращенной в товар. В

⁷ «Воспоминания сибирского миссионера» в переводе Паскаля (Pierre Pascal) вышли в Париже в 1950 г. В 2010 г. вышло дополненное французское издание (с включением в него «Исповеди священника перед Церковью»). В 1994-м издан немецкий перевод воспоминаний о. Спиридона из «Христианской Мысли». А в 2010 — английский.

⁸ «Исповедь», посланная на Собор, не была еще книгой, а представляла собой текст, который сейчас ее завершает и озаглавлен так: «Святейшему Всероссийскому Церковному Собору».

исторической Церкви «подлинный» Христос заменен христом мира сего, заветы Царства Божьего вытеснены предписаниями «духовного ведомства», искренний порыв веры заглушен лицемерием.

Страшно то, что церковные фарисеи столь духовно бесчувственны, что во все времена оправдывают насилие и войны, развязываемые светской властью. Они всегда стоят у кормила власти в Церкви, уводя христиан в сторону от истин, провозглашенных Новым Заветом.

К началу XX века в России медленно начинались процессы духовного оздоровления. В частности, среди духовенства и верующих появились группы ревнителей веры, понимающих, что Церкви нужно избавиться от засилия бездушной консисторской бюрократии. Но в августе 1914 года подавляющее большинство этих энтузиастов не нашли ничего лучшего, как благословлять своими молитвами и призывами начавшуюся войну, как войну «истинной» духовности против «ложных начал» западной цивилизации (прежде всего, подразумевалась цивилизация германская). Все годы мировой войны они проповедовали солдатам необходимость умирать на фронтах «за Святую Русь».

Такое «современное христианство» отец Спиридон считал холодным и бездушным.

Уже с конца 1917 года архимандрит организует в Киеве широкое социальное благотворительное движение. Его паства всю Гражданскую войну помогает нищим, пленным, заключенным, голодным, холодным, больным и опустившимся людям. Подобная деятельность продолжалась все 1920-е годы и в 1930-м году была оборвана лишь смертью пастыря и арестами его ближайших последователей.

Перед большевистским переворотом архимандрит знакомится у Василия Ильича со студентом киевского университета, религиозным писателем Анатолием Жураковским, также вернувшимся с фронта. Они подружились. Впоследствии молодой человек примет священный сан, организует свою общину, дружественную Братству. Вместе с отцом Спиридоном они особое значение придавали работе с детьми, с беспризорниками, толпы которых из самых разных общественных слоев появились на улицах с началом крушения имперской государственности и братоубийственной войны. Два друга регулярно стали посещать чайную Общества трезвости на углу Златоустовской улицы и Галицкой площади, пристанище босяков и потерянных людей. Здесь архимандрит служил молебны об исцелении заблудших, алкоголиков, а несколько активных и блестяще образованных женщин («благовестниц») каждую неделю организовывали там встречи с детьми, где последние сами произносили (начиная с семилетнего возраста) проповеди на евангельские темы.

На службы к архимандриту стекалось множество людей, так что вынужденной особенностью этих служб стала общая исповедь сотен прихожан, выслушать каждого из которых отец Спиридон был не в силах. Он обращался ко всем в церкви с призывом вслух называть свои грехи. Очевидцы рассказывали, как из разных мест толпы раздавались голоса с признанием в смертных грехах: кто-то открыто каялся в убийстве (а то и не одном), кто-то признавался в воровстве, клевете, супружеской измене и т. п. Все это наэлектризовывало обстановку, заставляя присутствующих порой кардинально изменять свои закоренелые привычки и сердечный настрой.

Несмотря на покровительство украинской власти при гетмане П. Скоропадском, в 1918 году архимандрит и христианские демократы, группировавшиеся вокруг Экземплярского, сталкивались с ожесточенным противодействием нового киевского митрополита Антония (Храповицкого). На московском Соборе он чуть было не стал патриархом, набрав большинство голосов (лишь жребий, вытянутый старцем Алексием Зосимовским, указал на Тихона). Оказавшись на Киевской кафедре, владыка стал управлять украинской Церковью по старинке, когда во главу угла ставили отказ от любых перемен и утверждали верность сложившейся практике. Для него стиль служения архимандрита, его открытость к людям являлись признаками если не смутьянства, то «хлыстовства». Он наложил на монаха епитимью и возбудил против того внутрицерковный судебный процесс. Вскоре митрополита арестовали петлюровцы и увезли в Галицию. Почти через год он вновь вернулся с

частями белых, потом отбыл на Юг России. Все это время — при белых и красных — в вялотекущем режиме продолжалось церковное следствие над отцом Спиридоном. (Закончилось лишь в 1923 году вынесением ему формального порицания Святейшим Тихоном при одновременном неформальном поощрении: патриарх передал харизматичному монаху свой фотопортрет с краткой надписью: «Архимандриту Спиридону на память».

Отбиваясь от натиска начальства, архимандрит в 1918-м пишет окончательную редакцию «Исповеди священника перед Церковью» и в следующем году издает ее отдельной книгой. Она выходит при втором воцарении в Киеве большевиков, скорее всего летом. Весна и лето 1919-го были страшным временем показательных массовых расстрелов представителей «чуждых классов». Но отца Спиридона, священника рабочих, пока не трогали.

Он продолжал служить в своем стиле, не прекращая и широкой социальной и просветительской работы.

Экземплярский в канун 1918 года в обращении к читателям «Христианской мысли» высказал убеждение, что уже «близок час духовного пробуждения народа, тоски по Богу и искания Его правды. Задача всех церковных людей сделать все возможное, чтобы утолить эту жажду духовную». Архимандрит Спиридон считал Василия Ильича своим «отцом во Христе» и, конечно, стремился осуществить на деле их общее упование.

Изданием своей «Исповеди» архимандрит хотел показать причины своего протеста против господствовавших в Церкви нравов, которые приводили ее к параличу, отрывая от источников духовной энергии. После выхода книги многие читатели его поддержали, но многие испытали смятение (если не возмущение). В 1920-м он издал еще одну свою книгу «Царь христианский», в которой в форме притчи описывал губительность для христиан стремления руководствоваться в своих поступках «государственными» задачами, патриотизмом или еще какой-либо идеологией, отодвигая на задний план заповеди Нового Завета.

Священник и экстраординарный профессор киевской духовной академии Алексей Чекановский (в близком будущем — обновленческий архиерей, перешедший на службу в просоветскую «церковь») во внутренней рецензии на «Исповедь» архимандрита подчеркивал, что эта книга в основном представляет собой автобиографию автора, пересыпанную критикой церковно-практической и общественно-государственной жизни христиан. Таких книг, считал рецензент, «очень много появилось за последнее время».

Мировая война, Февральская революция и большевистский переворот, гражданская междоусобица, смертельные эпидемии, голод, разруха, бесконечные смерти и деформация привычных реалий и понятий — все это привело к взрывному появлению и лавинообразному разрастанию в обществе многочисленных групп, кружков, течений (от художественных и философских до эзотерических и квазирелигиозных). Писатель Илья Эренбург, оказавшийся в Киеве тех дней, вспоминал: «То была эпоха проектов! Кажется, во всех учреждениях Киева седовласые чудаки и молодые энтузиасты разрабатывали проекты райской жизни на земле». Толстовцы, вегетарианцы, теософы, скифы, чуриковцы, анархисты разных оттенков и прочие. Их адепты критиковали старый миропорядок, старую Церковь, религию, социальные порядки как начала, помогавшие господствующим классам поработать человека. Все они, так или иначе, озаботились освобождением человечества, оснащением его новым, прогрессивным, учением, духовным и социальным перевоспитанием для грядущего «светлого» завтра. В массовом масштабе по городам и весям распространялись типографские листки, брошюры и плакаты, в которых православное духовенство изображалось предателями учения Христа. Подобные агитационные материалы возлагали на Церковь и ее служителей ответственность за пороки капитализма, за кровавую мировую войну и земную неправду, за обнищание масс. «Попы» и духовные власти изображались вместилищем пороков и лицемерия. Они же объявлялись тормозом прогресса и развития в сторону утопического всеобщего счастья.

Хилиастические ожидания социалистов всех мастей, их разнообразные идеологические построения и практики (воплощенные, в частности, в жизни коммун, где экспериментировали не только с экономическим укладом, сексуальным поведением, но и с природой человека) являются тем историческим фоном, на котором появились книги архимандрита Спиридона.

Широко распространившиеся в конце Первой мировой войны антивоенные настроения диктовали творческой российской интеллигенции революционные образы другого, якобы не лживого, мира. Мира, освобожденного от вранья и двоемыслия. Когда футурист Владимир Маяковский писал в конце декабря 1916 года, обращаясь к «ветхим» мещанам, о том, что привычного «доброе» Рождество больше не будет, он отталкивался от всеобщего ужаса войны с ее кровавой тризной. Важнейший праздник христианского человечества не состоится потому, что не совместимы радость и будничные убийства. Массовые убийства, освященные государствами и санкционированные Церковью, отменяют весь привычный мировой порядок, включая религию и «устаревшую» нравственность. Отменяют беспримерным количеством убитых на фронтах ни за что. *«Ваш брат / теперь, / безрукий мученик, / идет, сияющий, в воротах рая»*⁹.

По метафорической мысли поэта, кровь братьев, пролитая напрасно, не дает права прежним учителям человечества проповедовать христианские заповеди и морочить ими умы людские. Здесь художник слова превращается в агитатора и утверждает, что на смену прежнему грядет новое Рождество. Он не проясняет, чье же рождение станет основой будущего праздника. Но ясно, что это будет явление уже антихристианского порядка и невиданной морали.

Странствующий монах с обостренной чуткой душой, архимандрит Спиридон лишь отчасти мыслил и действовал в русле этого общего потока морального, психологического и социального протеста, вызванного войной и революциями. Ведь он издавна, с ранних лет, был непримирим ко всякому проявлению духовного фарисейства, омертвляющему истоки личной веры. От современных мечтателей и утопистов его отличала глубокая убежденность в том, что перемена внутреннего устройства человека зависит не от схоластических конструкций идеологий, а от духовного непрекращающегося стремления к свободе. К свободе утверждения человечности и добра.

Разница между его частным, индивидуальным протестом и общим восстанием творцов культуры против обветшавшей «церковной», «буржуазной» морали принципиальна. Архимандрит был глубоко убежден, он просто знал, что когда верующий живет по закону Царства Христа, тогда, отбросив любые подмены, пришедшие как изнутри Церкви, так и извне, погружается в иное бытие.

Он сердечно разделял убеждение своих киевских друзей-богословов в необходимости удаления из церковного организма всякого бюрократизма во имя торжества соборной, евангельской демократии. Дух свободы всегда приведет верных Христу в Его Царство, где все пронизано братством и милосердием. Профессор Василий Экземплярский постоянно напоминал ближним о пророчестве Иоанна Богослова о неизбежном конце времен и последнем страшном гонении на верных. Василий Ильич считал, что это «новое и величайшее гонение настанет в тот момент, когда Церковь перестанет угождать властителям земли... и вступит в борьбу со злом». Этот момент внезапно для всех настал в 1917-м году. «Братство Иисуса Сладчайшего», ведомое отцом Спиридоном, утверждало в Киеве времен апокалипсических не скованное внешним догматизмом чистое братолюбивое христианство. Его община действовала среди киевского пролетариата, очень быстро попавшего в тиски тирании (еще худшей, чем при прежнем режиме) и сплотившегося вокруг своего пастыря с полным пониманием того, к какой жизни насущно стремиться: жизни, основанной на Нагорной проповеди, а не на учении революционеров. Среди культурных слоев киевского общества действовала другая, дружественная «Братству Иисуса Сладчайшего» община священника Анатолия Жураковского. Всем им помогал, пока был в силах, Василий Экземплярский и кружок его соратников. Это был духовный, как сказали бы

⁹ Маяковский В. Из стихотворения «Хвои». 1916.

сейчас, проект по осуществлению в нашей истории незамутненного самоотверженного православия. Свобода, по вере участников этого эксперимента, соединенная с постоянным, неустанным откликом на призывы Христа только одна способна преобразить родину.

Конечно, путь духовной свободы оказался предельно тернистым.

В июле 1927 года тогдашнее временное руководство Российской Православной Церкви признало в напечатанном в правительственных «Известиях» своеобразном манифесте («Декларации») советскую власть как установленную свыше и призвало всех своих последователей стать лояльными гражданами СССР, поддерживая власть во всех ее начинаниях. Таким образом, страдавшие за веру узники были признаны церковным начальством уголовными преступниками.

Архимандрит Спиридон отказался признать этот призыв христианским по существу и со своей общиной ушел к тем православным епископам, которые не сочли возможным играть в политические игры с новой властью. Движение это стало называться «иосифлянским» по имени митрополита Ленинградского Иосифа (Петровых; 1872–1937). Отец Спиридон продолжал совершать то, что делал все годы, начиная с образования Братства. Проповедь, исповедь, широкая благотворительность, поддержка слабых и больных. Но даже среди киевских «иосифлян» нашлась и в это время группа духовенства, которая вдруг припомнила монаху его «сектантскую» «Исповедь», его богослужения с необычным чтением вслух «тайных» молитв. По-видимому, эта пробудившаяся вражда была тайно спровоцирована кураторами религиозных дел из ОГПУ. Лжебратия стала писать доносы епископам уже «катакомбной», особо преследуемой, Церкви. В результате на архимандрита вновь наложили епитимью в виде запрета служить привычным для него образом. Он собрался ехать в ссылку к митрополиту Иосифу и оспорить несправедливые решения. Но — не успел.

Последние годы архимандрит тяжело болел сердечной недостаточностью, волнения, вызванные новой тяжбой с церковной бюрократией, ускорили развязку. Одиннадцатого сентября 1930 года он скончался. Перед смертью ему было видение о скором разгроме его христианского дела, аресте и последующих длительных мучениях в заключении его друга, священника Анатолия Жураковского (арестованного через месяц после кончины отца Спиридона, на Покров 1930 г. и расстрелянного в 1937 г.).

На похороны архимандрита собрались тысячи людей, гроб несли нищие, было много детей, а похоронная процессия растянулась на несколько километров. В проповеди, сказанной после погребения на Соломенском кладбище, отец Анатолий в немногих словах очертил существо дела, которому посвятил себя умерший:

«Наличная церковная действительность не удовлетворяла его: он... хотел найти путь, который состоял в том, чтобы собрать верных в единое тело и научить деятельной любви друг к другу и всем скорбящим, обремененным, нуждающимся. Он возродил древний церковный идеал... как ни ужасны были условия, при которых проходило его служение... он показал и верующим, и неверующим... образ Церкви как чего-то такого, что создано Силой, которая сеет любовь, мир, свет и блаженство».

Почитатель Христа и его неотмирного Царства, страстный противник войны, обличитель всякого рода фальши и лжи, архимандрит Спиридон оставил бесценные свидетельства о старой, православной России кануна ее нисхождения в ад социальной утопии. В своих книгах он показал проекцию другой, тайной, внутренне напряженной жизни, которая билась в российских просторах и сердцах, переливаясь радугой небесных красок и отражений. Неожиданно для себя (да и для нас, до сих пор лишенных полноты знаний о собственной истории) он оказался творцом нового, авангардного православия, всегда стремящегося к источнику целительного слова и сострадания ко всякому тоскующему о царстве справедливости на нашей грешной земле.

Исповедь священника перед Церковью

Предисловие

Когда пленник после долгого плена возвращается на родину, то он ждет не дожидается, когда вступит на свою любимую землю и увидит своих родных и близких. И когда увидит, то плачет от радости и спешит рассказать о том, как он жил на чужбине, как тосковал по родине, как томился и страдал.

Я теперь в своих глазах подобен пленному, всеми силами души стремящемуся на свою милую родину, к радостной духовной жизни во Христе. Первые двадцать лет своей жизни я жил в своем сознании на родной стороне, на свободе Евангельской жизни. А затем попал в плен языческому миру и двадцать три года был жалким пленником на духовной чужбине. Теперь, мне верится, я вновь вступаю на свою родную землю, теперь снова душа моя горит желанием служить одному Христу, и я хочу поведать всем близким и родным по духу о своей великой радости, когда перед глазами моими открылся родной край, и о тех ужасах одинокой и несчастной жизни, какие пережил я на далекой чужой стороне.

Исповедую свою веру и рассказываю о своей жизни всей Церкви единственно потому, что думаю, не послужит ли моя горестная повесть на благо и радость душам христианским, и находящимся в тихой пристани духовной жизни, и обуреваемым волнами сомнений, колебаний и мирской суеты. Никого не хотел бы я в своей исповеди ни судить, ни осуждать, ибо себя самого считаю первым грешником в Церкви и только благодарю Господа за Его ко мне милость. И если что скажу резко или даже жестоко, то всех прошу простить меня, ибо кричу я от одного воспоминания той страшной боли и тоски, какие я пережил, и от ужаса, когда вижу, что и другие, мои близкие братья по вере, идут путями, подобными тем, какими я долгие годы шел ранее. А всего более горюю и ужасаюсь, когда вижу Господа Иисуса пренебрегаемым в самой Церкви Его и заповеди Его вижу поруганными от самих христиан. Каждое творение славит Господа и исповедует Его как умеет. И я во имя и славу Его исповедую и скорби души моей и радость веры моей, исповедую, как умею, от чистого сердца и с горячим желанием, чтобы мое слово не меч и разделение внесло в Церковь Христову, но послужило нашей общей духовной пользе и взаимному назиданию.

Автор

I

Не знаю, кем я был до своего появления в мир. На землю я появился в 1875 году. Родители у меня бедные крестьяне. Первых три года я не помню, с четвертого же года своей жизни до сего дня я помню все. Я очень рано почувствовал в себе влечение к одиночному созерцанию Бога и природы. Насколько припоминаю, меня с самого раннего возраста соседи считали каким-то странным мальчиком. Я чуть ли не с пяти лет начал сторониться своих товарищей по своему детскому возрасту и уходить в лес, бродить по полям, просиживать на полевых курганах, где отдавался размышлению о том, есть ли Бог, есть ли у Бога жена, дети, что Он ест, пьет, откуда Он явился, кто Его родители, почему Он Бог, а не другой кто-либо, почему я не Бог, что такое я, почему я хожу, киваю головой, говорю, ем, пью, сижу, лежу и т. д., а деревья, травы, цветы этого не могут делать. Больше всего на меня производили сильное неотразимое впечатление солнце и в ночные часы звезды. Я никак не мог понять, каким образом солнце движется.

Были дни, когда я так увлекался солнцем, что вечером, ложась спать, думал: вот завтра, как встану, то обязательно пойду туда, откуда оно появляется, только нужно лопать хлеба взять и чтобы меня не увидела мама. Не менее солнца меня сильно занимали и звезды. Я никак не мог понять, почему

они только показывались ночью, что они такое, живут ли как люди или они зажженные лампы. Особенно меня приковывал к себе Млечный путь. Однажды я от своего товарища, мальчика, услышал, что как его учитель, который жил у них на квартире, он рассказывал его родителям, что Солнце во много раз больше всей Земли, а звезды такие же большие, как наша Земля, а есть из них некоторые и больше Солнца, а кажутся они нам потому лишь такими маленькими, что очень и очень высоко от нас находятся. Этот мальчик своим рассказом до того меня заинтересовал, что я от сильного впечатления всю ночь напролет не спал. Рано утром, только что появилось солнце, я отправился к этому учителю. Учитель принял меня и, когда узнал цель моего к нему прихода, то сейчас же начал мне рассказывать о Земле, о Солнце, о звездах и т. д.

Как сейчас помню, как с затаенным дыханием я слушал его, а минутами даже всхлипывал от каких-то торжественно-радостных слез. Мне казалось, что передо мною развернулась какая-то страшная, никогда не виданная мною картина.

Я долго его слушал. Когда же учитель закончил со мною беседу о природе и затем расспросил, чей я мальчик и сколько мне лет, я, под впечатлением его рассказов, отправился на свой огород, где росла конопля, зашел в самую глубь этой конопли и, пав на колени, начал молиться Богу. Не могу сейчас припомнить, чего я в это время просил у Бога, но, как я сейчас припоминаю, чего-то я у Него просил. Молился я так усердно и с такими слезами, что у меня лицо распухло и глаза были налиты кровью. Через несколько дней после рассказа учителя я заболел и лежал несколько дней в постели. Мама моя после этой моей болезни стала на меня смотреть с каким-то беспокойством.

Не знаю, после этого сколько прошло времени, я уже стал учиться читать молитвы. Первая молитва была «Отче наш», затем «Богородице Дево», «Достойно есть» и т. д. Но нужно сказать правду, что я с самого детства почему-то любил молиться без чтения молитв, и это чувство до сего дня меня не покидает.

В нашем селе Козинки, Скопинского уезда, где я родился, были очень религиозные крестьяне, и мама моя часто водила меня к ним. Начало религиозной жизни в нашем селе было положено строившими нашу церковь тремя братьями Рябикиными. Они в часы отдыха собирали вокруг себя мужчин и женщин и читали им святое Евангелие. Впоследствии скопинское духовенство, заподозрив их в какой-то ереси, сослало Луку и Семена в Сибирь, и на свободе остался только третий, Иван. Они так глубоко посеяли религиозную жизнь в сердца наших козинцев, что даже и до настоящего времени Козинка, по своей религиозной жизни, является исключительным селом во всем Скопинском уезде. Попадали также в наше село иногда и священники дивные. Особенно святой жизнью отличается настоящий батюшка, о. Григорий Стрекалов.

Общение с детства с религиозными людьми много доставило мне пользы, но больше всего мою детскую душу развивали леса, поля, солнце и звезды небесные. Я никогда не забуду, с каким сладостным восторженным чувством я всегда впивался в солнце или в дивный млечный путь небесных светил.

Когда мне было лет семь, тогда я еще чаще прежнего стал оставлять свой дом и находиться в поле. Часто с отцом, с дядей, с работниками я выезжал в поле. Тут еще сильнее природа располагала меня к себе.

Были ночи, когда все возле меня спало, и только я один бодрствовал, упиваясь до слез величественной красотой и гармонией небесных светил. Но что больше всего меня удивляло, так это то, что я всегда в самом себе, с самого раннего детства, чувствовал сильное влечение к молитве. Как бы своей красотой меня природа ни поражала, как бы она ни наполняла мое сердце и мой ум к себе благоговением, я все же чувствовал, что этого мне мало, что есть еще уголок в душе моей, чтобы заполнить который — нужна молитва. Но молитва не церковная, молитва не с молитвами, выученными наизусть, а молитва одинокая, детская молитва, которая роднит молящегося с Богом. О, как я был

тогда счастлив! Сердце мое всегда было наполнено какой-то неизреченной радостью. Не скажу, что я верил в то время, а просто как бы ощущал, что Христос всегда со мною и что за этим миром, видимым миром, где-то вот недалеко находится Царство Божие, и мы все через малое время должны из этого видимого мира перейти в него и жить там вместе с Богом, вместе с Христом, и всегда я буду видеть Христа, всегда слышать Его дивное божественное учение.

Однажды как-то я услышал, не припомню от кого, что на Троицу в Иерусалиме апостолы получили огненные языки с неба и, никогда не учившись говорить иностранными языками, тут же, как получили огненные языки с неба, сразу начали свободно говорить на разных языках. Эта весть до того меня всколыхнула, что я еще до восхода солнца отправился искать Иерусалим.

Отошел от своего села каких-нибудь верст пять, идет мне навстречу женщина с ребенком на руках, спрашивает: «Куда ты, мальчик, бежишь?» Я остановился и, вместо того чтобы ответить на ее вопрос, начал сам ее расспрашивать о том, где находится Иерусалим и куда, в какую сторону мне идти, чтобы попасть в Иерусалим. Женщина смотрит на меня и улыбается, и я тоже стою и смотрю на нее и жду, когда она мне скажет о Иерусалиме и о дороге, по которой я мог бы скорее до него добраться. Женщина сказала мне: «Я слышала, что Иерусалим находится в той стороне, где садится солнце». Я поклонился ей и отправился в ту сторону. Шел я больше всего чистым полем. Пришел в Журавинский лес, вечером пошел сильный дождь, загредел гром, я тогда сошел с дороги, присел под куст. Наступила ночь. Хлеба у меня нет. Есть до смерти хочется. Утром на следующий день я встал и опять пошел по той же самой дороге искать Иерусалим. Только что стал проходить лес, как слышу, кто-то в след мне кричит: «Остановись, куда тебя черт несет». Я как оглянулся, то так и присел на месте. Это был мой отец. Он ехал верхом на белом коне и с плеткой в правой руке во весь карьер мчался ко мне. Когда он поравнялся со мной, то слез с коня, закурил махорку, посадил меня на лошадь и сам сел, и мы шагом отправились домой. К вечеру мы были уже дома. Мама со слезами встретила нас. Отец привязал коня к плетню, с плеткой в руке вошел в избу и этой плеткой такие нарисовал на всем моем теле языки, что я две недели не мог даже с бока на бок повернуться.

С этого же года я начал учиться грамоте. Первым моим учителем был один очень благочестивый крестьянин, сосед наш, Сергей Тимофеевич Тимошкин. Учился я плохо. Думаю, что причиной этому была та же самая природа, в которую я весь целиком ушел тогда. Но все же я начал читать Псалтырь, Евангелие и другие книги.

На восьмом году моей жизни стал я ходить в школу. Школа была для меня настоящей тюрьмой. Меня, дикаря, посадили с такими же, как я ребяташками: крик, визг, какой-то для меня непонятный говор, все кричат, суетятся, и я чувствовал себя среди своих же товарищей детей очень и очень плохо. В школу я ходил два года.

В это время я очень увлекался жизнью святых, особенно производили на меня впечатление мученики и пустынножители, но среди них почему-то останавливал на себе мое внимание Ориген. Не могу сейчас припомнить, почему Ориген так глубоко врезался тогда в мою детскую душу. Я даже однажды видел его во сне. С котомкой на спине, длиннолицый, безбородый, босой, с палкой в руке, явился он мне.

Наш дом стали посещать в ту пору монахи и монахини, посылаемые по сбору из разных монастырей. Между этими монахами, хотя редко, заходил в наш дом один нашего села крестьянин, по имени Степан. Он временами юродствовал. Этот полуюродивый крестьянин стал на меня своей в высшей степени симпатичной личностью сильно влиять. В настоящее время Степан — иеромонах Пронского монастыря, отец Киридат¹⁰. В один из летних вечеров вернулся я со своими овцами с поля домой, вхожу в избу, смотрю, в нашей избе сидит Степан. Я поклонился ему, он подходит ко мне и говорит: «Пойдем ли в монастырь помолиться». Я согласился. Назавтра мы рано отправились в

¹⁰ Такого имени в святцах нет. Вероятно, монаха звали Кириак или Кирик.

Пронский монастырь и к вечеру того же дня уже стояли в монастырской церкви. Нужно сказать правду, монастырь на меня не произвел особенного впечатления. Но вот что на меня произвело сильное впечатление, это лес, который кольцом обхватывает этот самый монастырь. Игумен монастыря, отец Миелетий, особенно настаивал на том, чтобы я остался в монастыре. Я его послушался. Первое послушание дали мне быть пономарем при церкви. Я ревностно нес это послушание. Несмотря на то, что я каждый день находился в церкви, я все же для успокоения души своей уходил в лес и там молился. Был однажды такой случай: кто-то мне сказал, что явилась где-то икона Божией Матери, что это знаменует скорое пришествие Страшного Суда Господня. Я тотчас рассказал об этом одному своему товарищу, мальчику, по имени Федот, и вот полезли мы с ним вдвоем на чердак одного здания и, в ужасе и глубоком отчаянии, что надвигается Страшный Суд, так горячо в течение нескольких часов молились Богу, что нас оттуда еле сняли. Степан часто уводил нас с Федотом в сад и там беседовал с нами о христианских добродетелях, особенно старался он мне внушить смирение и кротость. Так прожил я в этом монастыре два года. Окончилась моя монастырская жизнь совершенно внезапно таким образом: сидя вечером в трапезе, слышу я однажды, читают житие святого Стефана Пермского. Как услышал я о его миссионерской деятельности, то вспыхнуло в моей душе желание быть тоже миссионером. Окончилась трапеза, я пошел в келью. Спать не могу, сна нет. Вышел я из кельи и пошел в сад. В саду я предался горячей молитве. Не знаю, просил ли я о чем Бога или просто изливал перед Ним свои чувства, не могу точно вспомнить, но в келью я уже больше не вернулся, а утром пошел прямо в церковь. Трудно мне сейчас все вспомнить, как это со мной случилось, но только я босой, без шапки, в одном подряснике, оставил монастырь и прилетел домой.

Дома родители меня встретили с каким-то ужасом. Они никак не могли понять, почему я так вдруг, в таком виде оставил монастырь. Дня через два после моего побега начальство монастыря узнало, что я нахожусь у родителей дома, игумен несколько раз присылал за мной, но я в монастырь больше не вернулся, а остался дома.

Живя дома, я по-прежнему рвался из села в поле, особенно когда хлеб начинал цвести. Боже мой! Как в это время я чувствовал себя хорошо! Казалось, каждая травка, каждый цветочек, каждый колос нашептывает мне о какой-то таинственной божественной сущности, которая так близка, близка человеку, всякому животному, всем травам, цветам, деревьям, земле, солнцу, звездам, всей вселенной. В таком опьяняющем чувстве я уходил в глубь хлебных полей и там предавался какой-то странной молитве: то плачу, то радуюсь, то дико кричу, обращаясь к небу, то ложусь, бывало, на спину и с затаенным дыханием ожидаю последней минуты жизни. Когда приходилось мне пахать или боронить, то я и здесь временами, особенно утром при восходе солнца и пении жаворонков, приходил в какое-то опьяняющее состояние духа.

В это время жил в нашем селе один крестьянин, по имени Семен Самсонович. Как сейчас вижу его: худой такой, тонкий, довольно высокий, но сутуловатый, лицо худое-худое, длинное, маленькая седенькая бородка, болезненный вид — однажды деревом его сильно придавило. Кто бы с ним ни повстречался, каждого он всегда первый приветствует: снимет шапку и, низко кланяясь, скажет: «Раб Божий, царство тебе небесное». Жил Семен очень бедно: когда он выдавал свою дочь, то гостей угощал на свадьбе одним хлебом и, вместо водки, святой иорданской водой. Замечательный это был человек. Однажды намолотил он ворох ржи и, сев неподалеку, стал охранять от домашних птиц. Не заметив Семена, сосед с мешком в руках пришел насыпать себе этой ржи. Насыпал полный мешок и никак не может поднять себе на спину. Подходит Семен Самсонович и говорит вору: «Раб Божий, подожди, я помогу тебе поднять», и помогает вору поднять украденное у него! Отдавал всегда Семен все последнее свое. Помню, раз подарили ему новый хороший овчинный тулуп, через несколько дней пришел какой-то странник, попросил, нет ли чего из одежды — была зима — сейчас отдает ему Семен свой хороший тулуп, только что подаренный, а после оказалось, странник-то в кабак его и снес. Никогда никого словом не оскорблял Семен, если кто его ругал или обзывал нехорошим словом, он

на все всем отвечал: «Раб Божий, царство тебе небесное». Никогда он ни с кем не спорил, речь его была тиха, говорил мало. Любил он раньше всех приходить в церковь, любил также звонить на колокольне в один колокол, и какой бы ни был ветер, холод, мороз, под колоколом стоял он всегда с обнаженной головой. А когда стоял на молитве, то слезами увлажнял свою голову. С этим-то Семеном я и познакомился, и мы полюбили друг друга горячо. Как-то зашел он к нам в избу, говорили мы с ним о многом, наконец он обращается ко мне с следующим призывом: «Пойдем, раб Божий, к Тихону Залонскому, помолимся ему, авось он укажет тебе путь спасения». Родители согласились меня с ним отпустить, и мы через два дня отправились в путь. Был Великий пост. Шли мы четыре дня. В монастыре мы исповедовались и причастились святых Тайн. Был в этом монастыре прозорливый иеромонах Иосиф, зашли мы к нему, он Семена принял очень хорошо, а мне сказал, что я через год буду на старом Афоне.

Когда мы вернулись обратно домой, то через неделю Семен опять, ничего не говоря своей жене, тайком отправился на богомолье в Киев. Это он уже одиннадцатый раз в своей жизни таким образом пошел в Киев на богомолье. Бывали даже и такие случаи в его жизни: вот кто-нибудь даст ему своего коня с сохой, чтобы он вспахал свою какую-нибудь десятину земли, видит он, что женщины-старушки потянулись на богомолье, останавливает их, спрашивает, куда они идут, услышит, что в Киев, к отцу Ионе, тут же моментально оставляет чужого коня на поле и без всякой котомки отправляется с ними на богомолье. Поистине редкий, дивный был христианин Семен Самсонович.

Вернувшись из Киева, через день Семен Самсонович посетил меня и мы провели этот день в духовных беседах. Он много рассказывал мне хорошего поучительного из своей прошлой жизни. Любил он говорить об апостоле Павле, он считал его выше всех святых, так как Павел, по его мнению, больше других апостолов любил Христа. Часто мы с Семеном уходили в поле и там в религиозных беседах проводили время. Семен как-то особенно любил меня, но что меня больше всего к нему привлекало, так это то, что он был в духовной жизни очень уравновешен, этим он особенно как-то подкупал к себе.

Кроме сего Семена у меня был еще другой близкий человек, Игнатий Иакимочкин, человек тоже богобоязненный, но далеко не такой, как Семен. Был еще и третий, и тоже в духовной жизни далеко уступал Семену. Часто посещал я их, а они в свою очередь бывали у меня, но моя душа была для них закрытой. Странное дело, в этом году я впервые почувствовал сильное влечение к одной молодой девушке — чувство для меня совершенно незнакомое — но влечение это было совершенно чистое. Мне было тогда тринадцать лет. В этом же самом году моей жизни напали на меня впервые богохульные мысли. Любовь к девушке долго в моей душе не могла гореть, она скоро угасла, но богохульные мысли совершенно замучили меня. Я от них лишился аппетита, сна, стал не по дням, а по часам сохнуть и наконец слег в постель. Я от этих мыслей говеть боялся и так и не говел.

Настала Пасха. На второй день Пасхи приходит Семен и говорит мне: «Раб Божий Ягорий, Христос Воскресе. Царство тебе небесное». Я ответил: «Воистину воскресе». — «Что ты заболел, — продолжал Семен, — пойдем в Киев к святым угодникам, они нас ждут к себе в гости». — «Пойдем», — ответил я. Мама моя заплакала. Отца в этот день дома не было. «Раба Божия Пелагея, — обратился к моей маме Семен Самсонович, — отпускаешь ли ты в Киев сына к угодникам Христовым или нет? Чего же ты плачешь? Нужно радоваться, что сын твой пойдет в Киев на богомолье». — «Я ничего против не имею, но он какой-то у меня странный, чего доброго еще сбежит от нас куда-нибудь, а тогда вечно будем его оплакивать. Вот отец придет и мы тогда подумаем». — «Раба Божия Пелагея, — начал говорить Семен, — у нас у всех один отец — Бог, мы только Ему одному должны служить и служить без всяких размышлений». Через час или два приходит мой отец домой, немножечко выпивши. Мать ему передает, что я с Семеном хочу идти в Киев на богомолье и что для этого дела нужно достать мне паспорт. Отец задумался, потом, обращаясь ко мне, говорит: «Не знаю, что из тебя и будет, одни тебя очень хвалят, а другие считают за сумасшедшего дурака. Не знаю, что

с тобой и делать: сколько раз бил я тебя, оставлял без обеда, наказывал, но ты все делаешь по-своему. Не знаю, что с тобой делать. Если хочешь идти в Киев, иди уже». Я возрадовался.

Дня через два мы отправились с Семеном в Киев. Шел Семен без всякой котомки, без посоха. Было ему тогда лет около шестидесяти. Первый день мы мало говорили между собой. У него, я заметил, была на душе какая-то тяжелая мысль. На второй день он совершенно стал другим, повеселел.

«Раб Божий, — начал первый Семен, — тебе теперь сколько лет». — «Четырнадцатый». — «Года идут, жизнь со дня на день все сокращается и сокращается, и не увидим, как приблизится конец земной жизни, а там уже суд Божий. Я как-то слышал от грамотных крестьян, они читали святое Евангелие, там говорится, что праведники просветятся в царстве Божиим, как солнце. Ах, ягодка моя, ведь это надо только подумать об их славе, каково оно будет. Я бы здесь, на земле, готов землю грызть, червям себя отдать, рабочей лошадью быть, поганой собакой быть, лишь бы среди этих праведников быть. Люди как-то этого не понимают. Потом слышал я также, что грешники будут вечно мучиться в огне, но это, как ни тяжело страдать в таковых муках, еще не есть последнее наказание: самое большое наказание это то, что Бог навсегда отвернется от грешников». Семен заплакал. «Для меня муки не так страшны, страшно лишь то, что Бог лишит грешников Своей милости. Я как об этом подумаю, очень становится страшно. Я готов просить Бога не только о всех христианах, но и о тех, которые не крещеные, всех их становится жалко, очень жалко, жалко мне евреев, татар, угнетенников, самоубийц, жалко мне некрещеных младенцев, всех мне жаль, даже дьявола жаль. Вот, раб Божий, что я испытываю в сердце своем. Хорошо ли это или не хорошо, но у меня такое сердце».

Слова Семена переворачивали все мое существо, мне становилось как-то легко и светло на душе, минутами я плакал. Сердце мое наполнялось какой-то дивной невыразимой радостью...

«Семен Самсонович, — спросил я его, — как мне жить, чтобы угодить Богу?». — «Я думаю, вот ты теперь как живешь, если так проживешь всю свою жизнь, то спасешься».

«Ты знаешь, дедушка Семен, я от Бога ничего не желаю, даже не желаю и быть таким праведником, чтобы сиять подобно солнцу, но я желал бы всем своим существом любить Его так, чтобы больше меня Его никто не мог любить. Я бы хотел все, все забыть, забыть родителей, забыть дом, забыть весь мир, забыть и себя и превратиться в одну любовь к Нему. Пусть я и не наследую царства Божия, пусть я и никогда не увижу Христа на том свете, но я хотел бы быть не человеком, а одной к Нему любовью. Я, Семен Самсонович, как-то в Лужках молился Богу и от этой молитвы я чуть не умер: у меня забилося сердце, выступил пот, и я повалился на землю, и в это время я не был собою, а был только одной дивной, как огонь, любовью. Вот такую бы любовью я желал быть. Вот и теперь я ничего не прошу у Бога, кроме одной лишь любви к Нему. Я хотел бы так любить Бога, чтобы в этой любви мне совершенно истаять, сгореть и быть вечно только одной дивной любовью к Нему».

Семен Самсонович слушал меня. Наконец стало вечереть, солнце близилось к закату, мы попросились у крестьянина, не помню какого села, переночевать. Крестьянин нас принял с лаской, накормил нас. Под впечатлением дневного разговора мы долго не могли уснуть, но наконец сон взял свое и мы заснули крепким сном.

Дедушка Семен встал рано, разбудил и меня, хозяин нас накормил молоком, яйцами, и мы опять пошли дальше. Семен вспомнил наш вчерашний разговор и начал продолжать его в том же самом духе:

«Вот, раб Божий Ягорий, ты вчера говорил о любви к Богу, да, это было мне по сердцу, и что ж, если ты будешь просить у Бога такой любви, Он ведь всемогущ, может тебе и даровать ее. Ты только проси Бога. А было ли тебе когда-нибудь видение какое?». — «Нет». — «А ведь многим святым были видения». — «Дедушка, мне ничего не надо, я очень хотел бы превратиться в одну любовь, чистую любовь к Богу. Меня больше всего к этой любви влечет то, что Сам-то Бог, кажется, больше Себя любит Свое творение. Когда я вдумаюсь: сколько на небе звезд, а на этих звездах, быть может, тоже

кто-нибудь да живет, посмотрю на землю — все зеленеет, цветет, птички радуются, поют, кузнечики стрекочут, ах. Да как же Его не любить! Вот почему я хотел бы весь превратиться в любовь к Богу».

«Да, дитя мое, любить Бога — надо отречься от себя. Говорят, есть великие угольники Божии на старом Афоне, вот бы там привел Бог хоть один раз побывать, а потом уже и умирать можно».

Я за эти слова сразу ухватился. Мне было очень интересно знать, где этот Афон находится, но спросить Семена я не мог, не мог потому, что как-то еще не проник хорошенько в его слова. Я больше всего думал о любви к Богу. Мое детское сердце в это время от таких сладостных бесед все горело любовью к Господу. Было около полудня. Семен был задумчив. Шли мы лесом. Семен взглянул на меня, вздохнул и сказал:

«Сойдем немножечко с дороги в сторону и присядем, я устал». Свернули мы с ним с дороги и сели под дубом.

«Ягорий, давай-ка помолимся Господу Богу, Он ведь Отец наш», — сказал Семен.

Семен молился, стоя на ногах, а я стал на колени, когда же он запел своим старческим голосом «Отче наш» и пал на колени, тогда сразу загорелось мое сердце каким-то необыкновенным огнем любви, точно как в первый раз со мной было в Лужках: слезы заструились из моих очей, обильный пот выступил по мне, и я не мог удержаться от того, чтобы не утаить от Семена такое состояние души моей. Чем дальше пел Семен, тем все более и более наполнялась душа моя пламенем неизреченной любви к Богу. Так жаждал я в это время сгореть и превратиться в это сладкое пламя любви к Господу, стать одной любовью к своему Творцу.

Когда Семен кончил петь «Отче наш», я уже лежал на земле, совершенно обессиленный, изнеможенный от того огня, который горел в душе моей. Через час мы встали и отправились дальше. Шли мы молча, но на душе у нас было спокойно. Солнце уже закатывалось, а до ближайшего села было еще далеко.

«Семен Самсонович, — спросил я, — а ты вчера говорил о старом Афоне, если что знаешь, скажи мне о нем». — «На Афоне живут одни святые, избранные рабы Христовы, — начал говорить Семен. — Из них некоторые видели там Матерь Божию, а другие до самой смерти своей видят Ее и беседуют с Ней. Так мне передавали те, кто был на этой святой горе. Вот бы тебе, моя ягодка, отправиться туда. Я думаю, что ты там будешь». — «У меня, дедушка, паспорт только на три месяца дан и денег только один рубль имею». — «Ягодка моя, если угодно Богу, то Он все тебе даст, и ты будешь на Афоне. Ты помнишь, что тебе сказал о. Иосиф в Задонске. Он предрек тебе быть на Афоне. Афон — жребий Божией Матери. Ты будешь на Афоне, так мое сердце говорит мне».

Дальше я не мог слушать, я упал к ногам Семена и горячо стал просить его, чтобы он помолился обо мне Царице Небесной. Видя меня лежащим у его ног, Семен заплакал, как ребенок, и, поднимая меня, говорил: «Я верю, что в нынешнем году будешь на Афоне, но оттуда вернешься опять в Россию».

Вошли мы в село, переночевали. Утром рано опять пошли дальше. Удивительное дело, чем дальше идем, тем я все более и более восхищаюсь творением живого Бога.

Всякий человек, всякое животное, букашки, кузнечики, цветы, всякая травка так мне близки, родны, что я даже целовал их, как своих родных братьев и сестер. Радостно мне было тогда! Как-то во время этого пути Семен заболел, мне было очень жаль его, я достал ему молока, попросил крестьянина истопить для него баню, крестьянин позволил, я вытопил баню, наносил воды, нагрел ее и повел Семена в баню. Выкупал я его, попарил как следует и на другой день Семен мой был здоров.

Так мы шли с ним в Киев. Каждый день мы в поле молились Богу, каждый день мы в поле беседовали о Боге, о царстве небесном. Легко было у нас на душе. Мы чувствовали себя владыками, царями на земле. Вся природа как бы ликовала с нами. Я особенно хорошо чувствовал себя, когда приходилось идти нам по полям и лесам. Будили мою душу жаворонки, соловьи, дрозды, щеглы,

журавли, вообще все птицы, животные, леса и травы, а ночью звезды небесные. Шли мы так двадцать суток, на двадцать первом дне вступили мы в Киев. Здесь меня особенно поразило лаврское пение: мне казалось, если бы дьявол хотя бы один раз заглянул в Успенский храм этой лавры, то он, услышав лаврское пение, наверно покаялся бы.

В лавре я пробыл только несколько дней. Семен мой, посетив все святыни города Киева и распростившись со мной, отправился обратно домой, а я остался в Киеве. Пробыв еще несколько дней в лавре, я горячо помолился Господу Богу и решил пешком отправиться в Одессу, а оттуда и на святой Афон. Это было в начале так июня. Шел я больше по железной дороге, так как боялся заблудиться. Шел я один. Нужно сказать, что от самого Киева и до самой Одессы я чувствовал себя еще глубже утопающим в безбрежном океане любви Бога ко мне. Любовь Божия ощущается только любовью сердца к Богу. О, как хорошо любить Бога! Я никогда не забуду этих золотых дней моей жизни! С самого раннего утра, еще до восхода солнца отправляешься в путь, сладко становится на душе. Пшеница, овес, рожь, как море, колышутся то в одну, то в другую сторону, жаворонки поют, ласточки, как фейерверк, — возле и около тебя летают, и ты идешь, как властелин, переступая с ноги на ногу по дивному развернутому перед тобою разноцветному ковру чудной пахучей мягкой зелени. Ах, дивны дела Божии! Были дни и ночи, когда я окончательно умирал от любви к Богу. Все частички души и тела моего были охвачены пламенем любви ко Христу моему, одно слово «Христос», «Бог» моментально делало меня новым существом.

У меня было с собой русское Евангелие. Ежедневно среди хлебных полей садился я на песок или на какой-нибудь холмик, покрытый зеленью, и принимался горячо читать эту божественную книгу. Читая Евангелие, я приходил в такое торжественное настроение души, что откладывал Евангелие и предавался молитве. О, как тогда близок был ко мне Христос! Я Его ощущал в себе, ощущал во всех формах природы. Все как будто бы мне говорило: Христос во мне. Так говорили поля, леса, травы, цветы, камни, реки, горы, доли, — вся тварь. Все становилось Его храмом, Его обителью, не было такого предмета, малого и великого, чистого и нечистого, где бы я не ощущал своего Господа. Мне тогда казалось, что в одном грехе нет Христа, а все творение, весь мир — храм, носитель Христа. Были дни, когда у меня от сильной любви к Богу пропадал аппетит, и я ничего не хотел ни пить, ни есть. Однажды как-то шел я лесом и увидел дикую козу с маленьким козленком, я уже дальше идти не мог, у меня подкосились ноги, я еле свернул с дороги, пал на колени и опять полилась моя молитва к Богу, и несколько часов простоял я тут на одном месте.

Эти дни моего путешествия в Одессу были самыми торжественными днями в моей жизни. Были в это время и светлые ночи, я неоднократно целые ночи проводил в торжестве духа. Ночевал я больше в поле. Но вот в каком-то местечке встречаюсь я с полицией: пристав спрашивает, кто я, откуда и требует вид. Когда он узнал, что я иду пешком на Афон, то так и покатился со смеха. Затем он повел меня к себе на квартиру, здесь он вторично спросил меня, и я сказал то же самое, но он уже не смеялся, а напоил меня чаем и дал двадцать копеек, и пошел я дальше. Помню, что с этого дня и до самой Одессы я не ночевал в домах, а все в поле. Нужно сказать, что я почему-то за эти дни стал избегать людей, по два, по три дня я ничего и во рту не имел, но чувствовал себя совершенно здоровым и сильным. Через пятнадцать дней я наконец добрался до Одессы. Как только я стал подходить к Одессе и увидел море (я его никогда не видел), то душа моя опять забила ключом радости. Я весь в слезах смотрел на это море и все шептал: «Господи! Ты все можешь, проведи меня на Афон». Вступив в самый город, я прежде всего стал расспрашивать, где Пантелеимоновское подворье, и мне указали его.

Когда я пошел на ту улицу, где находится подворье, то прежде всего один бедняга, увидя, что я деревенский мальчишка, схватил у меня мою последнюю шубенку и убежал с ней. Я ничего ему не сказал, хотя и жаль было шубенки. Прихожу я на подворье. Монахи, видя меня таким замухрышкой, заинтересовались мною, стали расспрашивать и когда узнали, что я хочу быть на Афоне, то одни смеялись надо мною, другие же смотрели на меня как на ненормального мальчугана. Только один

приласкал меня и сказал серьезно, что я, по своей крайней молодости, а затем как беглец от родителей, хотя бы имел и деньги и документы, все равно на Афоне быть не могу. Эти слова монаха как громом сразили меня. Я заплакал. Настала ночь. Я от тоски ни пить, ни есть не мог. Когда все паломники полегли спать, я вышел из этой комнаты и в молитве начал изливать свою тоску. На заре я вернулся в ту комнату, где мне было отведено место среди других паломников, и лег спать. Во сне вижу икону святого великомученика Пантелеймона. Утром встал и отправился по городу искать себе какую-нибудь работу. Все, к кому я ни обращался, смеялись надо мною, а у меня слезы так и катились по щекам. Но вот, не помню, на какой улице подошел ко мне один господин, довольно прилично одетый, и, видя, что я так горько плачу, спросил меня: «Мальчик, о чем ты так сильно плачешь?» Я рассказал ему все подробно, как я ушел от родителей, как дошел до сего места и как я хочу быть на Афоне. Выслушав меня, господин ввел меня в свой дом, сел за письменный стол, написал мне прошение на имя градоначальника Зеленого и велел мне взять свои документы, вложить в это прошение и отправиться сейчас же к градоначальнику. Я так и сделал. Прихожу к градоначальнику. Когда градоначальник увидел меня, то засмеялся, тут же взял от меня прошение и начал читать, потом по телефону попросил настоятеля Пантелеимоновского подворья явиться к нему; когда настоятель явился, градоначальник указал ему на меня и велел отправить меня на счет монастыря на Афон.

Боже мой! Какою радостью тогда наполнилось сердце мое. Я не знал, как и благодарить Господа Бога за Его ко мне великую милость! А паломники один перед другим спешили расспрашивать меня, и все удивлялись провидению Божию, свершившемуся надо мной. На следующий день я вместе с паломниками отправился в Константинополь. Море на меня мало произвело впечатления. Но вот на третий день рано утром я увидел город необыкновенной красоты — Константинополь. Меня особенно поразило его местоположение и бесчисленное множество минаретов. В Константинополе мы пробыли дней пять и за это время обошли почти все святые места. Сильное неотразимое впечатление на меня произвел храм Св. Софии. Здесь я плакал, но слезы мои были тоже чувством всеподавляющего страха и величия сего святилища Господня, я не скорбел, как другие, что этот храм стал мечетью — я с этим в душе своей смирился, зная, что и мечеть есть храм Божий. Был я также в турецких монастырях, где как-то странно вертятся дервиши.

Наконец наступил день нашего выезда из Константинополя прямо на святой Афон. Ехали мы несколько дней. Когда мы стали подъезжать к Афону, то я не мог равнодушно смотреть на это святое место: ноги мои дрожали, сердце билось... «Боже мой, — заговорил я сам себе, — вот где живут святые! вот где Царица Небесная появляется Своим праведникам! вот где почивает благодать Божия!» Появились на нашем пароходе афонские монахи, стали нас приглашать к себе, и я с другими паломниками отправился в Пантелеимоновский монастырь. Здесь мне не понравилось: монахи как-то холодны в своих между собой отношениях и это мне в них не нравилось. Из этого монастыря я отправился в Андреевский монастырь, и вот здесь мне очень понравилось.

Андреевцы почему-то обратили на меня свое внимание, особенно иеросхимонах Мартиниан, затем Иезекииль, Варнава и сам настоятель, великий Феоклит. Этот Феоклит был величайшим монахом в своей обители, он был необыкновенно кроток и смирен сердцем, до него и после него равного ему не было настоятеля в сей святой обители. Меня почему-то в этой обители называли японцем. Я предполагаю, что это потому, что у меня как-то губы выделялись, по ним мне дали афонцы такую странную кличку. Когда я стал уже числиться послушником сей святой обители, когда стал исполнять клиросное послушание, то душа моя как будто чем-то стала наполняться добрым, святым, светлым. Я ежедневно ходит к о. Мартиниану и открывал ему все свои мысли и чувства. Молитва в то время очень сильна была во мне. Каждый день я словно развивался, рос, совершенствовался, расширялся, но, несмотря на все это, я чувствовал, что мне не достает прежней природы. Вскоре я заболел ангиной, несколько раз сам настоятель о. Феоклит посещал меня больного. Через две недели

я поправился, а затем меня, спустя некоторое время, отправили в Константинополь. Здесь я был поваром и тут же учился греческому языку, эллинской премудрости.

В Константинополе монахи меня любили и любили горячо. Часто ходил я тут по разным святым местам. Раз пошел я в Софию и встретил кучку мулл, муллы обступили меня, два из них хорошо говорили по-русски. Я вступил с ними в дружескую беседу, и они мне рассказали, что здесь, в сем храме гремели когда-то речи святого Иоанна Златоуста. Эти слова муллы так сильно на меня подействовали, что я с этого момента почувствовал какое-то тяготение к проповедничеству. Я горячо просил Господа Бога и Царицу Небесную, чтобы и я стал проповедником. С этого времени я стал читать Священное Писание, святоотеческие книги, творения отцов Церкви. Более других я любил Оригена и Василия Великого.

В Константинополе я прожил несколько лет, затем вернулся опять на Афон и снова предался подвижнической жизни. Однажды, под день святой Троицы, после долгого стояния церковной службы, я вижу очень реальный сон: вот перед моими взорами разворачивается какой-то дивный сад, изрытый грядами, и эти гряды, подобно волнам, одна за другою тянутся цепью. На этих грядах растут необыкновенной красоты цветы, а между ними ходят мужчина и женщина, к каждому цветку подойдут, наклонятся и поют: «Рай мой, рай мой». Я проснулся и тут почувствовал, что я где-то был. С этой минуты я трое суток не пил, не ел, а только от какой-то внутренней радости беспрестанно плакал. Отец Мартириан, видя меня в таком состоянии духа, радовался. Жизнь моя на Афоне, при всех моих стремлениях к духовному подвигу, встречала совне большие соблазны. Они появлялись главное в том, что афонцы больше самого дьявола боятся национального безразличия: для малоросса великоросс — сатана, а для великоросса малоросс — демон. Кроме того, они все, еще хуже того, разделяются на губернское, уездное землячества. Другой соблазн — построены в больших городах подворья, где монахи совершенно погибают. Третий соблазн — самый коренной — деньги! деньги! и деньги! Я не раз с некоторыми монахами пытался откровенно беседовать об этих соблазнах, но всегда приходилось им уступать, потому что они приходили в озлобление. Больших подвижников я не видел там. Если и приходилось сближаться с некоторыми подвижниками, то я скоро в них разочаровывался, разочаровывался я в них потому, что у них, как я замечал, при всех их духовных подвигах отсутствовала нравственная сторона в жизни, особенно это было заметно по отношению к ближним!

Так я прожил некоторое время на Афоне; а потом настоятель решил меня отправить в Петроград, тоже на подворье. Тут я случайно познакомился со старшим келейником митрополита Палладия и он представил меня митрополиту, а последний на свой счет отправил меня в Сибирь, в Томск к епископу Макарию, а епископ Макарий к начальнику Алтайской духовной миссии.

Этой первой главой заканчиваются золотые годы моего детства! Отсюда наступает новая эра моей жизни — эра от света к мраку!

II

Настал для меня час, когда правда Христова обязывает меня открыто перед христианским миром исповедовать то, что совершилось надо мной, как над одним из величайших грешников, по неисповедимым судьбам Божиим. В этой моей исповеди я хочу откровенно рассказать о своей трагической религиозной жизни, которая, со своими духовными обрывами, падениями, непроходимыми соблазнами, всякого рода отречениями от Христа и плотскими искушениями почти беспрерывно тянулась двадцать три года. Итак, начну со времени моего отъезда в Сибирь. С этого момента, как я отбыл из Петрограда в Сибирь, я стал чувствовать, что моя любовь ко Христу начала постепенно умахаться, гаснуть, плотские же пожелания, страсти, все чаще и чаще, все сильнее и сильнее поднимались во мне и давали осязательно знать о себе. Эти мои плотские страсти временами принимали прямо стихийный характер. Они настолько были сильны во мне, что периодами я просто

терял рассудок и совершенно от них изнемогал. Несмотря на это, я все же неустанно с ними боролся, и боролся отчаянно. Мне тогда казалось, что если я не устою в борьбе со страстями, значит, я бесповоротно и окончательно погибну. Я уже в самые моменты приливов страстей с грустью в сердце прозревал, что всякие соблазны и плотские страсти возникают в человеке исключительно за счет духовной Евангельской жизни. Если эти плотские страсти возьмут надо мною верх — думал я — то, значит, любовь моя ко Христу, как основа моей жизни, должна во мне окончательно рухнуть, и тогда вся моя духовная христианская жизнь превратится в жалкий прах. Этого-то ужаса я страшно и боялся, да и было чего бояться. Я уже тогда сознавал всю опасность плотских пожеланий; я чувствовал, что в моменты прилива страстей душа моя не была способна ни любить Христа, ни молиться Ему, ни даже ясно и твердо верить в Него. Не без основания я думал тогда, что самая духовная смерть для религиозной жизни христианина скрывается именно в чувственной его жизни. Когда же утихали во мне плотские пожелания и страсти, тогда снова светлый луч моего любовного тяготения ко Христу загорался в моей душе, и я глубоко чувствовал, как мне было радостно и весело ощущать Его в себе. В такие моменты я не раз думал и размышлял о том, как бы мне раз навсегда удержать в себе этот всеосвящающий светозарный луч, наполняющий все мое существо неизреченною для меня духовною радостью. Я по своему личному опыту знаю, что значит порываться и тяготеть к Богу. Это такой момент в жизни человека, когда вся человеческая сущность опознает себя, что она не от мира сего, что ее родина — Царство Бога, что ее отечество там, где победоносно торжествует одна чистая воля Святого Духа. И вот, несмотря на мое такое пламенное желание удержать сей небесный луч в своей душе, я все же чувствовал и сознавал, что, к великому моему горю, он все реже и реже стал посещать меня, все реже и реже проникал в мою мрачную и одинокую душу. Когда я побывал в Томске и прибыл оттуда в Бийск, то остался в этом городе жить в архиерейском доме, под руководством умного и доброго начальника Алтайской духовной миссии епископа Мефодия. Через некоторое время меня, в качестве псаломщика, прикомандировали к крестному ходу, который в то время ежегодно ходил с иконой святого великомученика Пантелеймона по окрестным селам и деревням. Находясь при крестном ходе, я чувствовал себя словно на самом страшном вулкане, со всех сторон охваченным адским пламенем. Мне приходилось в то время вращаться почти исключительно в среде женщин. Страсти и плотские пожелания не давали мне покоя. Я был еще честным невинным юношей. О, как тогда горячо я молился. Целые ночи я проводил в молитве, умоляя Бога подкрепить меня в непосильном для меня труде и подвиге. В это же время мне приходилось при крестном ходе ежедневно, по несколько раз в день произносить проповеди. Не скрою, что по силе духа — свидетель Христос — проповеди мои были необыкновенные, они настолько потрясли сердца слушателей, что часто многотысячная толпа людей от слез переходила к рыданию, а от рыдания к всеобщему публичному покаянию, полному трогательного раскаяния в своих грехах. Эти мои проповеди были для меня гранитной опорой в борьбе с моими плотскими пожеланиями. Кроме проповедей, я каждый день, с раннего утра и до позднего вечера, ходил из дома в дом и пел молебны. И вот, казалось, неся такой тяжелый труд, мне ли гореть пламенем плотских страстей? Но, как это ни странно, я не только ощущал их в себе, не только горел ими, но часто мучился и страдал от них даже до полного изнеможения. Временами прямо до отчаяния я доходил от них, так тяжело мне было. Особенно тяжело мне было в то время еще и потому, что я чувствовал и твердо сознавал, что мои стремления и отношения ко Христу со дня на день становились все слабее и слабее. Молиться Христу так горячо, как прежде, я уже не мог; вера моя в Него становилась слабой; любовь ко Христу вспыхивала в моей душе изредка и слабо, и вся прежняя моя прочная органическая живая связь со Христом почти окончательно порывалась, духовная же жизнь приходила к быстрому умиранию.

Так я чувствовал себя в то время. Два года я ходил с крестным ходом, оставаясь еще чистым и невинным юношей; когда же я пошел с тем же крестным ходом на третий год, тогда в жизни моей свершилось страшное падение: я впал в грех с одной девушкой; пал я с нею при следующих обстоятельствах: случилось нам при крестном ходе остановиться в большом селе и мне отвели

квартиру в доме одного купца, а у него была дочь, молодая девица, прекрасная, как ангел. Здесь-то дьявол и поверг меня к своим ногам... и я пал с этой девицей. Не знаю, как это случилось со мною. Она много плакала о своей потерянной невинности, но и я от мучения совести и страшного отчаяния чуть не умер: мне казалось, что я на веки погиб и погубил эту несчастную девицу. Я хотел было на ней жениться, но Бог в скором времени судил иначе: она простудилась и от воспаления легких умерла.

О, это падение!!! Я даже без ужаса о нем не могу вспомнить. Это не было грехом в обыкновенном смысле, нет, это было сознательным моментом окончательного порывания моей живой связи с Богом, духовным бунтом против Святого Духа, свободным отречением от живого Христа, нарушением Евангельских заветов, и в то же время — ужасным переживанием богооставленности души со стороны триединого христианского Бога. В это время я первый раз в своей жизни пережил и опознал всю бездну невыносимого адского мучения, душевного страдания и моего страшного одиночества.

До сего времени я удивляюсь, как я еще остался жив после совершения мною этого страшного греха. С этого дня я невыразимой смертельной тоской начал чувствовать всю тяжесть своего преступления. Сразу по совершении этого греха я почувствовал, что я как бы оторвался от чего-то самого для меня главного, самого для меня ценного, оторвался и лечу в какую-то страшную бездну, пропасть. Тут с острым чувством отчаяния я узнал и с горечью сердца убедился, что я в это время сам добровольно оторвался и отпал от живого моего Христа. Его уже возле меня нет — нет и меня возле Христа. Между Христом и мною мой грех проложил как бы непроходимую вечную бездну. Я смотрел на эту бездну и горько плакал. Плакал я о том, что Христа возле меня нет. Христос по Своей природе свят, Он только во святых почивает, а я... я стал величайшим грешником, мировым грешником, и поэтому Он меня оставил и удалился от меня. Я смотрел на себя как на погибшего, окончательно погибшего человека, и я плакал и молил прогневанного мною Бога, чтобы Он простил мне грех мой.

С этого момента я сделался жалким пленником греха и презренным рабом плотских страстей: чем дальше и глубже я уходил в плотскую жизнь и терялся в ней, тем я все дальше и дальше уходил от Христа и подобно метеору летел от Него в самую пропасть ада. С этого момента я уже мало думал о Христе. Он стал каким-то далеким мне, чужим, я мало Им интересовался. Наоборот, всю свою любовь со Христа, Назаретского Христа, теперь я перенес на себя и на свое начальство. Самоотверженно исполнял я волю земного начальства, которое меня хвалило и называло энергичным человеком. В то же время я чувствовал, как вползали в мою душу, точно змеи, порок за пороком, страсть за страстью: первое место среди них занимала гордость, за ним тщеславие, затем осуждение других, затем блуд, затем раздражительность, затем злоба, затем жестокость, затем ожесточение, затем хула, затем богохульство и т. д. Все эти пороки в своей совокупности и представляли из себя, как бы самое главное ядро моего «я», моего духа.

Я сказал, что меня начальство хвалило. Не менее начальства хвалили меня и люди, они почитали меня за великого проповедника, и я, упоенный людской славой, так о себе и думал, что я действительно таков и есть на самом деле. Мне казалось в то время, что никто так не говорит проповедей, как я. Вместе с этой похвалой, а быть может, даже и в самой похвале людской, скрывался еще тот затаенный душевный ад, который, проникая в мою душу, точно электрическим смертельным током отравлял все мое существо. Этот яд есть страшное современное чувство, чувство сознания себя творцом религиозного опыта, благим религиозным учителем человечества, мудрым знатоком Священного Писания, проповедником Откровения Божия, выразителем тайн Христова Ума и как бы совершеннейшим знатоком всей вселенной! Но несмотря на это сатанинское чувство и всю гордую сверхчувствительную дьявольскую самолюбивую и самоправедную самооценку, созидаемую внутри моего испорченного сердца, я все же ежеминутно как бы чувствовал и находился в каком-то зале страшного суда, и весь этот зал для меня представлял из себя мировой суд, где участвует не одна моя совесть, но Бог и вся вселенная. И вот, находясь в этом мировом суде, я слышал, как устами моей

собственной совести вселенское Божие правосудие клеймило и называло меня христианским фарисеем, церковным фигляром, праведным грешником, святым лицемером, православным язычником, девственным блудником, смиренным гордецом и т. д. Да таким я и был на самом деле, ведь людям я проповедовал одно, а в своей личной жизни делал другое: с проповеднической кафедры я бичевал пороки других, а в этих пороках я топил свою собственную душу, я обличал людей, а сам своими грехами превосходил весь мир. И вот после моего падения страсти мои все сильнее и сильнее развивались во мне и крепили. Один раз до того они были сильны во мне и настолько охватили собой все мое существо, что я совершенно от них обезумел и в этом безумии заострил нож и произвел себе обрезание. Кровь полилась обильной струей. Я испугался, болел целый месяц, не говоря никому о своей болезни.

Вскоре после этого случая я оставил Бийск и отправился на родину, а потом в Палестину и на Афон. В Палестине я начал понемногу отрезвляться от своей прежней греховной жизни. Началом или мотивом к этому моему отрезвлению послужили два факта: первый — моя встреча с одним крещеным евреем, который по своей живой вере во Христа и пламенной любви к христианскому Богу был вторым апостол Павел 19-го века; его ругали, плевали в его лицо, отталкивали его от себя, а он, точно агнец кроткий, утирался своим рукавом и продолжал благовестить Спасителя. Его вера была живой, всезахватывающей, он весь дышал Христом. Христос для него был все; но Христос его был словно не вселенский, а израильский. Я должен сказать правду, что я даже немножечко ревновал Христа к этому еврею. Он так любил Спасителя, что даже со слезами целовал землю, которая была поблизости той или другой святыни. Еврей этот был великим истинным христианином и он много оказал на мою душу влияния снова возлюбить Христа и снова быть Его пламенным и огненным учеником и последователем! Второй факт — открытая в Палестине торговля христианской святыней. При виде этой рыночной униженности и попираемости христианской святыни во мне моментально вспыхнуло страшное негодование на греков, и я ревниво стал на защиту втопанной в позорную грязь христианской святыни. Тут я вспомнил отвергнутого мною Христа, вспомнил Его Святейшее Евангелие, вспомнил и серьезно задумался. Мне стало жаль Христа, жаль Его Святого Учения, жаль Его религии, жаль всей Его святыни, униженной, попанной святыни.

«Боже мой, — говорил я сам себе, — неужели Ты даровал нам Сына Своего, чтобы мы, священнослужители, торговали Им? Неужели христианская религия для того принесена Христом с неба на землю, чтобы служители христианской Церкви превращали ее в рыночный товар для мирян? Неужели и само церковное духовенство для того лишь и духовенство, чтобы торговать Христом и Его Святейшей религией? О, какой ужасный позор христианству!!!»

Действительно, греки без всякого зазрения совести торгуют Самим Христом, торгуют христианской религией, торгуют Святыми Таинствами Церкви, торгуют какой-то разрешительной литургией, святыми мощами, миром святителя Николая, чудотворными иконами и т. д. Размышляя о таком страшном смертном грехе кощунства над святыней, об этом постыднейшем распинании христианской религии на позорном рыночном столе дерзкими и грязными руками алчных священников торговцев, я не мог не проникнуться глубоким чувством душевной боли за Христа, за Него Самого лично и за Его святую религию. Но в то же время я отнюдь не вспомнил о самом себе, я нисколько не подумал о своем крестном ходе. А на самом деле и я во время крестного хода разве не то же ли самое делал, что делают и греки со святыней Христовой? Чем же был для нас крестный ход? Не представлял ли он из себя постыдной торговли Тем же Самым Христом? Не для того ли и мы ходили с крестным ходом, чтобы в каждом бедном доме крестьян, казаков, мещан и пр. разминивать свои молебны и панихиды, литургии и таинства Церкви на звонкую монету презренного металла? Не для того ли мы переходили из села в село, из города в город с иконой великомученика Пантелеймона, чтобы с простодушного, бедного, доверчивого, верующего во Христа христианского люда собирать оброчный

налог исключительно только за их религиозные верноподданнические чувства к своему Христу. Царю и Богу? Этого-то страшного греха я тогда и не сознавал за собой.

Из Палестины я отправился на Афон, откуда через несколько недель вернулся в Россию. По возвращении в Россию я поехал в Хиву и Бухару, где мечтал быть миссионером. К этому великому святому подвигу меня воспламенил тот же самый еврей, встретившийся мне в Палестине. Он весь был полон огненной стихией любви ко Христу, она была в нем безгранична. О, как безгранична! После моих неудачных миссионерских выступлений в Хиве и Бухаре я вернулся опять в Сибирь и отправился в Читку Забайкальской области. Здесь, несмотря на то что я продолжал вести свою прежнюю греховную жизнь, периодически я ощущал в себе такую страшную смертельную тоску по живому Христу, что иногда по несколько часов подряд не находил себе места. Так тяжело мне было, так тоскливо, так невыносимо мучительно, что я не нахожу слов, чтобы передать это состояние, чтобы описать хоть сотую часть всей той душевной муки и тех адских страданий, какие мне приходилось переживать, чувствуя свою внутреннюю интимную разлуку со Христом. Это такое тяжелое состояние духа, что никакие лишения, никакие страсти, никакие страдания, никакие болезни, ни даже самая мучительная смерть ни в каком случае не могут сравниться с этой невыразимо мучительной душевной тоской, какую мне приходилось переживать в полном беспросветном одиночестве без Христа. О, это страшное одиночество! Оно есть живое переживание самого изначального бытия духовной смерти, переживание как начало всякого зла и всяких мировых бедствий. Тут я более чем убедился, что кто в своей жизни хоть один раз самоотреченно любил Христа, тому окончательный бесповоротный уход от Него всегда неминуемо грозит самоубийством, в крайнем случае сумасшествием. По горькому своему опыту могу сказать, что если существуют те или иные наказания грешников, то они по своему характеру не что иное, как окончательная разлука со Христом. Окончательная разлука со Христом! — это нечто более страшное, нечто более ужасное, чем одиночество без Христа. Сущность разлуки со Христом состоит в том, что душа, при всем своем сознании своего ничтожества и совершенной беспомощности, начинает вследствие богооставленности сама в себе внутренне изменяться, начинает прогрессивно злеть, ожесточаться, во всем упорно противодействовать своему Богу и наконец сатанеть! Подобный душевный прогресс сатанелости мне хорошо известен.

По приезде моем в Читку епископ Мефодий в скором времени назначил меня в миссионерский Иргенский стан псаломщиком. Здесь, в Восточной Сибири, мною было положено новое начало моей миссионерской деятельности. На этом новом месте я все больше и больше стал забывать своего Господа и затираться миром. Христа со мной уже не было, в своей душе я Его не ощущал. Он был по ту сторону моей жизни. Прежней моей детской любви к Нему также не было. Это не все: в это время в мою душу стали заползать пантеистические идеи; они особенно собою наполняли мою душу в весенние и летние месяцы, когда природа облекалась во всю пышность своей неотразимо дивной сибирской красоты. Красота сибирской природы заключается в ее волшебной тихой и сладкой грусти: она в одно и то же время нежно улыбается и грустно плачет. Но не одна природа навевала на меня идеи пантеизма, начало всякого пантеизма скрывается в плотской жизни, его зародыш возникает в самом прогрессе духовной смерти: смерть духовная есть мать всякого пантеизма! Когда приходилось мне в вечерние часы просиживать около маленькой часовни, что на восточном берегу Иргенского озера, тогда часто душа моя тянулась к Богу, и я не раз как бы невольно поднимался на молитву и горячо, горячо плакал о своей греховной жизни, мне было очень тяжело жить без Христа. Тоска по Христу часто гнала меня на это место, и я с глубокой сердечной грустью в душе, с горячими слезами молил своего Господа, чтобы Он примирился со мной и опять вернулся ко мне и вернул бы мне мою прежнюю любовь к Нему. Мне очень хотелось тогда, чтобы Христос никогда не отходил от меня и не оставлял меня. Живя в Иргенском стане и часто бродя по лесистым холмам и горам этой дивной местности, я иногда чувствовал в себе какое-то вновь духовное просветление; мне хотелось — и о, как хотелось! — снова любить Христа, любить Его бесконечно, пламенно, любить Его всем своим существом, любить больше и сильнее, чем сей видимый мир, чем самую жизнь, чем даже самого себя.

Мне по-прежнему хотелось так любить Христа, чтобы от моей любви новым духовным любовным огнем загорелись солнце, луна, звезды, земля и вся вселенная! Мне хотелось измениться, пересоздаться в одну чистую пламенную любовь к Нему. Мне хотелось, чтобы меня лично не существовало, а вместо меня, как личности, существовала бы только одна чистая любовь ко Христу. Мне наконец хотелось раз навсегда слиться со Христом и окончательно раствориться в Нем. Под наплывом таких чувств ко Христу я горячо желал опять вернуться на прежний путь Евангельской жизни, я горячо желал, чтобы все Евангельские заповеди с величайшей любовью воплотить в свою личную жизнь, желал самоотреченно исполнять их, и исполнять бескорыстно, без всяких за это наград со стороны Самого Бога. Пусть я в загробном мире лишился бы, навеки лишился бы вечного блаженства, пусть я был бы осужден на вечные муки, пусть я даже и никогда не увидел бы Христа, одного лишь я хочу: вечно без конца любить и любить одного Христа! Вот к какой любви рвалась душа моя во мне!

Но как ни сильна была моя любовь ко Христу, постоянной почвы она под собой все же не имела, и в моем сердце такие волны любви к Спасителю были также непостоянны, а лишь кратковременны; и скоро они улетучивались из моего сердца, и я каждый раз чувствовал себя существом снова несчастным и снова одиноким. В эту пору я очень часто по целым ночам горячо молился моему Сладчайшему Иисусу, чтобы Он помог мне вернуться на путь любви к Нему, творческой любви, любви преобразующей все мое существо, всю мою душу! Я глубоко был убежден, что любовь ко Христу есть начало нового духовного перерождения, преобразования, пересоздания естественного человека в Сына Божия. Эту единственную мировую, ни для кого недостижимую и неведомую тайну перерождения и пересоздания всего человека знает и творит только один Христос чрез самоотреченную любовь к Нему человеческого сердца. Мне много раз приходилось серьезно думать над этой тайной Спасителя: эта самая величайшая тайна из всех мировых тайн принадлежит исключительно одному Назаретскому Христу. В самом деле — человек с его годами, сложившимся характером, с его укладом мыслей, чувств, с его определенными хронически закоренелыми склонностями в ту или иную сторону жизни, вдруг, незаметно для него самого, становится совершенно новым человеком, и один только внешний вид его остается прежним, остальное же все в нем другое, все новое. Он абсолютно изменяется в своей жизни, его мысли совершенно становятся другими, все чувства уже не те, что были раньше, иначе он говорит, иначе поступает и иначе живет. И даже характер точно другой, не прежний, и сердце другое, другая и воля и самые мозги даже как будто стали в нем другими — все в нем другое — другим существом делается человек, и делается единственно по воле Спасителя — существом нового типа людей. Эти нового типа люди — чудесно вновь перерожденные люди, это уже не простые смертные, нет, они уже по самому существу своему сыны и дочери Отца своего Небесного, они еще до всеобщего воскресения мертвых перешли в духовное состояние бессмертной жизни Духа Христова, как совершеннейшей свободы от всякой смерти. Размышляя так, я пришел к заключению, что и весь прогресс, и вся эволюция человечества возможны лишь постольку, поскольку человечество, через свою собственную любовь ко Христу, будет проходить исключительно только через духовную живую мастерскую Назаретского Христа, ту мастерскую, в которой Он Сам, в качестве рабочего и единственного в мире совершеннейшего скульптора, создает и лепит новых духовных людей, а через них преобразовывает и всю вселенную. О, живая христианская любовь! Ты одна только властна подчинять людей Христу и добровольно творить из них самых типичных христиан, как точную живую копию Самого Христа. И как бы я хотел любить своего Господа, чтобы моя любовь к Нему творчески пересоздала меня, грешника, и переродила бы все мое существо во образ создавшего и искупившего меня Иисуса Христа! Кроме одной любви ко Христу, я ничего себе другого не желал и не желаю. Вся моя молитва была в то время нестерпимой жаждой любить Господа.

Но моя молитва и все мои сердечные вопли ко Христу были напрасны! Христос меня не слышал! Сознаюсь, в этом была моя вина: она заключалась в том, что я Христа только хотел любить,

а мир и все, что в мире, я уже любил; Христос был для меня дорог, но мир и все, что в мире, еще дороже; Христос был для меня необходим, а сам я для себя еще необходимее. Вот почему Он не внимал моей к Нему молитве. Двум же господам в одно время служить невозможно. Поэтому моя молитва ко Христу была чистая ложь и гнусное лицемерие. Кроме этого, я сознавал, что при всем этом моем желании быть со Христом, жить и находиться в Нем я больше не мог, не мог потому, что мои настоящие отношения ко Христу уже не были прежними чистыми христианскими отношениями, они в некотором роде были смешаны с пантеистическими оттенками, по крайней мере в моих мыслях. Мой пантеизм заключался в то время в распылении Назаретского Христа на космического, а это есть особого рода современный, христианский пантеизм.

После годичного моего пребывания на Иргене епископ Мефодий вызвал меня из этого миссионерского стана и командировал опять по-прежнему с крестным ходом. Несколько лет я ходил раньше в Бийском округе с крестным ходом, в Томской губернии, а теперь был назначен ходить по Забайкальской области в качестве псаломщика и проповедника. Тут я впервые познакомился и подружился с преступным миром нерчинской каторги. Три года подряд ходил я с крестным ходом, наконец, я принял монашество, облекся в сан иеромонаха и опять, как главное лицо при крестном ходе, продолжал ходить с тем же самым крестным ходом. О, этот крестный ход! Я его никогда не забуду! Он был страшной пыткой души моей! Этого мало — он был для меня сплошным страданием Христа моего и ревностным служением сатанизму. Если я почему-либо в это время не погиб и остался жив, то только, думаю, по молитвам моих милых узников — каторжан, близких моему сердцу, этих меньших братьев Христовых, да некоторых святых бродяг, которых я знал в Сибири. Все время моего крестного хода было временем адской трагедии души моей, и еще какой трагедии! Это был страшный процесс моего практического сознательного отречения от Бога Отца и Его Единородного Сына и Святого Утешителя Духа. Этот процесс отречения от христианского Бога в моей жизни продолжался ровно двадцать три года. Страшно даже подумать, как я жил и что делал на протяжении всех этих лет моей греховной жизни. Самое страшное и самое ужасное из всех моих за то время преступлений — это мое сознательное кощунство и наглое издевательство над Самим Христом и Его божественной религией. Это кощунство, это издевательство над Христом имели характер не только теоретический, но и чисто практический. — в этом и заключался весь трагизм моей двадцатитрехлетней религиозной жизни. До двадцати двух лет я свободно и добровольно служил Христу, и служил Ему самостоятельно, самоотреченно. С двадцати же двух лет своей жизни я начал быстро изменяться. С этого времени я настолько стал изменяться во всех своих отношениях ко Христу, что с того времени я все настойчивее и настойчивее требовал от Христа, чтобы Он отныне подчинялся лично мне и в качестве беспрекословного раба во всем исполнял бы мою собственную волю. В это время вся моя жизнь превратилась в дерзкий вызов Богу: «Да будет не Твоя во мне воля, а моя в Тебе, отныне не Ты мой Бог, а я Твой бог. Я хочу властвовать над Тобой, и Ты обязан быть всегда к моим услугам. Я хочу, чтобы Ты во всем обслуживал меня и, как Всемогущий, Ты должен доставлять мне все, что бы я ни пожелал от Тебя и чего бы я у Тебя ни потребовал; для того Ты и Бог мой, чтобы служить мне и удовлетворять все мои капризы». Подобного богохульства я не выражал устами, оно и не воплощалось у меня в звуковое слово, но сама та жизнь моя была вся этим ужасным богохульством пропитана и пронизана насквозь! Такое богохульство есть грех больше всего служителей алтаря Христова: в самом деле, разве я посредством своих проповедей и молебнов, совершаемых при крестном ходе, не низводил Самого Христа на позорную унижительную степень продажного раба и лишеного всех прав состояний жалкого служки? Разве я, находясь при крестном ходе и произнося народу проповеди и служа молебны, не обращал всего этого в средство для корыстной цели денежного сбора? Разве я, как служитель алтаря Христова и как вершитель Тайн Христовых, совершая за денежную плату все церковные требы и таинства, не подчинял этим Его волю своей личной воле и через эту денежную плату за церковные требы не возвышался ли над Христом на ту степень дьявольской высоты, с которой я смотрел на Христа, как на свою дорогую добычу и как на христианский живой товар, который можно

и должно всегда продавать и всегда из-за Него материально обогащаться? В самом деле, можно ли представить себе без ужаса подобное кощунство — циничное, издевательское, богохульственное кощунство над Самим Христом и Его божественной религией? И вот [разве] я, как священнослужитель и вершитель Тайн Христовых, каждую свою церковную молитву, каждую произнесенную мною ектению, каждый припев Святой Троице, Божией Матери, святым не втискивал в золотую оправу и не продавал своей доверчивой пастве!.. Ведь это настоящая торговля Христом! И вот, когда мне приходилось совершать Таинства, отправлять требы, служить молебны, панихиды и пр., и я видел, что мне платят щедро и что я за это получаю много денег, тогда на душе у меня появилась Иудова радость, лицо мое выражало иезуитское добродушие, и рот мой кривил собою до приторности слащавую улыбку, и слова мои были мягки и змеино вкрадчивы; когда же мне за мои церковные требы платили скудно, тогда сердце мое наполнялось злобою, свирепым раздражением, и я в это время самым бессовестным образом небрежно кое-как комкал всю церковную службу, лишь бы как можно скорее ее закончить. То же самое и относительно моих проповедей; я преследовал ими две цели: первая была та, чтобы как можно сильнее расположить людей к служению молебнов и щедрому подаянию для крестного хода; вторая цель — как можно больше от людей стяжать себе славы и похвал, и я радовался, когда меня толпа хвалила и поражалась силою моих проповедей.

Совесть же моя в таких случаях очень часто мучила меня и преследовала, особенно в ночное время она поднималась во мне во весь свой гигантский рост и укор за укором беспощадно вонзала мне их в сердце. Она говорила мне: «Боготорговец ты, христианский Иуда, церковный комедиант, что ты делаешь со Христом? Зачем ты торгуешь Спасителем? Где твоя вера и твоя любовь ко Христу? Подлый ты лицемер и отъявленный изменник Его! Мало тебе оскорблять Христа своею языческою жизнью, ты Его еще оскорбляешь тем, что всегда, как священнослужитель, торгуешь Им и продаешь Его людям. О, лучше бы ты уже не верил во Христа, не считал бы Его своим Богом, чем так дерзко и бесчеловечно с Ним поступать!» Так моя совесть всегда укоряла меня. Временами мне становилось от нее страшно, даже больше чем страшно, и я всячески старался всевозможными доводами, бытовой церковной традицией заглушить ее в себе.

Так из года в год ходил я с крестным ходом и каждый раз чувствовал при этом, что я все дальше и дальше ухожу от Христа и все глубже и глубже опускаюсь на самое дно величайшего зла. Наконец я опустился, и куда опустился? Опустился до самого страшного места, до той сатанинской адской глубины, где тянутся такие страшные тропинки, которые ступивших на них уже ведут к безвозвратной гибели. Это то самое зло, куда я опустился, Христос и называет хулою на Святого Духа. Зло это состоит по своей сущности в сознательном упорстве против самоотреченной и самоотверженной любви лично ко Христу и свободного любовного исполнения Его Евангельского учения и в частности именно Нагорной проповеди Христа. Спустившись на самое дно этого величайшего страшного зла, я и там сознавал и был твердо в этом убежден, что торговать Христом и Его святейшей христианской религией есть величайший грех, есть самое сознательное отречение от Христа, есть самое дерзкое издевательство и обезличение Господа. Все это я хорошо сознавал. Сознавал я еще и то, что и обирать крестьян, рабочих, мирских людей за то лишь, что они христиане, за то лишь, что они пригласили меня помолиться христианскому Богу, за то лишь, что они выявляют из себя религиозные чувства, за то лишь, что они, как овцы Христовы, блеют и кричат своему Пастырю Христу, за то лишь, что они молитвенно выражают свои сыновние чувства к Отцу своему Небесному — есть тоже грех и не только грех, а в обыкновенном смысле слова прямо святотатство и даже какое-то высшее посягательство на религиозность человека. Это больше, чем какое бы то ни было преступление, это есть служение антихристу, это — практическое служение сатанизму. Все это я твердо знал и хорошо понимал, но, несмотря на это, я, как служитель алтаря Христова, упорно делал свое дьявольское дело: я служил молебны, служил панихиды, служил литургии, совершал Таинства и за все это брал подать, брал денежный оброк с бедного и обнищавшего христианского люда. Часто мне приходилось по целым ночам об этом глубоко скорбеть и тосковать душой. Я ведь всем своим существом чувствовал, что в

этом крестном ходе я дерзко прогневаю Бога и без всякой жалости ко Христу втоптываю Его в грязь. Тяжело мне было на душе! Не раз, рыдая, я спрашивал себя: зачем я сделался таким величайшим грешником? Зачем я отверг от себя Христа? Зачем я по имени Христианин, священнослужитель Церкви Христовой, а по своей внутренней жизни я предатель и изменник Христу? Зачем и почему я по своему внутреннему интимному состоянию не живу свято? О, как я ненавижу себя, особенно я ужасно ненавижу, до слез ненавижу свою голову, свои мозги! Эти дьявольские испорченные мозги, ненавижу я их за то, что из них, точно из гнилого болота, всегда выползают всякого рода самые страшные мысли, эти пресмыкающиеся, точно лягушки, гадюки, змеи и вся болотная нечисть, которая своим кваканьем, гадким змеиным шипением и дьявольским свистом создают во мне, в моей жизни только одно умовое языческое христианство, умовую христианскую жизнь, всегда враждебную Христу, которая по своему существу есть одна голая антихристовщина и больше ничего. И куда же я перенес это христианство? В душу? В сердце? В волю? Увы! Его во мне нет, а если оно появляется время от времени, то исключительно только в одной голове! О, как я ненавижу это головное современное христианство: оно для меня мерзость и запустение. Мне же нужно волевое христианство и только волевое! О, если бы я жил волевым христианством, которое есть практическое уничтожение зла и живое чистое творчество бескорыстного святого добра; тогда бы я не был таким богохульником и ругателем Христа! А теперь? Теперь же я палач Христа, палач в священническом христианском облачении и отъявленный христопродавец!

Так я размышлял о себе, и вопрос за вопросом возникали в моей душе, и на все эти вопросы я отвечал лишь одними печальными слезами отчаяния. Сердце же мое сжималось от них, но воля моя была мертва, она не могла реагировать на них послушанием воле Христовой. В это время моему воображению преднеслась вся внешняя святыня: чудотворные иконы, мощи святых, все таинства Церкви; и когда вся эта святыня преднеслась моему воображению, то мне стало жаль ее. Жаль мне было ее потому, что она, эта святыня, повсеместно подвергалась и доселе подвергается поруганию и позорной торговле. Всюду, где только находится та или иная христианская святыня, там непременно открывается рынок, торговля этой святыней; и там же находится целая стая всякого рода глашатаев и крикунов, которые за большие деньги приглашают людей покупать эту святыню. В настоящее же время христианская святыня ни в каком случае не может быть святыней, если она для духовенства не творит золотого чуда! И я не раз спрашивал себя: почему бы не освободить весь христианский мир от всяких религиозно-церковных податей и денежных оброков за его христианские отношения ко Христу? Почему бы не служить молебны, панихиды и не совершать все Таинства Церкви бесплатно, даром? О, как бы тогда было хорошо, тепло, легко и светло на совести всякого священнослужителя! С каким бы сердечным восторгом и искренним благоговением христиане, особенно бедные, рабочие христиане, смотрели на священнослужителей алтаря Христова! Тогда христианская религия более имела бы доступ в сердца людей. Тогда совесть Евангельской истины свободнее проникала бы в самые затаенные уголки человеческой души. Тогда и Христос был бы живым действительным Богом в сердце духовенства, а не предметом их постыдной торговли. О, если бы и мое сердце отторгнул Христос от этого идолопоклонства, этого страшного мамоны, который некогда одного из двенадцати учеников Христовых оторвал от Спасителя и довел до самоубийства!

В сане же иеромонаха я четыре года ходил в крестном ходе, и за все эти четыре года мне приходилось много, много ночей не спать; и мысли, тяжелые мысли сгоняли сон с моих очей, и я по целым ночам размышлял тогда о многом. Размышлял я о том: почему я не живу по Евангелию? Почему я самоотреченно не иду за Христом? Почему я скорее подчиняюсь земной власти, земному начальству, чем Христу, Сыну Божию? Почему моя воля более покорна миру, чем своему живому Творцу Богу? Почему я не могу быть истинным христианином, сыном Божиим по своему внутреннему богосыновнему влечению к Богу? И часто в такие бессонные страдальческие ночи я рыдал, как ребенок. Прежде всего мне было очень и очень жаль Самого Христа, жаль Его святого Евангелия, жаль и всей христианской религии со всею ее внутреннею и внешнею святынею; потому мне их было жаль,

что Они совершенно отвергнуты христианским миром и отвергнуты окончательно. И мне становилось страшно, как лично за себя, так и за весь современный христианский мир. Да, страшно! Современное христианство оторвано от живого Христа, оно погружено в царство беспросветного зла; это беспросветное зло и есть моя атмосфера, моя личная жизнь. С тяжелой грустью размышляя о господстве зла в мире, а больше всего лично в самом себе, я с глубокой тоской вспоминал мое чистое религиозное детство. О, мое светлое детство! Тогда я любил Своего Господа, молился Ему в поле, молился в лесу, молился во рвах, на высотах гор, молился по целым ночам, молился со слезами, с живой верой в Него, молился с горячей пламенной молитвой к своему Сладчайшему Иисусу. О, как я Ему молился тогда! Теперь же, когда я достиг совершеннолетия, принял монашество, сделался священнослужителем, проповедником глагола Божия, вершителем Тайн Христовых, то с этого времени прежняя моя молитва меня оставила, она улетучилась, испарилась из моего сердца. Прежние мои леса, высокие горы, глубокие рвы, дивные поля, уединенные места — алтари, алтари моей пламенной молитвы к живому Воскресшему моему Христу сменились обыкновенным церковным храмом, а уединенные мои молитвы под открытым небом также сменились книжной многословной языческой молитвой. Прежде с воздетыми к небесам руками я горел огненной любовью к Богу, а теперь и руки мои связаны четками моего мертвого монашества, и сердце мое застыло холодным бездушным современным христианством. Помню, как я в самом детстве всегда носил при себе Святое Евангелие и часто, очень часто я садился где-нибудь в укромном уединенном местечке и, раскрывая страницу за страницей эту священнейшую божественную книгу, по целым дням упивался словами моего Сладчайшего Иисуса. Бывали даже и такие дни, когда многие страницы сей святой книги пропитывались моими сладкими радостно-восторженными слезами. О, как тогда было хорошо! Бывало, где-нибудь сидишь в поле, на каком-нибудь кургане, в лесу на полянке, и там при пасхальном торжественном ритмическом пении жаворонка или при мистическом пении соловья и других дивных певучих пернатых, раскроешь Святое Евангелие и начнешь слово за словом поглощать внутрь души своей и в это время чувствуешь, как слова Святого Евангелия, словно капли чудесной животворной влаги, падают в твое жаждущее сердце, внося в него жизнь и радость. О, как тогда сладко, сладко было мне на душе! А теперь вместо Евангелия я стал читать и изучать греческих, немецких и индийских философов. Читая и изучая их, я чувствовал, что все эти философы представляют из себя самых надменных, самых гордых пустословесников. И вот когда я читал и по несколько раз перечитывал Канта, Гегеля, Фихте, Шеллинга, Шопенгауэра, Гартмана, Ницше, Вундта, Дидцига, Конта, Маха, Авенариуса, Спинозу, Декарта, Лейбница, Спенсера, Платона, Аристотеля, Плотина, Вивекананда, Рамачарака, Абеданада и др., я вынес о них самое тяжелое и самое омерзительное мнение: прежде всего все они до белого каления или пантеисты, или желчные фанатики, озлобленные против личного христианского Бога. Вся цель их философского творчества была направлена на то, чтобы тем или иным путем как можно скорее похоронить христианского живого Бога и на место Его объявить Богом природу. К этим философам примыкает и целый ряд других отрицателей христианского Бога — это необуддисты, гниломысленники, душевнобольные теософы, алчущие и жаждущие без Христа быть христианами, без живого Бога быть богами. Они несравненно больше, чем философы, отличаются крайне отвлеченной болтовней и необыкновенной легкомысленностью. За этими теософами целый лагерь европейских ученых, кои свою хрупкую богиню науку противопоставляют христианскому Богу и кичатся и гордятся ею, как точно какой-нибудь действительной самой божественной сущностью. Вся эта плеяда, весь этот хоровод отрицателей живого христианского Бога вели и меня за собой в страшные дебри ужасного религиозного шатания. Не скрываю: все эти отрицатели живого христианского Бога с необыкновенно подавляющей силой влияли на меня, из них больше других влиял на меня Вундт: после чтения его я несколько дней подряд чувствовал себя совершенно язычником. Но при всем таком сильном на меня влиянии он очень быстро испарялся из моих мозгов. Происходило это потому, что после его чтения во мне сразу поднимался против него внутренний духовный бунт, и я, как бы невольно, снова вспоминал Христа, и моя рука сама инстинктивно тянулась в то время за

Евангелием. После нескольких чтений этой небесной книги я снова успокаивался душой и снова становился на сторону Христа.

Однажды как-то от чтения этих философов я пришел в самое дурное настроение духа, я стал тосковать и метаться, душа моя смертельно страдала по живому Христу. Тогда, охваченный такою страшною тоской, я стал спрашивать себя: можно ли без всякого сомнения верить в божественность Христа? И после долгого колебания я сказал: можно. В этом я не ошибся. Предо мною лежала целая груда философских книг, рядом с ним и Святое Евангелие. В этот момент я совершенно беспристрастно, преспокойнейшим образом всю эту груду философских и ученых книг положил на одну чашу весов критики, а на другую чашу я положил одно лишь только Евангелие, и что же я увидел? К моему удивлению, Евангелие абсолютно перевесило их. Тогда я на первую чашку пригласил сесть и самих философов всех стран и веков и ученых со всеми гениальными их произведениями и творческими завоеваниями человеческой мысли, и вот когда они сели на первую чашку весов, то она по-прежнему стояла на своем месте. Тогда наконец я пригласил сесть на ту же самую первую чашку весов и всех основателей разных языческих религий на земле и вдобавок к ним я еще пригласил Будду, Магомета и Моисея со всеми их каноническими священными книгами, и когда они сели на ту же чашку весов, она также стояла по-прежнему неподвижно. Тогда я весь затрясся от радости, слезы полились из моих очей и я тотчас же взял Евангелие в руки и во весь голос воскликнул: «Царь мой и Законодатель Христос! Отныне я Твой и Ты мой, будем вовеки неразлучны! О, как мне хочется быть с Тобою и только с Тобою!» И в эту же минуту я от избытка внутренней душевной радости раскрыл Святое Евангелие и с невыразимой жаждой начал читать Нагорную проповедь, а затем и прощальную речь Христа. «Боже мой, — говорил я себе, — одна нагорная проповедь бесконечно дороже всей вселенной. А прощальная речь Христа? Разве она меньше стоит, чем весь этот видимый мир? Сравнительно с нею что такое вся философия и вся наука мира сего? Самое большее, чего стоит не только вся философия и вся наука мира сего, но и весь видимый мир со своими ценностями, так это чтобы во имя одного Евангельского слова, не говоря уже о всей Нагорной проповеди Христа или о прощальной речи Спасителя, — раз навсегда отречься от него и навеки забыть его. В самом деле, что такое мир со всеми своими ценностями? Разве он не есть процесс борьбы хаоса с кошмаром? Разве он не есть царство смерти? Не то Евангелие! Оно скрывает в себе такую абсолютную вечную бесконечную действительность, сравнительно с которой весь мимолетный видимый сей мир словно какая-то мимолетная тень минутного сновидения. Евангельская жизнь есть самая настоящая истинная жизнь. Кто хочет серьезно убедиться в самой действительности Евангельской жизни, тот сам пусть лично попробует сколько-нибудь пожить по Евангелию, пусть он путем личного опыта, практического, живого опыта узнает, что такое сама по себе есть Евангельская жизнь: тогда он убедится, что Евангельская жизнь — более реальна, более совершенна как по своей действительности, так и по полноте своего содержания, сравнительно с жизнью мира сего. По моему личному убеждению, следовало бы настойчиво требовать от всякого сомневающегося в истинности Евангельской жизни, чтобы он хоть один год в своей жизни прожил исключительно по Евангелию, и только тогда он вправе будет судить о Евангельской жизни. Когда человек сам проникнется Евангелием, когда он лично сам по себе испытает Его учение, когда он решится проводить Евангельские заповеди, в частности Нагорную проповедь, в свою собственную жизнь, тогда и только тогда он твердо и непоколебимо убедится и уверится в том, что истинная жизнь есть жизнь одна — жизнь Евангельская. Евангельская жизнь не исчерпывается одними лишь какими бы то ни было понятиями; нет, это именно самая настоящая жизнь, и она доступна христианину исключительно как жизнь, она настойчиво требует для себя всего человека, целого человека, со всей его волей и умом. И вот когда человек, взявши на себя ярмо Евангельской жизни, и начнет ею жить, и жить всем своим существом, тогда и только тогда и Сам Христос, как изначальный центр Евангельской жизни, тебя его и в дальнейшем наставит и научит и убедит всем внутренним и внешним доказательством о (в) Своей божественной жизни, а вместе с тем и о (в) своей божественной сущности и Единородной Сыновности

Богу Отцу и раз навсегда пленит его Собою и овладеет всем существом его. И вот тогда и только тогда человек уверится и убедится в том, что Евангельская жизнь есть самая истинная действительная жизнь. И даже не только Евангельская жизнь есть самая истинная и совершеннейшая жизнь, но она есть еще и самое главное и самое верное доказательство божественности Христа! Повторяю, самое основное и центральное доказательство божественности Христа есть жизнь по Евангелию. Вне Евангельской жизни для неустойчивого в вере пытливого человеческого духа нет других твердых и непоколебимых доказательств божественности Христа. Да, самое твердое, верное, вечно-непоколебимое доказательство божественности Христа, а также реальной истинности Евангельской жизни есть жизнь по Евангелию, живой опыт Евангельской жизни».

Правда, кроме собственно Евангельской жизни, как самого главного основного доказательства божественности Христа, я много раз останавливался еще и на других второстепенных доказательствах божественности назаретского Учителя Иисуса; из них всего более меня всегда поражало учение Христа об абсолютно чистой, светоносной, как солнечный луч, святой любви, как единственной во вселенной силе, опрокидывающей собою все ценности человеческой жизни и творчески из себя рождающей и собою создающей совершенно новую жизнь со всеми ее новыми духовными ценностями, которые рано или поздно непременно лягут в основу всякого бытия и всякой жизни всей вселенной. Учение Христа есть совершенно особого рода творческая сила, которая еще не ведома миру. Эта Евангельская сила, по своей сущности, есть такая сила, которой суждено не только преобразовать собою все человечество, но даже и пересоздать всю вселенную! Сей Евангельской силе безусловно подчиняется солнце, луна и все небесные звезды, и эта сила как элемент всемогущества Святого Духа снова пересоздаст, переплавит и преобразит все создание Божие. Я говорю так о Евангелии не потому, что я христианин и отношусь к нему пристрастно, нет, а потому, что оно внутренне по своей сущности и есть таково на самом деле.

Не могу умолчать еще и о том, что я неоднократно задумался также и над следующими вопросами: каким образом бедный, неученый и школьно необразованный Иисус в Своем учении стоит не только выше всех человеческих знаний, но и как вечный неисчерпаемый живой центр всех знаний всего человечества? Каким образом самые первоклассные гении творчества человеческой мысли и корифеи наук часто с полным сознанием своего невежества и беспомощности не стыдятся смиренно находиться у ног этого Галилейского простеца и неуча, прося и моля Его, чтобы Он научил их истине? Каким образом этот бедный необразованный простой плотник Иисус перевернул Собою всю историю всего человечества и стал в ней ее живым историческим центром? Каким образом скиталец Иисус воплотил в Себе всю эволюцию всего человечества и Сам в Себе соединил и органически сочетал ее начало и завершение? Каким образом Он основал на земле такую святейшую абсолютнейшую универсальную религию, которая по своему существу есть Его живая мастерская, где Он перерождает и пересоздает верующих в Него и любящих Его по Своему собственному оригиналу в точные живые копии самого Себя? Каким образом Иисус творил и творит такие дела, каких никто никогда не творил и творить не может? Каким образом, наконец, скиталец Христос, распятый, как безбожник и злодей, до сего дня опознается и почитается, как Сын Божий и как источник всякого религиозного познания и родоначальник всякого добра и божественной силы? Сей Христос вот уже девятнадцать веков существует на земле и пусть хоть кто-нибудь добросовестно беспристрастно укажет хоть маленькое пятнышко греха в Его жизни? Свидетель Бог, если бы мне кто-нибудь доказал, что жизнь Христа была такая же грешная с такими же слабостями, как и наша, то я такого человека счел бы за Самого Бога, а Иисуса Христа пришлось бы счесть за величайшего в мире обманщика и лжеца. Величайшая в мире заслуга выпала бы на долю того, кто сумел бы развенчать Христа и низвести Его на степень обыкновенных детей земли; такой человек был бы выше всех благодетелей всего человечества. Но я положительно и торжественно заявляю и говорю, что не только такого человека никогда не было и не будет, но если бы и весь мир и вся вселенная дерзнули на такое дело по отношению к Христу, то самое большее, что могли бы они сделать Христу, так это то, чтобы исторгнуть из сердца Христа

всепоглощающую любовь к себе, а само дело осталось бы одними гордыми и жалкими попытками. В настоящее время особенно за это дело цепкими руками ухватились христиане-теософы — эта больная накипь современного интеллигентного мира, — которые столько знают Христа и Его учение, сколько крот о полете орла и сколько насекомое знает о могуществе льва, и вот они повсюду трубят, что Христос не удовлетворяет их, что Его учение якобы уже пережито, и что оно не заполняет все существо их, и что Его должен низвергнуть и заменить другой учитель человечества и т. д. Подобные мои размышления о Христе всегда заканчивались мыслью: «Как творению невозможно быть Богом, так и Богу невозможно быть творением».

Так я размышлял о Христе и через такое размышление я снова приходил к вере во Христа, и мне снова хотелось молиться, снова хотелось любить Христа и снова все мое существо озари(я)лось светом, какой-то духовной радостью. Но это продолжалось недолго: свет этой духовной радости опять сменялся во мне густым мраком тяжелого сомнения и колебания моей веры во Христа, сердце же мое снова завлакивалось холодным мертвящим туманом скептицизма. Все эти сомнения и колебания моей веры во Христа были отчасти следствием моей греховной жизни, а отчасти и горьким плодом несчастной философии. Философия научила меня умовой лжи и ловкой изворотливости разума в умственных моих операциях над самыми понятиями. Поэтому, несмотря на то, что я много раз, размышляя о Христе, приходил к той сильной непоколебимой вере во Христа, что мне казалось, [что] вперед я больше никогда ни на одну йоту не усомнюсь в божественности Иисуса, но, несмотря на все это, мой ум, отравленный философским пантеизмом, часто переносил мои мысли с Иисуса на Лао-Цзы, на Готама-Будду (Гаутаму), на Зороастра, Магомета; и они не раз в такие минуты сомнений нашептывали мне: «Что же ты хвалишься и кичишься своим Христом, разве Лаоцзы (Лао-Цзы), Готама-Будда Гаутамы, Магомет, Зороастр и др. не такие же, как твой Христос? Чем же твой Христос лучше основателей других религий на земле?» На все эти вопросы после долгого и всестороннего анализа религий и самой их жизни я опять становился на сторону Евангелия. Относительно Готамы Гаутамы) можно сказать, что его философия, ставшая впоследствии религией, есть по самому существу своему религия для противников всякой религии и вера для абсолютно неверующих. Что же касается магометанства, то эта религия слишком чувственная, религия сладострастия плоти! Так изо дня в день я страдал и мучился в своей религиозной жизни. Такова богооставленность по своей природе: она всегда чревата одними муками и невыносимыми страданиями человеческого духа.

Кроме упомянутых философов, я познакомился с Достоевским, с В. С. Соловьевым и Л. Н. Толстым. Не могу умолчать, последний по самому духу был мне родным. Во многом я с ним соглашался, но и во многом совершенно расходился. Основанием моего расхождения с ним является то, что он отверг божественную сторону во Христе. Для меня же в настоящее время божественная сторона во Христе более реальна, чем мое личное «я»; сознаюсь, однако, и в том, что я все же не могу допустить, чтобы он совершенно не верил во Христа как в Бога. Мне думается, если Л.Н. поверил в учение Христа, если Евангельская жизнь для него была отчасти его собственной жизнью, то, значит, он поверил и в Самого Христа и поверил, конечно, не словами, не метрической верой, не книжной верой и не верой кастовой, профессиональной, а верой жизни, верой дела, верой внутреннего преобразования естественного человека в христианина. Правда, против этого моего убеждения относительно веры Толстого в божественность Христа найдется очень много самых сильных неопровержимых с его же стороны аргументов и в его же собственных книгах, но на это я могу лишь сказать, что, прежде всего, между Толстым книжным и Толстым действительным, по моему мнению, лежит непроходимая бездна, а затем: если бы все профессиональные защитники христианства и борцы правоверия хоть половину искренности Л. Н. Толстого имели в себе, то они на страницах собственной своей жизни нашли бы столько самых страшных, самых кощунственных, доходящих до богохульства аргументов против христианского Бога, что сам Л.Н. сравнительно с ними стоял бы много ближе ко Христу, чем они сами. Сущность христианства ведь не заключается в одних догматах, не замыкается она и исключительно в Церкви, нет, она есть прежде всего внутренняя любовная, деловая творческая

духовная жизнь, питаемая жизненными соками Евангельских заповедей и, в частности, Нагорной проповеди Христа. Она есть реальное переживание догматов через Нагорную проповедь Спасителя. Кроме влияния на меня книг Толстого, он очень и очень часто являлся мне во сне, и, беседуя со мною о Христе, о христианстве, он еще сильнее своих книг влиял на мою душу. Странно, во сне он не раз со слезами настойчиво говорил мне: «Спиридон! Христа нужно проповедовать не одним словом, но делами и самой жизнью». Его длинные беседы со мной во сне поражали меня, я часто удивлялся им.

Живя в Забайкальской области, я сталкивался и знакомился с некоторыми умными имамами, а также с преступным миром Нерчинской каторги. Часто я вступал в религиозные собеседования с ними и нередко при этом мне приходилось выслушивать от лам горькую правду. Много раз говорили они мне: «Вы, христиане, для того и христиане, чтобы своею жизнью отрицать всякого Бога. Что касается вашего Христа, то мы, язычники, часто жалеем Его. Вы знаете, от начала появления на земле человечества и вплоть до наших дней еще не было человека, который бы так подвергался всевозможным мукам, циничным издевательствам, насмешкам, всякого рода кощунственным поруганиям, дерзким пощечинам, скверным плевкам, как ваш Христос от вас же, самих христиан. Смотря на вашу жизнь, мы должны сказать, что ваш Бог вовсе не Христос, а какой-то самый злой дьявол. Вы живете жизнью дьявола: злее христиан никого нет в мире, вся ваша христианская религия есть в вашей жизни сплошная насмешка и издевательство над Христом. Относительно же вас, самих миссионеров, у нас, язычников, составилось такое твердое убеждение, что вы до мозга костей лжецы, обманщики и отъявленные палачи человеческих душ; вы проповедуете нам Христа, а сами совершенно в Него не веруете, ваша вера в Него — вера карманная и желудочная; вы нам проповедуете Христа за деньги, за награды. Если бы вы, миссионеры, верили действительно во Христа и ради Него Самого проповедовали нам Евангелие, то тогда вы и жили бы по учению Христа; а теперь же мы видим и убеждаемся, что вся ваша жизнь есть совершенное лицемерие и преступное шарлатанство! Вы нам проповедуете живого святого христианского Бога, а сами пьянствуете, прелюбодействуете, играете в карты, курите табак, занимаетесь торговлею Христом, продаете царство небесное, обкрадываете простых людей, ругаетесь скверными словами, едите сытно, одеваетесь роскошно, на счет Христа выстраиваете себе дворцы, кладете тысячи в банк, учите на них своих детей; живете праздно, пренебрегаете черным трудом и т. д. Поэтому на наш беспристрастный взгляд миссионер христианский есть христианский Иуда и богопродавец». Таково мнение лам о христианских миссионерах. Один лама в беседе со мною утверждал, что самым первым врагом христианства являются миссионеры. Он говорил: «Все миссионеры христианской религии прежде всего государственные политики, они сперва проповедуют нам Евангелие, а за Евангелием мы слышим грохот пушек для нас. Вот почему, — говорил он, — вы, миссионеры, всегда и везде являетесь страшными убийцами человеческих душ, распространителями антихристианского духа». Так мне говорили правдивые ламы. Мне было прискорбно слышать такую чистую святую правду. Действительно, я не буду говорить о других, скажу лично о себе. В бытность мою миссионером я сам чувствовал, что все мои миссионерские поездки к язычникам вносили в мою душу страшную нравственную муку. Я не раз спрашивал себя: «Где и в чем заключается действительное ручательство моей личной веры в то, что я проповедую этим несравненно чище и нравственнее меня живущим детям природы? Я влеку их ко Христу, но сам-то я живу ли по Евангелию? Я хочу ввести их в христианство, но в какое? Не в то ли, в каком я сам живу? Если в это христианство, то это не истинное христианство, это христианство есть враждебное язычество против истинного Евангельского христианства; что же касается чистого подлинного христианства, то я по самому духу моей жизни злостно-враждебен ему; после этого куда же я веду этих детей природы? Ведь недостаточно только учить людей Христовой вере, а самому оставаться язычником. Если хочешь учить людей и крестить их, то прежде всего самому нужно быть истинным учеником Христовым, истинным последователем Иисуса Христа, я же вовсе не ученик Христа и совершенно не Его последователь». Так я думал, рассуждая сам с собой.

Однажды как-то я отправился на Иван-озеро, что около села Шакши, там я увидел одного бурята, который с горькими слезами раскаивался в том, что он принял христианскую православную веру. Он говорил: «О, так не хорошо, шибко не хорошо миссионер делал. Он мне говорил: крестись, крестись, будет хорошо; я крестился, и теперь я не знаю какому Богу молиться: бурятскую веру я бросил, русскую веру я совсем не знаю. Стал я как собака. Зачем я слушал русского миссионера и крестился в русскую веру? Теперь я ни человек, ни собака. Большое зло я сделал, что свою веру в себе изломил, а русскую не сделал».

Эти слова несчастного бурята глубоко заставили меня задуматься. Таких случаев было немало. И вот подобные явления останавливали на себе мое внимание, они доказали мне, что современное миссионерское проповедование Слова Божия есть одна только безнравственная порча тех людей, которым мы проповедуем Евангелие. В самом деле, во что в настоящее время вылилось церковное проповедничество Слова Божия? Прежде, во дни появления христианства, были харизматические апостолы, пророки, учителя христианской церкви, они не столько словом проповедовали Христа, сколько делом, сколько самоотреченной любовью к Иисусу, сколько своею тяжело нагруженною Евангельскими подвигами святой жизнью. Не то теперь. Не то и я, как сын века сего. Я прежде всего не себя хочу склонить под ярмо единого учителя и Наставника Христа, нет, я хочу быть прежде всего сам учителем и наставником других. Я хочу сам заменить Христа и учить людей тому, что противно и враждебно Христу. Мне в то время казалось, что все люди, конечно, исключая лично меня, большие невежды, их нужно просвещать, для них нужно что-нибудь делать, им нужно во всем помочь, их нужно спасти от вечных мук и все это нужно делать для них сейчас же и т. д. Такие моменты моего стремления учить людей, проповедовать им спасение души часто сопровождалось во мне жалостью к людям, слезливым восторгом радости и т. д. Но вместе с тем я чувствовал, что все это одна дьявольщина, один великий грех гордыни и тонкого тщеславия, потому что каковы бы ни были подвиги, совершаемые мною, но если они оторваны от Самого Христа, от Его Евангельского учения и если в свою очередь сама моя жизнь есть одно лишь лицемерие и горькая насмешка над самой религией и над Самим Христом, то, конечно, все это есть верх всякой злобы и сатанинской гордости. Так стремился я своими проповедями пересоздать, охристианизировать весь мир, только отнюдь не касаясь самого себя, ни своей собственной личной жизни. В настоящее же время существует какая-то омерзительная болезнь, болезнь религиозная и болезнь ученая; эта болезнь, как никогда, ныне в моде и сама по себе очень заразительна, она особенно заражает религиозных ученых и духовно-пустых, праздных прожигателей жизни. Эта болезнь по существу своему есть великая благородная мания учить и только учить других тому, с чем собственная жизнь совершенно расходится, или в крайнем случае чего в личной жизни никогда сами эти господа на практике не переживали, в чем никогда серьезно внутренне не упражнялись, ограничиваясь только лишь одною болтовней. В настоящее время, действительно, чтобы прослыть религиозным и ученым, нужно как можно больше о своих предметах красиво и ловко болтать. Это страшная болезнь нашего века! Она есть грозный показатель живого разложения души Европейца — Христианина. Этою предсмертною болезнью страдала некогда и сама мудрая Эллада, этою же болезнью болел и я и болел больше, чем другие. Я учил язычника верить во Христа, но сам я на самом деле давно потерял живую веру в Него. Я проповедовал Евангелие язычникам, а сам жил совершенно против Евангелия. И вот когда приходилось встречать крещеных бурят, тунгусов, арачан, печально раскаявшихся в том, что через принятие православной веры они потеряли всякую веру в Бога, тогда душа моя наполнялась какою-то злостью против самого себя, и в то время мне было ужасно тяжело. Я хорошо сознавал, что мое миссионерство среди язычников было ничем другим, как распространением другого нового язычества — современного христианства. Это меня страшно мучило.

В это же время я объезжал и Нерчинскую каторгу; здесь, среди преступного мира, я как будто снова оживал; душа моя снова наполнялась чистою любовью ко Христу, мне не раз легко и светло становилось на душе. Причина этого была не во мне, причина моего периодического приближения ко

Христу лежала в самих арестантах, они как бы насильно влекли меня ко Христу. Это было так: когда мне приходилось исповедовать арестантов, то их искреннее и глубокое раскаяние настолько было сильно, что оно вызывало во мне страшное мучительное самоосуждение. Совесть моя говорила мне: «Смотри, перед тобою стоят тысячи разбойников и злых убийц, одни в кандалах, другие без них — все они длинной вереницей тянутся ко Христу, все они всем своим существом ищут Его, желают с Ним примириться. Посмотри на их ланиты, как струятся по ним горькие слезы, а ты... ты, священник, ты, их проповедник, ты, всегда зовущий их ко Христу, почему же ты сам так далеко уходишь от Христа? Почему ты не хочешь по-прежнему любить своего оскорбленного Господа? Почему ты не хочешь примириться со Христом? Что тебя держит вдали от Него? Ах, Спиридон, Спиридон, помни и никогда не забывай: как страшно впасть в руки живого Бога!»

Так удары моей совести один за другим бичевали меня. Я плакал. Мне было тяжело, невыносимо тяжело.

Один раз, после исповеди многих каторжан, я пришел на свою квартиру — квартира мне была отведена в доме начальника тюрьмы (это было в Зерентуйской тюрьме) — поздно вечером, когда мои хозяева легли спать, я не выдержал, я бросился ничком на подушку и нервно зарыдал. С одной стороны я был очень рад, что самые закоренелые преступники, заклеянные каиновыми преступлениями, хулившие и отрицавшие Бога, несколько десятков лет не кающиеся и не причащавшиеся Тела и Крови Христа, с горячими слезами потянулись к источнику жизни, Христу. И вот, смотря на них, мне было обидно за самого себя и в то же время совестно даже смотреть на икону Спасителя: мне казалось, будто икона Спасителя, на которую я при исповеди арестантов часто вскидывал свои взоры, только и смотрела на меня, и в ее взоре я читал томительное чувство ожидания Христом моего обращения к Нему. Мне казалось, вот, вот сама икона проговорит мне: «Что же ты, Спиридон, навсегда ли меня оставил или когда-нибудь придешь ко Мне? Прикажешь еще ждать тебя или ты решился навсегда уйти от Меня?» Эти мысли, навеянные иконою Спасителя, всю ночь не давали мне покоя.

Я часто становился на колена и, горько рыдая, говорил: «Господи! Еще чуточку, еще немножко потерпи, я обязательно буду опять Твоим, буду опять любить Тебя, быть может, даже больше и горячее прежнего буду любить Тебя. Только я молю Тебя, молю Тебя всем своим существом, подожди еще меня, хоть один год потерпи меня, я обязательно буду Твоим. Господи! Я и сейчас готов быть Твоим учеником, готов и сейчас любить Тебя, но я сам не знаю, что со мною делается, почему мое сердце так тесно соединено с миром иросло в него. Я ведь часто каюсь, часто стремлюсь порвать всякую связь с миром и опять хочу по-прежнему любить Тебя, но какая-то сила удерживает меня, парализует мою волю, и я чувствую себя пока не в силах быть Твоим учеником, твоим последователем. Молю же Тебя, Господи, хоть еще немножко, еще на малое времечко потерпи и оставь меня таким, каким я есть. Поверь мне, Спаситель мой, я скоро порву всякую связь с миром и непременно приду к Тебе, только, пожалуйста, будь ко мне милостив, потерпи еще немножко меня».

Так в горьких слезах я молился всю ночь; утром я уснул. На следующий день я опять пошел исповедовать каторжан. Каторжане любили меня. Они были со мной христиански откровенны. Их исповедь была удивительно трогательна. Из свободных христиан по своей искренности никто не может с ними сравниться. Ко мне на исповедь шли не одни христиане, шли на нее и магометане, и язычники. Трогательная картина. В это время мне казалось, что все эти несчастные узники через свою исповедь непременно унаследуют Царство Христово, непременно услышат радостный призыв Христа: «Придите, благословенные Отца Моего Небесного, наследуйте Царствие, уготованное вам от сложения мира». А нам, таким священнослужителям как я, скажет: «Идите от Меня, проклятые, алчные торжники, христианские каиафы, изменники и предатели Мои, идите от Меня, во все века торговавшие Мною и безжалостно предававшие Меня, идите от Меня. Идите от Меня, подлые лицемеры, развратные ханжи, идите от Меня, растлители Моих овец, кровожадные хищники, идите от Меня. Я вас не знаю, извратители Моего закона и вдохновители всякого зла. Я вас не знаю, утученные Моим Телом и упоенные Моею Кровью враги и распинатели Мои. Я вас поставил блюстителями и

пастырями овец Моих, а вы все время существования христианства на земле только и знали, что продавали Меня, торговали Мною, из-за власти убивали один другого, проклинали друг друга и Церковь Мою в неистовстве безжалостно разрывали на мелкие кусочки. Идите от Меня, Я вас не знаю».

Так скажет нам Христос в тот день, когда придет судить живых и мертвых. И я знаю, что из всех осужденных священнослужителей Христос первого отвергнет меня за то, что я некогда любил Его, пользовался особою Его ко мне любовью, а теперь дальше меня от Него никто не стоит. Хотя бы взять вот этих несчастных каторжан, до вчерашнего дня они были грешниками, они хулили Христа, они были отвергнутыми от Спасителя мира, а теперь все они с необыкновенной любовью идут к Нему, идут со слезами, идут с сознанием своей вины перед Ним. Я же только вижу, как другие идут ко Господу, а сам только поворачиваюсь назад и смотрю на этих милых узников, ноги же мои торопливо спешат все дальше и дальше уходить от моего Сладчайшего Иисуса. И на какую даль я уйду от моего Господа, я не знаю. И долго ли я буду блуждать без Христа, я тоже не знаю. Так я размышлял в то время.

Размышляя таким образом, я предносил своему воображению то, что буду Христом судим по всей строгости Евангельской правды, что с самого моего появления в мире и до самого последнего моего вздоха все мои мысли, все чувства и самые затаенные, сокровенные движения моего сердца, и все стремления моей воли, и все душевные мои переживания, и все атомы моего телесного организма будут пересмотрены всевидящим оком правосудия Божия. И вот тут-то настанет моя вечная погибель, ибо я хорошо себя знаю, что я по своей жизни враг Христа. Я не настолько утратил здравый смысл, чтобы утешать себя теософическими положениями: — «богочеловечества» нет — я твердо был убежден, что всякий, не живущий жизнью Христа, не растворяющий свою волю в воле Божией и не исполняющий учения назаретского Иисуса, погибнет, и погибнет окончательно. И вот эта-то погибель неминуемо и ждет меня. В самом деле, вот хотя бы взять теперь мое служение литургии среди узников: все арестанты смотрят на меня как на христианского священнослужителя, они исповедуются у меня, с величайшим напряжением ума и сердца они выстаивают всю литургию, надеясь на то, что эта литургия совершит для них нечто непостижимое для ума человеческого — через таинство Евхаристии соединит их со Христом. Эту литургию совершаю я. Что же я такое?

Я величайший грешник на земле! Я блудник! Я лицемер! Я гордец! Я тщеславный монах! Я соблазнитель многих душ! Я человеконенавистник! Я изменник Христу! Я богопродавец! Я предатель Спасителя! Я враг Сыну Божию! Я лжец! Я обманщик! Я клятвопреступник! Я служитель миру! Я раб греха! Я христианский антихрист! И вот я, вросший в эти грехи и органически сочетавшись и сжившись с ними, страшно сказать, совершаю божественную литургию, совершаю таинства Церкви! Страшно подумать! Насколько эти несчастные арестанты стоят выше меня по своей духовной праведности! Тут я не мог удержаться от слез. Мне было стыдно стоять у престола. Я рыдал.

Однажды во время моих посещений каторжан мне пришлось встретить среди них одного сатаниста, он открыл мне всю свою жизнь, она была ужасна. От его рассказа я находился целый месяц под страшным кошмаром. Мне все время грезилась детская кровь, на которой он совершал свою черную мессу, и страшное неопишное гнусное осквернение Христа, и издевательство над ним. Но когда я стал копаться в своей душе, то тем более я ужаснулся. Ужаснулся я потому, что ведь и моя жизнь есть сплошное повседневное служение сатанизму. Каторжник-сатанист отличался от меня лишь тем, что он без всяких компромиссов всем своим существом служил дьяволу; моя же жизнь состояла из одних чистых компромиссов между Христом и дьяволом, между чистым святым христианством и христианским язычеством. Поэтому я ничуть не считал себя лучше того сатаниста. В самом деле, не та же ли черная месса [есть] и вся жизнь христианина, сознательно направленная против Евангелия? Как можно назвать ту жизнь христианина, которая ровно ничего в себе не имеет святого? Не есть ли тот же самый сатанизм жизнь христианина, сознательно живущего противоположно учению Христа? Встреченный мною сатанист был, я бы его назвал, религиозно-культовый сатанист, сознающий, отвергающий же заповеди Христа и не исполняющий их есть тоже сатанист, только повседневный, обыкновенный, практический сатанист. К последним я причисляю и самого себя. Компромиссы между

Христом и миром в моей личной жизни были сплошным с моей стороны служением дьяволу. О, эти компромиссы! Они на протяжении девятнадцати веков и создали из христианства какое-то чудовищное язычество. И какое страшное язычество, которое в одно и то же время считает себя христианством и идет враждебно и сознательно против Христа! Благодаря им в христианство влился эллинизм, влился и весь иудаизм, против которого всю свою жизнь боролся Сам Христос, а теперь вливается в него весь языческий Восток, так называемый индуизм. Современное христианство есть поистине самая жалкая и чудовищная карикатура истинного христианства. Оно живет в настоящее время более политикою мира сего, чем Самим Христом, более язычеством, чем нормами Евангельской жизни. Что же касается нас, современного христианского духовенства, то и оно для Евангельской жизни совершенно мертво, его заели страшные паразиты: властолюбие, сребролюбие, торговля живым христианским Богом, лицемерие, политика, лесть, раболепие, пошлое служение имущим власть, сильным мира сего и т. д.

Что же касается христианской интеллигенции, то и она сильно заражена умовой идеологией материализма и затхлого пантеизма. Правда, как среди духовенства, так и среди интеллигенции были и есть истинные ученики и последователи Христа, но их так мало, что они в антихристианской массе совершенно теряются, расплываются и их не заметно. Но самая основная опасность для христианства кроется все же не в эллинизме, не в иудаизме и даже не в индуизме, она кроется в мертвом разлагающемся индифферентизме современного церковного образа жизни. Современная церковная жизнь — самый опасный и трудно победимый враг истинного христианства, ее враждебность ко Христу заключается в том, что она, т. е. церковная жизнь, при всех своих таинствах и иерархическом священстве живет абсолютно без живого Христа. Ее Христос потерял всякую власть над волею христианина, Он не касается и самой жизни Своих церковников, Он довольствуется лишь тем, что Его христиане значатся в церковно-метрических справках, больше этого Он от них ничего и не требует. Но такой Христос есть Христос церковных чиновников, Христос одних наемников, Христос христианских язычников, а не Христос истинных христиан. Мне вспомнились слова одного каторжанина, который как-то мне заявил, что современное христианство — «это страшная фабрика, где фабрикуются одни безбожники и преступники». Вспоминая эти ужасные слова арестанта, я мысленно остановился на самом себе и спрашивал свою собственную совесть: скажи мне, есть ли во мне хоть что-нибудь похожее на христианина? И совесть моя ответила мне отрицательно. Мне было тяжело. Кроме сих кающихся каторжан, среди арестантов мне приходилось встречать и величайших подвижников Христовых. Это те каторжане, которые, будучи на свободе, а потом даже уже и в тюрьме, брали на себя добровольно преступления других и, ради Христа, из любви к самим преступникам и к их несчастным семьям, безропотно несли, как виновные, всю тяжесть каторжной жизни. Таких я знал несколько человек, и вот, встречая этих подвижников Христовых, я опять почувствовал нестерпимую жажду любить Господа и любить Его так, чтобы в этой любви окончательно потонуть, исчезнуть и превратиться в самое пламя чистой святой любви.

О, как мне тогда хотелось любить своего Сладчайшего Иисуса! Я говорил тогда Ему: «Царь мой, Христос! Будь ко мне милостив, зажги мое сердце и раскали его огнем любви к Тебе, Христос мой. Ты Сам знаешь, что я уже больше не могу без Тебя жить. Довольно, я и так без Тебя выстрадал много. Вернись же ко мне снова, Спаситель мой, что же Ты всех любишь, всех милуешь, только я один лишен Твоей любви ко мне. Я тогда только твердо уверюсь в Твоей любви ко мне, когда я по-прежнему буду любить Тебя. Да будет, Господи, Твоя любовь в моей любви к Тебе. Вот я увидел и узнал Твоих истинных рабов, которые безропотно несут всю тяжесть каторжной жизни и несут ее ради любви к своим ближним. О, Спаситель мой, о, Бог мой! Сделай меня одним из таких Твоих подвижников. Иначе я, Господи, жить не могу. Умертви меня!» Так я молился.

Христос молчал. Он не отвечал на мою молитву. Причина мне была известна: я всю свою жизнь жестоко огорчал Его. Кроме этих подвижников-каторжан мне приходилось еще встречаться и с великими святыми из бродяг. О, эти дивные бродяги! Сколько духовного света они внесли в мою

мрачную душу! Я даже и сейчас, как вспоминаю их, так сердце мое и рвется подражать их жизни. Многих из них мне приходилось даже исповедовать и причащать Святыми Тайнами. Подобных им, в смысле внутреннего духовного христианского подвига, я еще не встречал христиан. Удивительное дело! При виде их я буквально умирал от одной тоски по моему Христу. Мне в то время представлялось, что я больше не соединюсь со Христом. Слишком далеко, о, как далеко я ушел от Него! Невыносимо тоскливо и смертельно тяжело мне было находиться без Христа. Были целые ночи, когда я был в глубоком отчаянии, просто надрывался от одного неутешного печального рыдания. Одна ревность ко Христу не давала мне покоя. Я очень ревновал к Нему тех же самых святых бродяг.

«Боже мой, — со слезами молился я Христу, — зачем Ты отверг меня от Себя? Почему Ты других спасаешь, а меня не хочешь спасти? Почему Ты насильно не влечешь меня к Себе? Почему Ты опять не зажжешь моего сердца пламенем любви к Тебе? Поверь же мне, Господи, что я без Тебя умираю. Бог мой! Христос мой! Разве Тебе не жаль меня, что я столько лет томлюсь в страшном одиночестве богоотдаленности, без Тебя? Может быть, Ты, святой мой Царь и Законодатель, хочешь отвергнуть и навеки забыть меня? О, Христос мой! Разве ты не знаешь, что Ты мой и я хочу одного только — любить Тебя? Что хочешь, Господи, делай со мною, но я хочу быть чистою жертвою, живою жертвою одной любви к Тебе. Если я Тебя так сильно огорчил и прогневал, Ты властен меня за это наказывать, поражать мое тело самыми страшными болезнями: проказой, туберкулезом, параличом, безумием и другими страданиями, только дай мне любить Тебя и любить бесконечную любовью. По смерти же моей Ты так же, Господи, что хочешь делай и с душой моей, я ничего Тебе, мой Спаситель, не скажу, если Ты мою душу и низвергнешь в самую преисподнюю, только и там дай мне любить Тебя и любить Тебя вечно бесконечно пламенною любовью, любить Тебя всем существом моим».

Вот такая тоска по Христу вырывалась из глубин моего сердца в то время, когда мне приходилось встречать великих подвижников — сибирских бродяг. Ах, мои милые бродяги! Не могу без слез вспомнить о вас, многим, многим обязан я вам в своей жизни.

Наступила русско-японская война, а затем революция. В это время я стал впервые прозревать относительно войны, а также присяги, государства, национальности, но это были лишь первые проблески прояснения моего сознания. Я стал понимать, что церковь впала в страшный грех, приняв под свою священную опеку и самую человеческую бойню, называемую войною. Она своею молитвою «о христорлюбивом воинстве», «о пособити и покорити под ноzi всякого врага и супостата» стала меня страшно смущать. Я сильно над этим ломал свою голову, и, сколько я ни думал, сколько ни старался понять законность существования войны на земле, я все же без соблазна не мог от нее освободиться. Соблазн для меня находился в самом Ветхом Завете. Я в то время думал, что для христиан Ветхий Завет так же ценен и таким же он остается законом, каким был для иудеев; Нагорную же проповедь Христа, как Христово Законодательство, для всех христиан, я к стыду своему, даже тогда и не вспомнил. На место безусловного христианского закона — Нагорной проповеди — моему воображению, конечно, в защиту войны предносились Сергей Радонежский, благословляющий своих иноков на ратную битву с татарами, затем бесчисленное множество всяких в России, Греции и других христианских странах, святых, так же благословляющих войну, затем военные чудотворные иконы, кроме всего якобы и само Евангелие, которое в устах представителей Церкви не только не отрицает войну, но даже освящает и узаконяет ее. Все это меня сильно соблазняло, и я никак не мог решительно освободиться от войны. Настала и революция. В эти дни из моей комнаты почти не выходили революционеры: с раннего утра и до позднего вечера одни входили, другие выходили. Каждый из них предлагал мне свою политическую партию, свою социальную программу, и каждый из них старался тем или иным путем увлечь и меня на свою сторону. В то время я опять с новой силой стал вспоминать Христа, и опять мне хотелось кричать Ему, кричать для того, чтобы Он расположил сердце всей России к Его Евангельскому учению. Ведь только одно Его учение властно и всемогуще абсолютно пересоздать человека и преобразовать нашу общественную жизнь. В это время при виде войны и

всяких волнений в России я заметил в самом себе как бы какую-то острую досаду даже на Самого Христа. Досадовал я на Него за то, что Он, как будто, равнодушно смотрит на братоубийственную жизнь людей. Мне хотелось, чтобы Он тем или иным способом мгновенно прекратил всякие междоусобия, но вскоре я понял, что в жизни людей, в ее благоустройстве и в ее хаосе больше всего ответственны сами люди. Вот уже девятнадцать веков, как учение Христа находится на земле, а люди его совершенно не знают. Кроме учения Христа люди уже все перебрали, все перепробовали, все переиспытывали, все перечувствовали и все пережили и только за все эти века христиане даже пальцем не дотрагивались до одного лишь учения Христа. К стыду всего христианства, учение Господа до сего дня находится лишь на мертвых страницах Евангелия. Правда, Евангелие иногда христианами читается, оно переходит из рук в руки, но чтобы оно переносилось со страниц в живое человеческое сердце, в самую гущу жизни, этого до сего времени еще не было. Печальна участь на земле Евангелия: до сего дня оно лежит в девственном, непочатом, совершенно нетронутым состоянии. Только редкие исключительные личности действительно дотрагивались и дотрагиваются до него и со страниц этой священной книги все слова Христа переносили и переносят на живые страницы своей собственной жизни. Много меня в этом огорчала и сама Церковь: с того дня, как она побраталась с государством, она слишком далеко ушла в сторону от своего Основателя. В настоящее же время Церковь, в лице своих представителей, живя без живого своего Основателя и руководителя — Христа, чувствует себя гораздо спокойнее и свободнее, чем в первые три века своей юной жизни на земле. Может быть, это потому, что она настолько уже в настоящее время окрепла, что не нуждается во Христе, считает, что Его могут свободно заменить собою папы, патриархи, митрополиты, архиепископы и епископы и весь причт церковный. Не потому ли она и спит себе до сего времени самым сладким и непробудным сном мертвой беспечности? Для ее представителей в настоящее время совершенно безразлично, веруют ли христиане во Христа или не веруют, почитают его за живого Бога или нет, живут ли по учению Христа или нет? — все это для них все равно. Если они иногда как будто и пробуждаются от своей многовековой глубокой спячки, то это только лишь тогда, когда эти церковные представители чувствовали, что из их рук по той или иной причине ускользала власть, а вместе с тем и сытая беспечная жизнь. Когда же власть снова оказывалась в их руках, то они снова успокаивались, и снова ложились на неподвижные мертвые формулы христианских догматов, и снова засыпали сладким сном абсолютной беспечности, нисколько не заботясь о том, чтобы все эти догматы воплотить в свою личную жизнь, а потом и в самую жизнь соборной вселенской и апостольской Церкви. Воплотить их в свою личную жизнь и в жизнь соборную, церковную необходимо нужно для того, чтобы пережить их, пережить целно и совершенно, пережить не столько головой, сколько христианской богосыновней волей, самой церковной повседневной жизнью, и пережить не иначе, как через моральные богосыновние принципы Евангельского учения. Ведь в этом и заключается весь долг нашей христианской жизни.

После первой русской революции вскоре мне пришлось оставить Забайкальскую область и переселиться в Кременец, а затем в Каменец-Подольск. Здесь я снова начал вести проповедническую деятельность, которая пошла прекрасно и успешно, слушатели стекались тысячами. Но к моему горю, здесь дьявол снова восторжествовал надо мною: здесь, в этом городе, я горячо полюбил одну девушку, в свою очередь и она самоотреченно полюбила меня. Для нее я готов был на всякие жертвы. Любил я ее как никогда никого в жизни, любви моей не было границ. Я полюбил ее за ее необыкновенный характер: добрый, тихий, кроткий и молчаливый. Она овладела всем моим существом. Так тянулась моя жизнь четыре года, и за эти четыре года я окончательно забыл Христа. Временами я вспоминал Христа, но это было очень редко и, нужно сказать правду, если я Его вспоминал, то с каким-то тяжелым мучительным чувством. Мои отношения ко Христу за это время, к моему удивлению, совершенно изменились — только раз в жизни пережил я это странное явление: прежде, как бы я далеко ни отходил от Христа, все же я чувствовал к Нему какую-то интимную родственную близость, когда же я полюбил эту самую добрую девушку и стал ее близким другом, мой Христос в моих в Нем

чувствах совершенно изменился. Он стал для меня Богом внешним, далеким, грозным, карающим грешников и страшным судьей строгого правосудия; от Него веяло смертельным ужасом. Вместе с этим я чувствовал и глубоко был в том уверен, что Сам-то Христос эту самую девушку очень любил, и мне казалось, что она была как бы дочь Божия, что в ней было что-то неземное, небесное и святое, и ее дивный характер был соткан из одних нежных и светлых лучей любви Христовой! Я и теперь твердо верю, что Христос никогда ее не оставит, потому что она не была обыкновенной девушкой, в ней скрывалось глубоко нечто таинственное, божественное и чарующее. Я и сейчас ежедневно горячо молю Господа и до самой своей смерти буду горячо Его молить, чтобы она не лишилась Царства Христова. Пусть лучше за нее меня осудит Господь, но чтобы она была спасена, сопричтена к лику Божиим святым. В то время я часто по целым ночам предавался размышлению; размышлял я о том, как неисповедимы судьбы Божии в моей жизни. Вся моя жизнь была даром самой бесконечной нежной любви Христовой. Господь мне никогда не отказывал ни в чем. Характерной нитью через всю мою жизнь проходила помощь Божия во всем, не исключая какого бы то ни было моего желания. Если в чем-либо Христос долгое время и не мог откликнуться и отозваться на все мои вопли и стенания, так это только лишь в том, чтобы я по-прежнему любил Его, но в этом я был сам виновен. Причина же молчания Христа лежала опять именно во мне самом.

И вот я думал: если Спаситель будет судить меня только по мере изливаемой на меня Своей любви, тогда я окончательно погибну, спасения мне не будет. Мне даже представлялось, что если и самый всеобщий Страшный Суд Христов будет состоять только из одной чистой любви Христовой к грешникам, то он тем самым будет невыносимым судом Божиим. Самые величайшие наказания и муки грешников будут, по-моему, состоять бесконечно из изливаемой оскорбленной любви Христовой на сопротивляющихся ей грешников. Ничего нет страшнее и мучительнее для всякого зла, как святая доброта Христа и Его бесконечная любовь!

Вот этой-то доброты ко мне Христа я и стал за последнее время страшно бояться. Я понял, что Бог страшен не в гневе, а в Своей любви к грешникам. И мне чувствовалось в то время, что, если теперь Христос будет ко мне добр, то через это Он будет для меня страшен и мучителен. Его оскорбленная мною любовь будет для меня настоящим адом. Пусть Он за мои грехи карает меня по всей строгости Своего божественного правосудия, только бы Он не был ко мне по-прежнему добр, ибо я Его доброты не вынесу. В это время если бы явился мне Христос и, кротко взглянув на меня, сказал: «Спиридон! Несмотря на то, что ты прогневляешь меня и грешишь передо Мною, я все больше и больше люблю тебя», эти слова Господа были бы равносильны для меня самым величайшим мукам, перед которыми все муки ада показались бы блаженством! Искренно и горячо любя эту девушку, я чувствовал и все более и более опознавал, что в моем сердце не было места моему Сладчайшему Господу. Он был из него вытеснен, одно лишь имя Его в ту пору как-то еще трепалось на моем языке, Самого же Его не было возле меня. Тут я понял, что я опустил на самое дно всякого зла, откуда собственными силами мне уже не было возможности высвободиться. Если я и говорил проповеди, привлекал на них массу людей и вызывал у них потоки слез, и служил литургию, и совершал таинства Церкви, то все это было без живого Господа; и на все это я смотрел как на свое мертвое церковное ремесло.

Живой же деятельной веры во Христа в то время у меня не было. Эта же самая девушка всегда со слезами молила за меня Христа, чтобы я стал ближе к Нему, чтобы я снова полюбил Его и полюбил Его всем своим существом. Но Христос сразу на ее горячие молитвы не отвечал. И я знал, почему Христос не отвечал на ее пламенную молитву. И вот до настоящего момента совесть моя меня страшно бичует. Она бичует меня за ту самую благороднейшую девушку, которую я, как мне кажется, оторвал от Бога и от Неба и умертвил ее святую чистую душу. Но вместе с этим тяжелым чувством я всегда в своей душе ощущаю светлые проблески духовного утешения. Я горячо верю и твердо надеюсь, что Христос всегда видит и слышит мою пламенную и прискорбную молитву о ней, ежедневно

возносимую мною к небу. Я более чем уверен, что Спаситель примет, спасет и удочерит ее Отцу Своему Небесному. Я до тех пор не успокоюсь душой и не перестану докучать своею молитвою Христу, пока не узнаю и не буду уверен, что она действительно, как истинная любимица Христа, будет сопричастна лику святых дочерей Господних. Я никогда не могу забыть ее муки и страдания, перенесенные ею ради моей души. Она от избытка своей христианской любви ко мне неоднократно становилась передо мной на колени и, обливаясь горячими слезами, просила и молила меня, чтобы я снова полюбил Христа, снова вернулся к Нему, снова зажил прежнюю христианскую жизнью. «Я, — говорила она, — готова на все самые ужасные жертвы вплоть до самой смерти, лишь бы ты опять был во Христе и опять сочетался с Ним». Кроме нее, у меня в Каменце было очень много и других близких благочестивых людей, которые так сильно любили меня, что всегда наполняли тот храм, где приходилось служить мне, и они всегда окружали меня и старались неразлучно находиться со мною. В то время я глубоко и искренно осуждал себя. Прежде всего осуждал я себя за эту девушку, осуждал себя за свои тяжкие грехи, осуждал себя за уход мой от Христа, осуждал себя за то, что я как священнослужитель стремился перед людьми казаться святым, праведником, духовным поборником религии, ревнителем православия, одним словом не тем, каким я был на самом деле, наконец осуждал себя за то, что моя повседневная жизнь совершенно расходилась с теми моими проповедями, которые я произносил людям. Все это меня страшно всегда мучило и тяготило. Я не раз от этого рыдал душой.

Когда последовало синодское решение о переводе ревностного служителя и проповедника Церкви Христовой епископа Серафима из Каменца в Екатеринбург, тогда и я вскоре перевелся в Омск, а потом в Одессу. Здесь на меня была возложена обязанность посещать ночлежные дома и говорить в них босякам слово Божие. С большой радостью я исполнял эту для меня священную обязанность. Босяки скоро горячо ко мне привязались, я очень жалел их. Не могу умолчать и о том, что и среди них были рабы Христовы. Я всегда им удивлялся, но прежде и больше всего меня удивляло то, как наш несчастный трудовой народ еще не утратил веру в Бога и не потерял в себе Христа окончательно. Надо ведь сказать правду: ни перед кем так христианская Церковь не виновата, как исключительно перед рабочей христианской массой. Она в лице своих церковных князей, представителей Алтаря Христова, никогда не спускалась в эту трудовую массу, никогда не вносила в ее страдальческую жизнь света Христова. Подлинно удивительно, как еще эта масса, веками лишенная Евангельского света Христова, сохранила в своей душе Христа!

В самом деле, были ведь придворные священники, есть военное духовенство, есть сельское духовенство, есть, наконец, тюремное духовенство, но не было и нет рабочего духовенства, во главе которого должен стоять митрополит или по крайней мере какой-нибудь архиепископ, всегда встающий на защиту этой обездоленной массы от всяких эксплуататоров, начиная от самого государства и кончая каким-нибудь жалким фабрикантом. Тогда бы эта многомиллионная масса рабочего люда не сторонилась от Церкви, как от равнодушной к ней мачехи, нет, эта живая масса обездоленного люда смотрела бы на Церковь, как на свою родную мать и защитницу попираемой на земле христианской правды. Невозможно было не относиться сочувственно к этим несчастным рабочим людям, после тяжелого труда на пароходной пристани приходившим ночевать в ночлежку. Мне приходилось близко ознакомиться с их жизнью. «Боже мой, — говорил я сам себе, — если бы я хоть половину их труда перенес ради того, чтобы унаследовать Царство Небесное, я бы поистине был угоден Господу».

И мне было грустно смотреть на них, но еще грустнее смотреть на самого себя. Стыдно мне было за себя перед этими несчастными бедняками. Бездомные, вечно живущие впроголодь, всеми отвергнутые бедняки! Всё же они, несмотря на свою каторжную жизнь, верили во Христа, любили Его и молились Ему часто с горячими слезами, я же, всегда одетый, всегда сытый, выхолонный служитель Алтаря Христова, проповедник Евангелия Христова, все время своей жизни живу без Христа, живу без живой в Него веры, без всякой с моей стороны любви к Нему. И мне досадно было на самого себя.

Я тяжело скорбел душой. В самом деле, кто я был сравнительно с этим обездоленным, всегда бесчеловечно измученным и обиженным и униженным рабочим людом? И как мне ни стыдно и ни совестно сознаться, все же я должен сказать правду, что я, как священнослужитель Церкви Господней, сравнительно с этим рабочим людом сознавал себя вредным паразитом, отъявленным обманщиком лжецом, в овчей одежде волком, церковным ханжой и праведным фарисеем. По отношению же самых босяков я, как священнослужитель, как вершитель Тайн Христовых (хотя и из черного духовенства) так же чувствовал себя их верным непримиримым врагом и льстивым безжалостным коварным палачом. Каждый раз, как только я появлялся в ночлежных домах, совесть моя всегда меня мучила. Прежде всего она мучила меня за то, что я шел к этому рабочему люду проповедовать Евангелие, проповедовать ему духовную святую жизнь, сам же лично я не принадлежал к этому бедному рабочему классу, напротив, я принадлежал к классу тиранов и мучителей всего мирового рабочего народа, кроме того, я еще принадлежал и к той касте людей, которая не только всегда брезгливо и с большим презрением относилась к этому мировому мученику Христову, но, что всего ужаснее, так это то, что эта каста, к которой принадлежал я, в угоду имущим классам мира сего, до сего времени сильно поддерживает самое существование этого страшного христианского рабства и абсолютно лишает его как света Христова, так и духовной братской Евангельской свободы. И вот когда я входил к босякам и начинал им проповедовать слово Божие, в это время совесть моя пробуждалась и властно нашептывала мне: если ты представитель Церкви, проповедник Евангельской правды, то ты по одному этому до самой смерти должен всем своим существом пожалеть и полюбить этот измученный настрадавшийся рабочий люд и, как истинный ученик Христа, ты должен раз навсегда оставить имущие классы, выйти из них и с пламенным глаголом слова Христова выступить прежде всего вообще против всякого человеческого рабства, особенно современного неслыханного христианского рабства, начав прежде всего лично с себя, со своей духовной касты, с имущих классов, ты во имя христианского Бога, во имя Евангельской правды должен стать на защиту всех этих труждающихся меньших братьев Христовых. И вот в это время, когда ты действительно выступишь на такое святое дело, и только тогда ты будешь иметь право и этим несчастным босякам говорить слово Божие. Теперь же ты по-своему недостойнству прочь уйди от сего рабочего люда и с грязной и лицемерной душой не входи к ним. Ты один из тех, которые на протяжении девятнадцати веков и до сего дня являются страшными тиранами, мучителями и палачами этого жалкого униженного люда, которых мучают, вешают и убивают и в то же время молят Бога о спасении душ их! Так моя совесть укоряла меня, и мне было стыдно смотреть на этих несчастных босяков.

Кроме ночлежных домов, мне приходилось почти каждое воскресенье за ранней и поздней литургией произносить проповеди в Андреевском Афонском подворье. Здесь, как ни в каком другом месте, за мной зорко следили православные миссионеры во главе с епархиальным миссионером г. Кальневым. В их глазах я вскоре сделался каким-то подозрительным христианином. Многие из них глухо роптали на меня за то, что я резко говорил о святых, о чудотворных иконах, о мощах, о поминовении усопших, о покупке просфор, свечей и т. д. Мои проповеди на Евангельские темы никому из миссионеров не нравились.

III

В 1914 году 20-го июля, в день пророка Илии, была объявлена в России мобилизация войск против Германии. Это был первый день начала мировой войны. В эти страшные дни я чувствовал себя очень плохо. Непреодолимый ужас пронизывал меня насквозь. Лихорадочная дрожь не покидала меня: зубы как-то стучали нервно; губы дрожали; рот кривился; сердце билось учащенно; ноги подламывались; на душе была смертельная тоска. Мысли, точно ураган, с головокружительной быстротой буйно неслись в моей голове. В эти ужасные дни я весь сосредоточился на войне. «Война», шептал я себе, «да, война», вслух произносил я! Тут я смело и открыто смотрел на государство как на

самую причину этой войны и других человеческих бедствий, но все как-то еще без определенных убеждений. Когда же наступали ночи, тогда я как-то мало спал: война лишила меня сна. Так я несколько ночей провел совершенно без сна. В одну из таких бессонных ночей мне в самых ярких и живых красках представилась такая странная, может быть более чем даже странная картина: Христос вздумал Свои Слова: «И се, Я с вами во все дни до окончания века» (Мф. 28–20) временно осуществить во внешней видимой форме для всего человечества. Он появился среди всех сынов человеческих, но появился так: перед Его появлением вся земля невидимо для смертных обратилась в одну величайшую площадь. И вот, в тот момент, когда Христос появился на эту площадь, то внезапно, одновременно все люди узнали, что на площади появился Христос.

В этот момент появления Христа на площади все колокола христианских храмов затрезвонили сами собой. Все христианское духовенство, облекшись в наилучшие священнические облачения, с процессией крестных ходов, с хоругвями, иконами, мощами, Евангелием и Крестом в руках шло навстречу Христу. За этими крестными ходами радостными шагами, дружно во всем параде шли к Нему и все цари мира сего; за царями так же шли войска, за войсками шли и все люди. У всех были лица радостные, все улыбались и все от величайшего счастья плакали. В эти столь торжественные минуты для всего человечества все люди почувствовали себя очень довольными и счастливыми. Все больные были совершенно здоровыми, за все время появления Христа на площади даже смерть уже никого не смела коснуться. Всюду было какое-то небывалое ликование. Даже солнце несколько раз меняло свой свет; белый свет сменялся пурпуровым, затем фиолетовым, затем голубым, затем золотисто-желтым, затем зеленым, затем опять белым. Вся природа в это время казалась совершенно преобразованной, юной и весело улыбающейся. Сам же Христос сиял, точно солнце, одеяние Его было белоснежно и соткано точно из солнечных нежных лучей. Он был роста выше среднего, красота Его была неопишима. А колокола всех христианских храмов все торжественнее и торжественнее звонили. Когда все крестные ходы, а за ними и все человечество, подошли ко Христу, то, как духовенство, так и все цари мира сего, а за ними и все войско, и все человечество пали перед Ним на колена и от великой радости, протягивая к Нему свои руки, все плакали и все вопияли: «О, Сладчайший наш Христос, Ты наш Бог, Ты наш Спаситель, Ты наша жизнь, Ты наше Счастье, Ты наш Царь, Ты наш Законодатель». С неба послышался голос: «Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Нем Мое Благоволение». В это время вся земля прославляла Бога и благодарила Его сердечными слезами, и всюду было слышно, как волны радостных человеческих всхлипываний и веселых восторгов, смоченных слезами неопишимого счастья, одна за другою неслись к небесам. Христос, хотя все время и радовался, однако Он был задумчив и нежная грусть не отлетала от Его Лица. Он благословлял народ и целовал всех. В то время, как Он благословлял народ и целовал поодиночке людей, римский первосвященник что-то резко менялся в лице: то он побледнеет, то побагровеет, то вдруг делается задумчив. Христос несколько раз вскидывал на него Свои святые взоры и, не переставая, все благословлял и нежно целовал всех и каждого, без всякого различия пола, возраста и состояния. И вот в те моменты, когда Он вскидывал Свои святые взоры на римского первосвященника, к Нему подходили великие грешники и грешницы: арестанты и арестантки, из них одни были убийцы, другие прелюбодеи, грабители, пьяницы. Иисус, как бы не замечая их премерзкую, преступную и греховную жизнь, также улыбался им и также благословлял и целовал их. За этими грешниками подошел ко Христу и римский первосвященник, как носитель духовной церковной власти, а за ним духовенство и цари, и великие мира сего, а за ними войско и т. д. Христос и их то же самое благословлял и то же самое целовал. Римский первосвященник после того, как принял от Христа благословение, страшно побагровел и сейчас же подозвал к себе одного величайшего и могущественного императора и стал с ним с нескрываемым волнением о чем-то серьезно перешептываться. Тот же самый император часто вздрагивал, пожимал плечами и исподлобья смотрел на Христа. В это время из толпы людской послышались единичные голоса всенародно кающихся перед Христом в своих грехах грешников. Христос, слыша их покаяние, даже прослезился. Многие из таких кающихся были преимущественно арестанты и публичные

женщины... Каялись и крестьяне, но их сравнительно было мало. Каялись и воины, но их было только несколько десятков. Из духовенства же каялся только один больной священник, о нем будет сказано дальше. В то время, как Христос благословлял и целовал подходивших к Нему людей, какая-то русская крестьянка изо всех сил вскрикнула: «Господи, не уходи от нас, будь, Кормилец наш, всегда с нами, и нам будет хорошо, и мы все будем жить в счастье и блаженстве».

Христос, взглянув на нее, возрадовался духом. Из народа опять послышались голоса: «Господи, не оставляй нас, нам с Тобою очень радостно, до забвения радостно». Среди этих единичных выкриков послышался женский сильно кричащий голос: «Кормилец Ты наш, Господи, за что, за что же Ты нас так любишь, чем мы угодны Тебе, что Ты явился нам и всех нас благословляешь, милуешь и всех нас во мгновение ока сделал равными между собою, родными братьями и свободными людьми, свободными и от всякой даже частной земной собственности». Слыша эти слова женщины, Христос поднял Свои руки к небу и громко произнес следующую молитву: «Отче, да будут все едино, как и Мы едино». В это время римский первосвященник страшно побледнел, глаза его засверкали каким-то зловещим блеском; он как-то нервно оглядывался во все стороны, точно кого-то искал. Затем нервными шагами он подошел к Христу и что-то испуганно, захлебываясь от волнения, отрывисто говорил Ему. Христос на минуту стоял задумчив, затем, взглянув на первосвященник, что-то ему тоже сказал. Первосвященник, отходя от Христа, стиснул от прилива злобы свои белые зубы, он еле держался на ногах; он что-то шептал и что-то отдельными словами выговаривал вслух. Когда первосвященник стал на свое место, к нему снова подошел тот же самый могущественный император. Тут было слышно все, что раньше первосвященник сам себе произносил шепотом. Император спросил первосвященника: «Какая цель Его появления среди нас?» Первосвященник ответил: «Та самая, что и раньше. Ему, во что бы то ни стало, хочется устроить на земле Царство Своего Небесного Отца. Фундаментом этого Царства, конечно, как вот мы видим из всех Его отношений к нам, Он обязательно положит четырехгранную Свою Евангельскую любовь: 1. Богосыновное абсолютное святое братство всего человечества, 2. Богосыновное абсолютное святое равенство всех людей, 3. Богосыновную абсолютную святую свободу личности и 4. Богосыновную абсолютную святую свободу от частной собственности». — «Вот как!» — воскликнул удивленно император. «Да», — задумчиво сквозь зубы ответил первосвященник. «Знаете ли, император, — опять начал первосвященник, — Его здесь появление для нас очень и очень опасно; оно грозит для всего человечества каким-то ужасным переворотом, а мы, представители власти, окажемся на самом дне грядущей человеческой катастрофы! Знаете, император, хотя Он и Сын Божий, хотя Он и Спаситель всего мира, но все же во всяком случае Он как человек мало знает человеческую психологию. Я говорю, что Он по божеству-то, конечно, несравненно больше знает человечество, чем мы его знаем, но по человечеству-то Он очень мало знает психологию народной толпы. И вот я думаю: чтобы от Его опаснейших и разлагающих все человечество принципов спасти человечество, я предлагал бы непременно начать народную войну. Эта война в силу убеждения народов, всевозможных эпидемических болезней, экономического государственного краха среди побежденных, в разных местах революций, выдвижения в то время социализмом своих, с виду похожих, точно таких же, как Его, принципов жизни (человечество ведь слепо, оно не отличит одних от других), непременно внесет самую надежную и многовековую помеху осуществлению Им на земле Царства Своего Небесного Отца. Иначе мы все погибнем, а без нас, имущих власть, конечно, погибнет и Церковь и государство». Народ все подходил и подходил ко Христу, а Христос все благословлял и целовал людей. Из этой многочисленной толпы ко Христу подошел один русский молодой, красивый юноша, он пал перед Ним на колени и зарыдал. Христос нагнулся и поднял его. Юноша, взглянув на Христа, проговорил: «Господи, я солдат, могу ли быть Твоим учеником?» Христос тихо ему сказал: «Взявший меч от меча и погибнет». Юноша, слыша это, тотчас же вышел из воинских рядов и стал среди крестьян. За юношей подошел к Нему тот самый священник, о котором я еще раньше упомянул. Он также упал к ногам Христа и горько плакал. Иисус и его поднял. Священник, не глядя на Христа, спросил Его: «Господи, совесть моя... совесть моя все время меня

мучает, мучает она меня за то, что я всю свою жизнь торгую Тобою, торгую Твоими Тайнствами Церкви, а я бы хотел быть Твоим верным последователем». Христос ему сказал: «Даром получили, даром и раздавайте». Услышав эти слова, священник вздрогнул, побледнел и задумчиво отошел от Христа в сторону. Через несколько минут после этого ко Христу опять подошел римский первосвященник, как носитель церковной власти, он что-то минуты три беспокойно шептал Христу на ухо. Христос задумчиво его слушал и два раза тяжело вздохнул. Когда первосвященник отошел от Христа, тогда Христос поник головою, и тяжелая грусть слетела на Его лицо. Народ, все время от радости плача и рыдая, подходил ко Христу и, протягивая к Нему свои руки, целовал Его. В то время как весь народ искал прикоснуться к Нему, принять от Него благословение, вдруг по одному мановению руки среди всего человечества сделалась глубокая тишина: послышалась речь проповедника. Проповедник был сам римский первосвященник; он начал свою речь так: «Цари мира сего и князья Церкви и все народы земли, внимайте! Да будет всем вам известно, что мы, находясь здесь, действительно встретили Самого Христа, Сына Божия; и се, Он до сего момента стоит среди нас. Все мы без всякого сомнения убеждены в Него [Нем — вариант Павла] [Его существовании — другой вариант] и веруем в Его реальную божественную личность. Но знаете ли вы, я вас всех спрашиваю, знаете ли вы, зачем Он явился среди нас? О, вы не знаете, зачем Он явился! Впрочем, чтобы не быть голословным и утомительным для вас, я хотел бы спросить всех вас: вы, вы обратили ли ваше внимание на тех грешников, о которых я говорить вам не буду, но только напому вам о том, как, увидавши их, Он от радости прослезился? Я напому вам еще о той женщине, которая произнесла что-то такое, на что Он особенно обратил Свое внимание. Напому также вам и о том юноше, который, услышав от Него несколько слов, тотчас же оставил свои воинские ряды и перешел к крестьянам. Кроме сего, вы взвесили Его к вам отношения? Вы проникли ли в самую суть этих отношений? О, вы ничего не знаете и знать не будете! И вот я, как наместник Петра, по долгу своей святительской совести, считаю своим священным долгом сказать вам откровенно, что я сам своими собственными ушами слышал от Него, что Он не признает никакой власти на земле за исключением какой-то Своей, которую Он Сам лишь имеет. Когда я подошел к Нему и начал молить Его о том, чтобы Он возвысил и даровал снова прежнюю власть Наместнику Петра, то он прямо и категорически заявил мне, что Он никому и никогда никакой земной власти не поручал и никаких наместников Петра не знает. В Евангелии же сказано: „И я говорю тебе: ты Петр, и на сем камне создам церковь Мою, и врата ада не одолеют ея; и дам тебе ключи Царства Небесного: и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах; и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах“ (Мф. 16:18–19).

Мир христианский! Кому же мы должны верить? Верить ли Евангелию или сейчас явившемуся вот Ему? Я действительно верю, что Он есть Истинный Христос, но я должен сознаться перед вами, что Он, как христианский Бог, совершенно не подходит ни под наши понятия о Нем и не подходит под самый дух времени». (В это время кто-то из толпы крикнул: «Это потому Он не подходит под ваши понятия о Нем, что вы, пастыри, Его заменили своим церковным Христом».) «Это для нас, — продолжал римский первосвященник, — является такой чудесной загадкой, которая все, самые величайшие чудеса в мире опрокидывает вверх дном. Ведь нужно только серьезно посмотреть на Него и без всякого стеснения сказать о Нем, и сказать одну лишь правду и получится то, что Он для нас — и Бог, и самое ничтожнейшее существо; Спаситель и враг наш; Искупитель и самый злейший наш мучитель; Творец и самый презреннейший раб; Судья и вечно подсудимый преступник; Источник жизни и живая смерть; Бесконечная Святая Любовь и самая злейшая ненависть; отец всякого блага и начальник всякого зла. Может быть, такое противоречие в нас о Христе создается нашею жизнью; я спорить об этом не буду, но, во всяком случае, создается это противоречие не нами, лично в нас, а Им в нас, именно Им Самим. Вот хотя бы в таком частном вопросе, как наместник Петра-апостола. Ведь если бы, действительно, не было нас, наместников блаженнейшего Петра, то исторического законного священства не было бы на земле (а Он едва ли его признает) и через это, конечно, не было бы и священства в Церкви, не было бы и таинства, не было бы и самой Церкви. Но это не все. В самом деле,

не нам ли обязана своим существованием на земле сама Церковь Его? Не нам ли обязана цельность и неприкосновенность Евангелия? Не нам ли обязаны тринитарные, христологические и сотериологические догматы в своем развитии христианской религии? Не нам ли своим существованием обязано и само христианство? Не нам ли, наконец, вот и Он (оратор рукою показал на Христа) обязан Своим спасением от Ария и Савеллия и их последователей, которые стремились низвести Его с божественного пьедестала на степень творения? И вот за все двадцативековые понесенные нами добровольные труды, подвиги ради Его спасения на земле со всем Его учением, Он вдруг говорит, что Он никаких наместников Петра не знает и никому никакой земной власти не поручал. Но если бы Он знал, что ведь и мы-то только тогда сильны и только тогда творчески продуктивны в наших церковных делах и, наконец, только тогда мы можем свободно вести людей к Нему же Самому, когда мы облечены властью, когда эта власть находится у нас в качестве всемогущего Моисеева жезла» (в это время опять послышались из толпы голоса: «Вы, святейший отец, правы!» «Да, святейший отец, вы безусловно правы», — ответил какой-то русский митрополит). «Конечно, — продолжал оратор, — мы должны сознаться, что всякая власть от Бога, хотя я в душе своей чувствую, что Он ее считает не только не от Бога, но прямо-таки от дьявола, от того духа, который некогда Его Самого искушал в пустыне. Я во всем этом не сомневаюсь, что Он действительно так ее и считает; но ведь, кроме Него, есть еще два лица Святой Троицы, и наверное, если не Он, то Отец Его, а не Отец, так Дух Святой, и кто-нибудь из этих двух ипостасей непременно все-таки считает всякую власть от Бога, так подсказывает мое сердце. Уже если говорить правду до конца, то я опять скажу, что без нашей власти никто бы не верил в Него, никто бы не слушал Его суровый закон, никто бы ни одной минуты не стал терять на изучение Его учения. Только благодаря нашей власти народ крестится, принимает христианство, распространяется Евангелие, проводится в личную жизнь Его Учение, ходят люди в храм, исповедуются, причащаются и т. д. Все это делается людьми только благодаря нашей власти. В заключение сих слов я все же должен сознаться, что Он, хотя и действительно есть Христос, действительно есть Сын Божий, но ради самого христианства и ради существования на земле Церкви несравненно было бы лучше, если бы Он оставил нас и нашу землю и удалился бы на небо. Мы бы так же по-прежнему молились Ему, строили Ему храмы, прославляли Его, возносили Ему фимиам, возжигали Ему паникадила и т. д. Только бы Он не появлялся среди нас, ибо Его появление на земле погубит христианство, а вместе с этим погибнет и вся культура, и все человечество».

Речь проповедника произвела сильное впечатление. Она, точно буря, пронеслась перед человечеством. И все человечество заволновалось и зашумело. Трудно было что-нибудь понять: все кричали, все вопили, и произошло такое сильно смятение, такой сильный шум, что даже представить себе нельзя, что происходило среди всего человечества после столь сильной проповеди первосвященника. В самый разгар всеобщего человеческого смятения ко Христу подошел какой-то монах, по всей вероятности, какой-нибудь миссионер; он смело, чуть не начальнически обращаясь ко Христу, спросил Его, верует ли Он во Единую Святую Соборную и Апостольскую Церковь? Христос ничего ему не ответил. Подошли к Нему и некоторые цари мира сего и спросили Его, признает ли Он для блага христианской жизни власть кесарей? Христос указал им на Себя, как на единого христианского кесаря и на Свою власть, как на единственную христианскую власть. Затем несколько помолчав, Он сказал: «Ваша власть есть противление злом злу, Моя же власть есть бесконечная всепрощающая любовь; все, что не божественная Евангельская любовь, не есть Моя власть и не есть Мое царство». Христос хотел еще что-то говорить, как вдруг по мановению чьей-то властной руки Его арестовали и уже повели куда-то. В это время из толпы послышались по Его адресу бранные слова, посыпались на Него плевки. Его остановили. Он был бледен. Кто-то ударил Его иконою по голове. Иисус вздрогнул, кровь выступила на Его голове. Какой-то протоиерей взял у диакона кадильницу и из нее на голову Христа высыпал горячие угли. Христос молчал. После этого протоиерея какой-то схимник, проживший в затворе тридцать пять лет и достигший такого духовного совершенства, что

по своей молитве за всю свою жизнь воскресил пять человек мертвых, словом исцелял больных, изгонял бесов, был настолько прозорливым, что знал все человеческие мысли и т. д. и вот он подошел ко Христу, плюнул Ему в лицо, ударил Его по ланите, толкнул Его в грудь, проклял Его и, осенив себя крестным знаменем, отошел от Него. Христос грустно посмотрел на него, но ничего ему не сказал. После этого схимника какое-то духовное лицо тоже по голове ударило Его золотым напрестольным крестом. В это время злоба человеческая против Христа еще все сильнее и сильнее росла, усиливалась и разгоралась. Из самого центра слышались голоса, требовавшие связать Его и, как еретика и государственного преступника, подвергнуть розгам или плетям, а затем предать Его смертной казни. В этот момент к Нему подошли несколько русских епископов и спросили Его: «Господи, как Ты смотришь на историческую преемственность священства, на чудотворные иконы, на мощи святых и на сектантство, которое не признает Церковь, отрицает войну, отрицает государство и отрицает обычные человеческие законы общественной жизни?» Христос с такою укоризною посмотрел на них, что они от стыда или злобы даже побагровели! Смятение же народное против Христа все сильнее и сильнее увеличивалось. Кто-то громче всех кричал, настаивая на том, чтобы спросить Его, зачем Он не обратит Свое внимание на людские бедствия и слезы, если Он Бог? Зачем Он не уничтожит в самом корне всякое зло на земле, если Он всемогущ и любит род людской? Но в это время народное смятение дошло до того, что здесь все стоящее человечество представляло из себя точно какое-то ревущее бушующее море или самый сильный водопад; оно все превратилось в какой-то зловещий страшный рев и страшный шум. Лично до Самого Христа долетали даже такие бранные слова, как, например: Он хлыст, Он волхв, Он безбожник, Он страшнейший и опаснейший антихрист, Он народный возмутитель, Он сам сатана. Были слышны и другие постыдные клички, о которых здесь стыдно и говорить... В это время тот самый император стал на возвышенное место, нарочно для него устроенное, и начал держать речь. Толпа вся утихла. Он говорил так: «Народы земли! Мне подсказывает мой государственный гений следующую мысль: вы знаете ли, народы земли, сколько времени здесь среди нас стоит Христос? Он здесь стоит ровно восемь часов. Народы земли! Я говорю, что Он здесь стоит ровно восемь часов! И вот, знаете ли, в такое короткое время Своим реальным появлением среди человечества Он столько внес в сердца людские страшных возмущений, ужасных соблазнов и всякого рода тревог, что еще не было в мире подобного Ему человека и сама история не знает такого преступника, такого злодея, который бы мог за всю свою злодейскую преступную жизнь внести в мир столько беспокойства, столько тревог, столько страхов и ужасов, сколько вот этот Христос. Я прекрасно сознаю и твердо верю, что Он есть действительно Тот Христос, Тот Сын Божий, Который раньше сходил на землю, учил людей, творил чудеса, умер на кресте и в третий день воскрес; но все же, несмотря на это, я смело скажу, что, быть может, Он на небе, среди других существ, конечно не похожих на нас, кое-как еще терпим; что же касается земли и ее насельников, то Он абсолютно, одной минуты здесь нетерпим! Если мы до сего дня и считали Его Богом, молились Ему, то мы это делали совершенно не видя Его и не зная Его жизни, особенно не зная Его реального отношения к людям. Конечно, мы читали и знаем Его учение о жизни, но мы никогда не видели ни одного человека, кроме Него Одного, который бы указывал Своею практическою жизнью, как жить по Его Учению. И вот, когда Он Сам теперь среди нас, когда мы собственными очами увидели и убедились, как Он Сам относится к человечеству, то я должен сказать, что Он совершенно нетерпим, одной минуты нетерпим здесь на земле. Если сию же минуту Он не оставит нас, то мы должны прибегнуть против Него к разумным мерам, чтобы Его каким бы то ни было способом, или какими бы то ни было радикальными мерами отсюда выпроводить, иначе мы все из-за Него погибнем, а народ и войско потеряют всякое послушание и подчинение благоразумной нашей власти. В самом деле, мы имеем явное доказательство против Него, оно налицо: с того времени, как Он появился среди нас, среди всего человечества злоба в людях против Него все растет и растет, смятение народное все усиливается и усиливается, — что же это такое? Не надеется ли Он на неприкосновенность со стороны Своего творения Своей Божественной Силы, Которую Он, как Бог, в Себе имеет? Не мнит ли Он Себе, что

вы, мол, чтобы против Меня ни говорили, ни затевали, вы Мне, как Духовной Божественной Личности, ничего не сделаете, ибо Я Бог и поэтому не подвержен никакому страданию. В этом, конечно, никто не сомневается, что Он Бог, а мы творение. Но ведь и дьявол Его творение, однако это творение ни днем, ни ночью всему Божеству не дает покоя, а больше всего от этого творения достается Ему же Самому, вот этому же Христу. Даже такое творение, как евреи, и, однако же, и они Его распяли, и Он Сам кричал с креста: „Боже мой, Боже мой, зачем Ты Меня оставил!“ Так вот и мы теперь посмотрим, избежит ли Он наших рук? Может быть, Он надеется еще на Свою всемогущую любовь, которая, по Его понятию, может совершенно обезоружить самых сильнейших и злейших Его врагов; да, это, может быть, и правда, но пусть же Он знает, что земля создана не для Его любви, а для людской ненависти и всякой злобы. Земля не знает, что такое любовь; земля не знает также, что такое воля Божия и что такое Царство Небесное; земля знает лишь власть, знает насилие, знает солдатский штык, знает виселицы, знает гильотины, знает расстрелы, знает тюрьмы, знает сумасшедшие дома, знает суды, вообще знает одно только зло, зло и зло... Вот что знает земля! Недаром она породила ад и дьявола! Конечно, она знает и Бога, но такого Бога, который точь-в-точь походит на нее саму, т. е. такого Бога, который убивает людей, мстит своим врагам, смеется над человеческою жизнью, вменяет ее ни во что, издевается над нею и т. д. Но такого Бога, как Бога любви, Бога сострадания, Бога мира, Бога, проповедующего людям святое богосыновное абсолютное братство всех людей, Бога святого, богосыновного, абсолютного равенства всех людей; Бога святой, богосыновной, личной абсолютной свободы человека и, наконец, Бога святой богосыновной абсолютной общности частной собственности человека, — земля никогда не знала и знать не будет. И если подобная идея носится над землей, то это лишь благодаря вот этому Христу, Который откуда-то принес ее на землю; но она настолько чужда земле, насколько солнце чуждо мраку, и насколько Он Сам чужд нам и нашей жизни.

Итак, народы земли! Нам ничего не остается делать, как сейчас же принять против Него самые строжайшие, радикальнейшие меры, чтобы Его здесь не было и чтобы Он больше не появлялся среди нас и не посещал землю. Мы как были без Него христианами, такими же во веки вечные и останемся. Зачем Он нам нужен, у нас есть духовенство, у нас есть храмы, и нам больше ничего и не нужно.

Итак, народы мира! Если мы дадим Ему хотя один час пробить среди нас, то тогда все человечество перевернется вверх дном, и мы все погибнем».

Монарх еще не окончил свою речь, как снова заволновалось все человечество, и большая часть его громко завопила: «Смерть Ему, смерть Ему!!!» Рядом со Христом стоял какой-то немецкий пастор, он так сильно ударил рукою Его по лицу, что Христос пошатнулся. Неподалеку от Христа стоял средних лет какой-то еврей, он очень сильно плакал. Христос несколько раз умиленно смотрел на него. Когда еврей этот увидел, что пастор ударил по лицу Христа, он не вытерпел, он возмутился, он выступил на защиту Иисуса; он обратился к народу и начал говорить так: «Христиане, да будет вам известно, отцы и начальники наши в бытность Его на земле распяли Его, но распяли в то время, когда история о Нем молчала, в Его защиту лишь говорили: 1) необыкновенная святость Его личности; 2) Его, как сам Бог, Святое Учение; 3) Его Божественная жизнь; 4) Его чудеса вплоть до Воскресения и Вознесения на небо. И вот за то, что евреи отвергли эти неопровержимые свидетельства о Нем, как об Истинном Мессии, пришедшим от Бога спасти людей, они, или, лучше сказать, все мы, сыны Израиля, вот уже девятнадцать веков несем величайшее Божие наказание. Это наказание мы будем нести до последнего дня судного, именно за то, что мы, евреи, распяли Его. Христиане, в настоящее время на стороне Христа стоит еще пятый свидетель, свидетельствующий о Его Божественности, — это история. И вот за то, что вы так бесчеловечно поступаете со Христом, предательски относитесь к Нему, знайте, та же самая история рано или поздно выступит в защиту Христа и подвергнет вас страшнейшему наказанию, такому наказанию, перед которым все катастрофы мира сего будут казаться детской игрушкой». Еврей еще хотел продолжать свою речь, как в это время народная волна сбросила его с места, и он упал.

Через минут пять после речи еврея в защиту Христа стал было говорить какой-то китаец, но его народ сбил с ног, и он повалился. За китайцем выступил говорить в защиту Христа какой-то турецкий мулла, но он только что открыл рот и сказал, чтобы правоверные магометане защитили пророка Христа и христианам не дали бы бить Его, как в это время народ особенно заволновался; заволновался он ввиду того, что какая-то японская вдова-крестьянка выкопала из могилы своего единственного двадцатилетнего сына, который умер от холеры и в могиле пролежал девять суток. И вот эта несчастная вдова с помощью других чрез народную толпу протащила гроб своего сына и поставила его у ног Христа; сама же стала на колени перед Христом и начала молить Его, чтобы Он воскресил ее сына. Христос сжалился над этой вдовой и, взглянув на труп, сказал: «Юноша, я говорю тебе, встань». Мертвый, точно пробудившись от сна, встал совершенно здоровый. За этим юношей, через народную толпу протащили еще один гроб ко Христу. В этом гробу лежал мужчина лет тридцати, почти весь истлевший; он был украшен змеей-коброй; он пролежал в земле пять месяцев. И этот гроб также поставили к ногам Христа, чтобы Он воскресил этого мертвеца. Нужно напомнить, что мертвец этот был индеец. Христос, видя мольбу и слезы семьи этого умершего, сжалился и воскресил его! Умерший тотчас встал и начал пред всеми ходить. В тот момент, как Христос воскресил последнего мертвеца, к Нему подошла депутация; она состояла из четырех человек: первый был римский первосвященник, второй — греческий патриарх, третий — русский митрополит и четвертый — тот же самый могущественный император. Христос с радостной духовной улыбкой снова поцеловал их. Депутация торжественно спросила Его: «Ты ли, действительно, Христос?» Иисус ответил: «Я Христос». — «Если Ты, действительно Христос, — начал первосвященник, — то мы хотели бы знать цель Твоего появления среди нас. Скажи нам, не скрывай от нас, ради чего Ты сюда явился? Если Ты по Своей природе Бог, если Ты свят и если Ты так грозно некогда предупреждал всякий соблазн и чуть не проклятием клеймил всякого соблазнителя, угрожая ему горем, геенною, то зачем же Ты Сам Своим появлением среди нас так всех озлобил, так соблазнил, так возмутил против Себя все человечество? Зачем Твое появление среди нас точно электрический ток зарядило злобою сердца человеческие? Я только одно скажу Тебе. О, Христос! Заклинаем Тебя Богом, возьми Свое ужасное для нас Евангелие и скорее уходи туда, откуда Ты пришел к нам! Уж если говорить правду, так говорить до конца. Знай же и всегда помни, что как Ты лично Сам, так и Твое Евангелие для нас, особенно имущих власть мира сего, бесконечно хуже и опаснее самой ужасной смерти. Уйди же от нас и больше не появляйся. Слышишь?! Больше никогда не появляйся среди нас!» Христос хотя и улыбался, но с Его бледного лица падали крупные слезы. Не успела эта депутация оставить Христа, как Он уже был оцеплен густым кольцом войск. В Него тотчас же начали стрелять из ружей, пулеметов и батарей. В это время казалось, что весь мир, вся вселенная точно подверглись какой-то ужасающей, страшной катастрофе. Всюду были слышны раздирающие душу дикие крики, страшная брань, постыдная ругань, грохот пушек, людской шум, стон земли, густой дым — все это представлялось каким-то неопишуемым адом. Ярость и злоба воинов настолько были велики и безумны, что они в ту же самую первую минуту перенесли их и сами на себя. И лилась их кровь по всему лицу земли, и вся земля была усеяна человеческими трупами, и в живых из сынов человеческих мало кого осталось. Весь мир почти превратился в какое-то мировое кладбище.

В это время Христос был очень грустный; Он ходил по этому мировому кладбищу, горько оплакивая всех павших, Он наклонялся над каждым мертвым и горячо целовал их. Когда Христос обошел всех сынов человеческих, тогда Он стал среди этих трупов, среди этого бездыханного, мертвого кладбища людей, Он поднялся, выпрямился и, Свою левую руку приложив к Своему божественному челу, тихо шептал: «Когда Я приду на землю, то едва обрящу веру на земле». [Ср.: «Но Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?» (Лк. 18:8)]

Эта странная картина несколько ночей подряд предносилась моему раскаленному воображению, война до белого каления раскаляла мои мозги. В глубине же самого моего духа я никак не мог себе представить, чтобы христиане, да еще двадцатого века, могли объявлять войну, могли

воевать, и чтобы в жизни христиан когда-либо могла существовать война. Мне в то время казалось, что не только война, но и всякое частное убийство, будь оно совершено во имя самосохранения, как оборонительное убийство, все равно, оно есть прежде всего сознательное насилие над Самим Богом, притязание на жизнь Самого Бога, нестерпимое жгучее желание уничтожить Бога и желание на место Его, т. е. Бога, [поставить] обоготворение людской вражды против Бога, обоготворение абсолютной смерти, абсолютного небытия, абсолютного ничто!

И действительно, нужно только в это время хорошенько вдуматься и тогда убедишься, что это так и есть на самом деле. Нужно только представить себе с одной стороны Бога, творящего и Свое создание, в частности человека, с другой стороны людей, сознательно и озлобленно уничтожающих во имя чего бы то ни было друг друга, как самое творение Его, и сразу все будет просто и понятно, что всякое убийство есть противное Богу, есть вражда против Бога, есть посягательство на уничтожение Самой сущности Бога! Правда, хотя я так и думал о войне и в частности о всяком частном убийстве, однако мысли мои относительно всего этого были только одними голыми мыслями, они не имели в себе никаких корней и также под собой не имели никакой постоянной твердой почвы.

Я, как трость, колеблемая ветром, колебался то против войны, то за войну.

В эти столь мучительные для меня лично ночи я от людей перенесся своею мыслью на хищных кровожадных зверей, на плотоядных птиц, на воинствующих муравьев и т. д., и опять не мог никак понять, и опять ядовитое сомнение относительно войны холодной змеей проникло в самое сердце и там уже делало свое дело.

IV

Прошло так несколько недель после того, как Россия объявила войну Германии. В один из праздничных дней я произнес проповедь в Андреевском Афонском подворье, которую я закончил словами: «Пока христиане будут вести войны, до тех пор они ни в коем случае не вправе называть себя христианами». Эта проповедь была сейчас же передана архиепископу Назарию. Преосвященный призвал меня к себе и строго начал говорить мне: «Настоящая война есть священная война; Сам Христос говорил, что будут войны и Он же говорил: „Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих“ (Ин. 15:13). Кроме сего, церковь многих святых воинов прославляет как величайших угодников Христовых. Не благословлял ли святой Сергий Радонежский своих монахов на татарского Батыя? Всякое учение против войны есть толстовское учение. Так вот, если вы будете говорить подобные проповеди и ими возмущать народ, то я выдам вас генералу Эбелову, и пусть он куда хочет, туда и отправляет вас, а у меня чтобы вас не было!»

Простившись с владыкой, я вернулся домой, погруженный в тяжелые думы о войне. Я не знал, что мне делать: так и иначе я смотрел на войну и не мог твердо убедиться, есть ли она действительно зло или добро, или ни то ни другое. Все говорят о войне: говорят газеты, говорят гражданские законы, говорят от лица Церкви Христовой папы, патриархи, кардиналы, священники, проповедники, говорят с церковной кафедры, говорят после того, как причащаются Тела и Крови Христовых, и все они говорят о ней как о великом святом подвиге христианской жизни. Я же в душе своей чувствовал, что война — величайшее зло в мире. Но когда я увидел, как к ней все готовятся, как сама Церковь с крестом и Евангелием благословляет войну и епископы, проповедники даже Евангельскими текстами показывают святость войны, я совершенно терялся и не знал, что мне делать и как смотреть на войну. И тут ничего нет удивительного в том, что я терялся и не знал, как мне на самом деле нужно было смотреть на войну. Самый народный психоз, воодушевленное стремление к войне действовали на меня заразительно. Кроме сего, не менее на меня действовал в сторону войны и Ветхий Завет, который по отношению войны совершенно противоположен Новому Завету. Я думал: как же это так? — в Ветхом Завете Сам Бог-Отец благословляет войну, непосредственно участвует в ней, в Новом же Завете Бог-

Сын как раз наоборот, совершенно отменяет ее и в Своей Нагорной проповеди дает новый закон жизни, закон любви даже ко врагам Его последователей, т. е. христиан. И вот как на это нужно смотреть? «Ну хорошо, — не раз я думал тогда, — пусть война будет и от Бога, пусть она будет исходить от воли Бога всей вселенной, но тогда, в таком случае Бог просто смеется и даже издевается над человеком: Он творит человека, дает ему жизнь лишь для того, чтобы в то же время так безжалостно умерщвлять и убивать его, радуясь, как человек, сраженный врагом, корчится, мучится, проклинает свою жизнь и своего Небесного Творца, как тирана и безжалостного мучителя, истекая кровью! Нет, неправда, чтобы Бог был прямым виновником войны. Нет, так думать о Боге — это значит бессовестно и бесчеловечно клеветать на Бога. Что же касается Ветхого Завета, где действительно Бог-Отец якобы благословляет войну и даже принимает в ней прямое непосредственное участие, то это легко объясняется тем, что народ израильский, как никто другой в мире, самый кровожаднейший, злейший, мстительнейший и жесточайший; он все эти злые, отрицательные в себе характерные черты привнес в своего Бога, наделил и охарактеризовал Его ими. И вот только по этому одному, действительно, ветхо-заветный Иегова Своею жестокостью к людям отличается не только от Иисуса Христа, но даже от всех языческих богов. Вот почему Ветхий Завет диаметрально противоположен в своих взглядах на войну с учением Иисуса Христа. Относительно же христианского церковного духовенства, которое всячески старается даже Евангельскими текстами защищать войну и доказать, что она есть дело святое, необходимое в христианской жизни и даже христолюбивое, то это просто есть историческое заблуждение всего церковного института, а также как верный показатель его совершенного неверия во Христа и постыдное пресмыкательство перед сильными мира сего». Так я думал тогда, а на сердце у меня было очень и очень тяжело.

Я скорбел душой, поделиться же своими мыслями о войне было не с кем. Говорить откровенно о ней с монахами было невозможно. Тоска давила меня. В это время я несколько раз читал и перечитывал Нагорную проповедь Христа и каждый раз меня поражало одно и то же: «А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего, подлежит суду; кто же скажет брату своему: пустой человек, подлежит верховному судилищу, а кто скажет: безумный, подлежит геенне огненной. Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой перед жертвенником и пойдя прежде примиришься с братом твоим и тогда приди и принеси дар твой. Мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге и не ввергли бы тебя в темницу. Истинно говорю тебе: ты не выйдешь оттуда, пока не отдашь до последнего кодранта. А Я говорю вам: не противься злому, но кто ударит тебя в правую щеку, обрати к нему и другую, и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду, и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два. Просящему у тебя дай и от хотящего занять у тебя не отвращайся. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного. Он повелевает солнцу Своему всходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» (Мф. 5:22–26, 38–45).

Эти слова Христа: «А Я говорю вам...» глубоко-глубоко врезались во все мое существо и точно каким-то неземным светом озарили всю мою душу.

С этого времени все яснее и яснее открывалась мне истина Христова и все более и более ясным становилось мне, что война есть верх великого ужаса, что она есть самый ужасный процесс взрыва и нового накопления всякого зла нашей антихристианской общественной жизни. И она есть каждый раз повторение тех же самых реальных страданий и крестной смерти Христа от новых иудеев-христиан! В это время я не раз говорил сам себе: что же это значит? Все представители Церкви Христовой стоят во всем церковном облачении, в одной руке они держат чашу с Телом и Кровью Христа, в другой — Святое Евангелие; и все они требуют человеческой крови, все они точно кровожадные гарпии кричат в защиту войны. Да, они точно хищные птицы, кровожадные звери стали на сторону человеческой

бойни, страшной, кровавой народной войны, против же войны стоит один лишь Галилейский Учитель Иисус, да какая-нибудь на протяжении первых трех веков христианства маленькая горсточка Его учеников, да в наше время отверженный Церковью Лев Николаевич Толстой, в руках с Нагорной проповедью Христа, точно русский Моисей со скрижалями Нового Завета стоит против войны.

На стороне же войны стоят: цари, папы, патриархи, митрополиты, епископы, все представители христианской Церкви, все дипломаты всех христианских государств и, наконец, все плотоядное человечество и весь кровожадный мир.

Так размышлял я тогда, и на душе порой бывало невыносимо тяжело, а в ушах моих все громче и громче раздавались слова Христа: «А Я говорю вам, не противься злу, но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую... А Я говорю вам, любите врагов ваших»... — Что бы я ни делал, хожу ли, читаю ли, ложусь ли спать, разговариваю ли с кем-нибудь, — слова Нагорной проповеди неотступно преследовали меня: «А Я говорю вам, что всякий гневающийся на брата своего подлежит суду... А Я говорю вам: любите врагов ваших...»

На сердце становилось страшно. Сомненья за сомнениями вползали в мою душу. «Боже мой, — говорил я сам себе, — что же это такое? Неужели же сама Церковь в лице своих представителей веками злостно смеется над учением Христа? Неужели она настолько умалила и уничтожила учение Спасителя, что ровно ни во что не ценит Нагорную проповедь Христа? Во что же она тогда верует? Неужели она думает, что можно быть христианином без проведения в христианскую жизнь Нагорной проповеди Христа? Неужели она в деле христианской религии и спасения своих чад полагается исключительно на одни лишь мертвые церковные догматы без Нагорной проповеди? В таком случае это один лишь только христианский остов одних мертвых отвлеченных человеческих понятий об истинах Христовой веры. Ведь только Нагорная проповедь есть сама жизнь догматов, плоть и кровь их. Только через проведение Нагорной проповеди в самую практическую христианскую жизнь все догматы церкви будут иметь великое значение в деле христианской веры. Без Нагорной проповеди все догматы Церкви для христианской религии ровно никакого не имеют значения. Не раз я задумывался над этим и не раз себя спрашивал: кто же лучше знает пути к Отцу Небесному, Христос ли, произнесший Свою Нагорную проповедь всему человечеству, как безусловный, внутренний, волевой закон христианской жизни, или мы — церковные представители, ловко и коварно всегда умеющие замалчивать ее, всячески своими толкованиями извращать ее и сплошь и рядом во имя своих личных, земных интересов прямо отрицать ее?»

Ужасно! О, если бы сейчас пришел на землю Сам Христос и посмотрел бы на всю нашу жизнь. Он совершенно не признал бы нас христианами, потому что в нашей жизни со всем ее церковным культом Он не нашел бы ничего Своего. Прежде всего Ему бросилось бы в глаза, что вся христианская жизнь, начиная с четвертого века и до сего дня, базируется не на каменной твердыне Его Евангельской жизни, нет, а на сыпучем песке язычества, да еще какого сплошного неслыханного язычества. Поэтому вся жизнь христиан состоит в непрерывном процессе созидания и разрушения, разрушения и созидания себялюбивой, страстной, порочной, языческой, даже сверхъязыческой своей жизни, на сыпучем песке своих собственных страстей и материальных земных интересах. О, эти материальные земные интересы! как они превратны и изменчивы! «Итак, всякого, кто слушает слова Мои сии (Нагорную проповедь) и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному (истинному ученику Христову, руководящемуся в своей жизни умом и чувствами Христовыми), который построил дом свой на камне (на живой реальной воле Отца Небесного, которая и есть Нагорная проповедь Христа); и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, устремились на дом тот, и он не упал, потому, что основан был на камне. А всякий, кто слушает сии слова Мои (Нагорную проповедь) и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному (не имеющему в себе ничего Христова), который построил дом свой (свою жизнь) на песке (на языческих ценностях плотской жизни, греха и смерти), и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры... и он упал, и падение его было велико» (Мф. 7:24–27). В

этих последних заключительных словах Нагорной проповеди Христос прямо, категорически говорит, что всякий, исполняющий и проводящий в свою жизнь Нагорную проповедь, вырастает в волю Божию, становится сыном Божиим, органически рождается и сочетается с Христом и делается действительным христианином. Также не менее сего Христос прямо, категорически говорит и относительно того, кто слышит Нагорную проповедь и читает ее и, быть может, часто даже умиляется перед нею, но не исполняет ее, не проводит ее в самую свою повседневную жизнь, тот не Христов, тот не Божий, тот ничего общего с Христом не имеет, он есть чадо плотской жизни, сын греха и смерти. Почва под жизнями первого и последнего совершенно различна: под жизнью первого — Бог, под жизнью последнего — отец злобы, отец смерти — дьявол. О! как различна жизнь того и другого! Один живет в Боге и для Бога, другой живет во зле и для отца всякого зла!..

Если Сам Сын Божий, Творец и Судья всей вселенной облек в безусловную божественную и святую ценность, как безусловный закон — Свою Нагорную проповедь для жизни и спасения всех христиан, то какое же имеют право представители Церкви Христовой на протяжении целых столетий замалчивать ее и не только замалчивать, но и всячески исказить ее, обеими руками отмахиваться от нее, словно от самой страшной чумной заразы? Удивительное дело! Если кто-либо из христиан отвергает иконопочтение, почитание мощей, пост, его уже считают еретиком, считают погибшим христианином, его сторонятся, чуждаются; если же кто совершенно сознательно в своей жизни отрицает Нагорную проповедь Христа и всегда нарушает ее, против того никто ничего не говорит, ему даже никто против этого не возражает, все его считают православным христианином и т. д. О, времена и нравы христианской жизни! И в этом мы еще, представители Церкви Христовой, не каемся и нисколько не признаем себя виновными в нарушении заветов Христа! Великий Боже! Страшно даже подумать, до чего мы, служители Церкви Христовой, дожили! Как будто для того и принимаем священство, чтобы безумно, с сатанинской ревностью разрушать все Христово, разрушать так, чтобы от Его учения камня на камне не осталось в практической христианской жизни, и сознательно в противовес всему Христову упорно выдавать все человеческое за Божие! В эти тяжелые для меня дни мне опять стало жаль Христа, жаль Его святого учения, в частности Нагорной проповеди. Мне хотелось броситься ко Христу, хотелось кричать Ему, хотелось просить, молить Его, чтобы Он спас и снова вернул бы меня к Себе.

Очень мне было тяжело в то время! Я чувствовал себя одиноким. Преосвященный Назарий и все миссионеры во главе с Кальневым смотрели на меня как на какого-то еретика, а андреевские монахи тоже ко мне стали недоброжелательны; они уже узнали, как стал ко мне относиться архиепископ Назарий. В таком удрученном состоянии духа я прожил два месяца. Наконец один монах (теперь уже иеромонах) по своей доброй душе и особому ко мне расположению посоветовал мне ехать на войну, быть военным священником. Он говорил мне: «Друг! отправляйся на войну, ты там на месте узнаешь, от Бога ли война или от дьявола, и если Господу угодно. Он и там тебя спасет и наставит на всякую истину; здесь же тебе оставаться трудно и тяжело».

Я долго колебался; ехать ли мне на войну или не ехать? Если я поеду на войну, значит, буду участником ее; если не поеду — в Одессе больше жить будет невозможно, ибо архиепископ и миссионеры не дадут мне оставаться в Одессе. И я совершенно терялся и не знал, как мне поступить.

Наконец я последовал совету о. Ерофея. Я подал телеграмму на имя военного протопресвитера, протопресвитер меня принял и велел мне ехать к главному священнику юго-западного фронта. Я отправился. Мне поручили обслуживать два сводных военных госпиталя и еще поручили третий частный кауфманский госпиталь в городе Холме. Обслуживая эти госпитали, я как будто быстро забывал о войне как о мировом зле, мне даже стало казаться, что я, состоя на службе, в должности военного священника, делаю дело Божие. И вот часто, почти каждый раз, входя в палаты раненых, я как будто опять вдруг прозревал и чувствовал, что война есть зло. И когда я прозревал и чувствовал, что война есть зло, я тут понял и окончательно убедился в том, что я, сделавшись военным

священником, совершенно погиб. Погибель моя заключалась в том, что я, точно какой-нибудь обломок каменной скалы, оторвавшись от Христа, бросился в самую пучину ужаснейшего греха человеческого убийства и кровопролития. В этот момент отчаяние волной хлынуло в мою душу. Мне хотелось плакать, хотелось рыдать и я горько раскаивался в том, что послушал о. Ерофея и отправился на войну. Но, несмотря на такое ужасное состояние моего духа, я все же чувствовал, что в это время я всем своим существом, целиком, без всякого остатка все же был противником войны: отчасти к самой войне тянуло меня национальное мое чувство. Не менее этого чувства влекла меня к ней также и внутренняя излищемерившаяся и изолгавшаяся моя психика, как вообще духовного представителя Церкви Христовой. Плюс к этому еще влекли меня к ней большое жалование военного священника и частые награды.

Через несколько недель мне поручили обслуживать кроме госпиталя еще холмский этапный пункт. Из этого этапного пункта ко мне каждый день два раза водили несчастных солдат целыми колоннами в военную церковь на мои проповеди. Во время проповеди они всегда сильно плакали, по окончании же церковного богослужения и проповеди воины, несмотря на свои слезы, выходили из церкви разъяренные, точно голодные львы, дыша злобою против немцев.

Так продолжалось четыре месяца; и я ежедневно служил для них литургию, молебны, говорил проповеди и по несколько сот человек в день исповедовал и причащал Святыми Тайнами. Однажды по окончании службы один солдатик, причастившийся Святых Тайн, спросил меня: «Батюшка, как же я теперь пойду после причастия на позицию? Ведь я принял в себя Самого Христа, я ведь теперь органически соединился с моим христианским Богом, как же я теперь пойду убивать людей? Ведь в моем лице будет Сам Христос убивать людей, а если меня убьют, то вместе со мною и Сам Христос будет убит. Как же мне теперь быть?»

Я молчал, не имея, что ему на это ответить, последние же слова его — «как же мне теперь быть?» — громом раскатывались над моей головой.

Несколько дней я не мог от них избавиться. Действительно, если я сколько-нибудь верю во Христа, как в живого Бога, и верю в Тело и Кровь Христовы, то нельзя иначе и думать о Христе, как думал и рассуждал вот этот самый благочестивый солдатик; мы же, священнослужители, совершенно иначе думаем о Христе и иначе веруем в Таинство Евхаристии, мы за свой священный долг считаем через это самое величайшее Таинство Тела и Крови Господа нашего Иисуса Христа посылать своего христианского Бога и на смертную казнь, и на кровавую войну. У нас, христиан, все места казни и поля военных сражений усеяны Телом Христовым и залиты Его святейшею Кровью. Ужасно! Вот идет война. Солдаты причащаются Святых Тайн и отправляются убивать таких же людей, таких же христиан, как и они сами, и опять не знаешь, кто идет убивать, солдаты ли или Сам Христос, и если причастившимся придется быть убитыми, то опять не знаешь, кто убит — солдаты ли или Сам Христос? Вот от времени до времени, то там, то здесь подводят к виселице или к месту расстрела христиан-преступников; здесь стоит священник с Святыми Дарами и убеждает перед казнью принять Святые Дары; они причащаются, и вот тут опять не знаешь: собственно, кого вешают или расстреливают — преступника ли или Самого Христа, соединившегося с преступником?

Попутно с этим я не могу молчать еще и о том, что у нас существует еще обычай в нашей пастырской церковной практике злоупотреблять Святыми Дарами, а через них, конечно, и Самим Христом. Это страшное злоупотребление этой величайшей христианской святыней совершается в тех случаях, когда священник причащает Святых Тайн полусознательного умирающего христианина. Тут спешат иногда как можно скорее причастить умирающего, разжимают ему рот, и священник поспешно, с трудом втискивает в его рот лжицу со Святыми Дарами, которые в подобных случаях остаются в самом рту или горле умирающего человека. И это называется причастился, напутствовался Святыми Тайнами! О ужас! Чего, чего только мы не делаем с этой величайшей христианской Святыней! А я первый из таких преступников повинен перед Богом! Когда совершается какая-нибудь

кража чудотворной иконы или святых мощей, тогда христиане кричат, волнуются, поднимают страшную тревогу, предают проклятию и отлучают от Церкви виновников этого преступления, наконец, их судят, подвергают за такое святотатство страшному наказанию. А в защиту целыми веками попираемой этой Святыни, самой величайшей в мире Святыни — Тела и Крови Христа, которую мы, пастыри Церкви, вталкиваем в грязь, бросаем куда попало, замазываем этой Святыней все щели нашей политической жизни (взять хотя бы войну или смертную казнь), распинаем таким образом снова Христа, снова предаем Его позорной смерти — и в защиту этой поруганной Святыни от злоупотребления нами, служителями алтаря Христова, никто ничего не говорит, никто этим не возмущается, все молчат, все на это страшное преступление смотрят спокойно, как будто так и надо. О, Боже великий! Я больше всех злоупотреблял этим величайшим Таинством, прости мне мое великое преступление!

В эти дни я начал сильно нервничать, лишился аппетита, душа моя была больна. Я уходил в лес. Стояла зима. Холодно было на дворе, холодно было и на сердце. Я был недоволен собою. Было больно за себя. Сухие слезы давили меня. Мне хотелось решительно порвать великую связь со своим личным «я», порвать связь со всем миром, порвать связь со всеми книгами, кроме одного Евангелия, хотелось что-то для своей души сделать такое, чтобы она раз навсегда была свободна от греха и от проклятия Неба — этого-то я желал горячо, очень горячо желал для себя; но когда я взглянул в свою душу, то увидел... О, как я весь превратился в какие-то сплошные корневые отростки, которые органически вросли в плотскую жизнь, в земные интересы! И я ужаснулся. Да и было чему ужасаться!

В самом деле — чего, чего я не делал в своей греховной жизни! Двадцать три года я служил сатане, двадцать три года я изменял Христу, предавал Его, предавался плотским страстям, гордился собою, своими проповедническими способностями, легкомысленно, безумно тщеславился, надмевался, кичился, самолюбовался до самообоготворения, точно сам дьявол! Увы! Нет, нет на земле ни одного грешника, который бы мог сравниться со мною в моих беззакониях и самых страшных преступлениях перед Богом! О, где же Ты, где Ты, мой Спаситель Христос?! О, нет, нужно, обязательно нужно мне снова вернуться ко Христу, оплеванному и всю мою жизнь распинаемому мною Христу, иначе я погибну. О, я абсолютно погибну! Тут я опять начал вспоминать живого Христа, опять мне стало казаться, что я Его хочу любить, и любить по-прежнему! Но вот мое горе: как же я сейчас буду Его любить, когда я теперь, во время войны, ясно для меня, как Божий день, иду в разрез с Его святой волей? Христос принес на землю совершенно новую жизнь, жизнь живой творческой любви и мира, жизнь святого добра, несколько, конечно, не похожую на нашу земную жизнь. Ее Закон — воля Божия и только. Воля же Божия состоит в том, чтобы всякий верующий во Христа, бесконечно больше и сильнее, чем весь мир, чем всех своих родных — отца, мать, жену, детей и даже самого себя, любил своего живого христианского Бога. И еще: верующий во Христа, как сын Божий, ко всем людям должен питать такую же любовь, какую к самому ему питает Сам Бог, Отец его; я же, состоя сейчас военным священником, занимаясь исключительно травлей одних христиан на других, я своими проповедями натравливаю наших солдат на немцев: как же я могу после этого любить своего Господа? Ах, что же это такое, вся моя жизнь есть страшная измена Христу и непрерывная вражда против Него!

Что это такое, что я от торговли Им иду еще к большему греху, греху — убийству христиан! Да что же это такое? Я в одно и то же время — служитель Его святого алтаря, проповедник Евангельской правды и в то же время торгующий, спекулирующий своим христианским Богом и травящий одних христиан на других словом Божьим, глаголом Евангельской правды! О, Боже! Каким же я стал грешником, ужасным грешником! Я со времени войны стал убийцею, о, я стал убийцею! Христос дал им жизнь, всем этим солдатикам, окропил их Своею кровью лишь для того, чтобы этим раз навсегда запечатлеть на них Свою печать собственности. Я же, Его служитель, всех этих солдатиков, как собственность Христа, веду на заклание с крестом и Евангелием в руках, веду на убой, веду их своими военными, кровавыми проповедями на вечную гибель! Ах, да неужели я таким злодеем родился?

Неужели я из чрева матери вышел таким страшным убийцею? О, лучше бы я не родился в мир, лучше бы чрево матери моей было для меня гробом, вечным гробом, чем жить на свете и быть убийцею людей, христиан! Не знаю, что же мне теперь и делать с собою? В своей такой сатанинской греховной жизни я дошел до самого крайнего отчаянного состояния духа. И я чувствую, как со страшной, смертельно невыносимой болью раздираюсь и раскалываюсь на два непримиримых между собою существа (как будто Бог и дьявол борются между собою в глубине моей души). Одно мое существо порывается и стремится ко Христу, а другое мое существо, наоборот, с еще большей силой влечется, тянется к земле, плотской жизни, к ее временным скоропроходящим интересам, и как оно страшно тянется! До сего дня я удивляюсь, как еще от душевных, внутренних противоречий и страданий я не лишился рассудка: вель тогда все мое существо рвалось часть за частью, обливаясь кровью моих мучительнейших, душевных страданий! О, как мне было невыносимо тяжело! Но особенно мне было тяжело тогда, когда я входил в церковь и видел, как тысячная масса солдат каждый раз становилась на колени и дружно пела акафист Иисусу Сладчайшему или Божьей Матери. Поистине я от жалости к ним каждый раз плакал, мне до смерти становилось их жалко. В эти молитвенные моменты я от сострадания к воинам проклинал войну, проклинал всю земную власть и на правительство смотрел как на какую-нибудь стаю властолюбивых, кровожаднейших вампиров, упивающихся человеческою кровью и тучно от нее расцветающих! Больше всего я в эти минуты проклинал самого себя. Я говорил: да будет на веки вечные, да будет проклят тот час, когда я родился! Да будет, да будет проклят тот час, когда я рукополагался во священника! Пусть уже одно правительство отвечает и отвечало бы за этих несчастных цветущих здоровую юною жизнью воинов, насильственно влекомых им в объятия холодной смерти! Но вот горе, зачем я, священнослужитель алтаря Христова, являюсь сторонником войны, этого кровожаднейшего государственного правительства? Зачем я являюсь поборником народной христианской войны? Зачем я натравляю одних христиан на других? Зачем я именем Христа вдохновляю воинов на убийство? Зачем в одно и то же время я проповедую людям Христову любовь, Царство Небесное и в то же время этих же людей посылаю с их христианским Богом и божественною религией в царство смерти? О, Боже мой, до чего я дожил! До каких ужасных преступлений я дошел! Дальше этого греха уже идти мне больше некуда. Я стал убийцею, и каким ужасным убийцею! По количеству и качеству моих греховных преступлений, может ли сравниться сам сатана? О, нет! далеко нет, ибо он перед Богом бесконечно чище и праведнее меня, служителя алтаря Христова! Я же из христианского пастыря церкви в настоящее время превратился в одну чистую ложь, в одно чистое сатанинское лицемерие, дьявольское хвастовство, в одно отвратительное, мерзкое, развратное животное, в одну страшную, чистую измену Христу! Я превратился в одно чистое, злейшее отречение от Христа, в одну адскую постыднейшую и кощунственнейшую дерзкую торговлю Христом и, наконец, самый ужасный грех, самое величайшее пред Богом беззаконие, в священника-человекоубийцу, в христианского пророка-травителя одних христиан на других! О, Боже! да как же мать-сырая земля терпит меня, такого величайшего преступника перед Богом! Ведь через меня и мои проповеди миллионы людей должны погибнуть на войне, и погибнуть безвозвратно! О, да будет проклят, на веки проклят тот день, когда первый раз я облекся в священническое облачение, и когда произнес первую пастырскую церковную проповедь к воинам! И вот когда эти несчастные солдаты пели акафист: «Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя!», или: «Радуйся, Невесто Неневестная!», я равнодушно не мог смотреть на них. В эти священные часы молитвы я думал: «Бедный мой солдатик! ты, может быть, уже последний раз стоишь здесь, у подножия алтаря Христова! быть может, уста твои последний раз поют этот сладкий припев акафиста, завтра ты, мой милый друг, окажешься на боевой позиции; завтра душа твоя, может быть, должна будет оставить свою земную хижину и отойти на Суд Божий. И кто знает, как тебя будет судить Бог!»

Так ужасно волновалась душа моя, и так страшно было мне думать об этом. В эти часы я не раз заглядывал в свою душу, и каждый раз я видел в себе один кошмарный хаос, одно холодное тупое мое отношение к Богу. И видел, как я далеко, о как далеко, стою от моего Христа! Даже такие идолы, как

государство, нация, как само военное начальство и даже как деньги и военные награды, несравненно ближе находились к моему сердцу, чем живой мой распятый Христос!

После одной моей проповеди один солдатик обратился ко мне и дрожащими устами спрашивает меня: «Милый батюшка, ради Христа, ради Самого Бога, скажите мне, мой дорогой, грех ли воевать или нет?» — «Страшный грех», — ответил я. «Грех? — переспросил солдатик. — Так зачем же вы нас гоните на бой? Зачем же вы нас гоните на бой? Зачем же вы, наши пастыри, от имени Самого христианского Бога освящаете войну и посылаете нас не по-христиански умирать? Вот и верь вам! Где же в вас правда?» Перед этим солдатиком я только раскрыл рот и в упор смотрел в его измученные страдальческие глаза. Я глубоко чувствовал, что солдатик был прав. Мне было стыдно. Я в этот день под сильным впечатлением разговора с солдатиком чувствовал страшное угрызение собственной совести. На второй день после моей встречи с этим солдатиком я отправился в лес и там всю свою сердечную скорбь молитвенно выливал перед Богом. После молитвы, уходя из леса, я в задумчивом состоянии склонил голову и о чем-то серьезно думал. В это время я как-то машинально опустил свою руку в карман и вдруг нащупал в нем какую-то книжку, я моментально вынул ее из кармана и увидел, что эта книжечка была специальным дополнением в военное время к церковной службе, в которой были изложены особые ектении и молитва о победе над врагами. От нечего делать я тут же развернул ее и всю дорогу до самой своей квартиры читал и несколько раз перечитывал ее.

Она начинается так:

«О еже не помянути грехов и беззаконий наших, но благосерду и милостиву быти нам, недостойным рабом Твоим, ко всесильной помощи Его прибегающим, и избавити нас от врагов наших, Господу помолимся.

О еже подати силу и крепость христороливному воинству нашему и союзникам нашим, и мужественны и непреборимы сопротив всякаго врага и супостата их показати, и рабом Своим мир и утверждение и от всех бед и нужд и вражских наветов скорое освобождение даровати, воинам же нашим, во бранех раненым, скорое исцеление подати, Господу помолимся.

О еже низложити супостаты, на ны возставшия, святыя же Божии Церкви, в напасти сущия, со предстоятели их и всеми верными свободити, Господу помолимся!

О еже люди укрепити на враги, крепкому во бранех, Господу помолимся.

О еже пособити и покорити под нозе их всякаго врага и супостата, Господу помолимся.

Еще молимся о всем их христороливром воинстве!

Господи Боже наш, сильный и крепкий в бранех, смиренно молим Тя: приими оружие крепости Твоея и возстави в помощь нашу и подаждь христороливному воинству нашему и союзником нашим на супостаты победу и одоление; молим Ти ся, услыши и помилуй, Вседержителю, Царю и Господи! Твоею вседержавною силою оружие супостат наших и козни сокруши, и дерзость их низложи, победу на ня и одоление рабом Твоим даруя, молим Ти ся, Вседержавный Царю, услыши и помилуй.

Простри руку Твою свыше, Господи, и коснися сердец врагов наших, да обратятся к Тебе, Богу мира и любящему создание Свое; нас же, уповающих на Тя, силою Твоею укрепи имени Твоего ради, воины же наша, на поле брани от врагов раны приемшия, скоро воздвигни от одра болезни, молимся Тебе, услыши и помилуй!

Защитниче правоверных, послы стрелы Твоя, Господи, и смятение сотвори врагом нашим, блесни молниею и разжени я; послы силу Твою свыше и покори их и в руки верному Твоему воинству предаждь; святыя же Божия церкви, в напасти сущия, со предстоятели их и всеми верными огради и защити силою Твоею, молим Ти ся, услыши и помилуй!

Господу помолимся, Господи помилуй!

Господи Боже сил, Боже спасения нашего, Боже творяй чудеса, Един, призри в милостях и щедротах на смиренныя рабы Твоя, а человеколюбно услыши и помилуй нас: се бо врази наши, собравшися на ны, во еже погубити нас и разорити святыни наша. Ты же, вся ведый, веси, яко неправедно восташа на ны. Тем же грешнии и недостойнии в покаянии, со слезами молимся Ти: помози нам, Боже, Спасителю наш, славы ради имене Твоего; да не когда рекут врази наши: Бог оставил есть их и несть избавляяй и спасаяй их: но да увидят вси языки, яко Ты еси Бог наш, и мы людие Твои, под державою Твоею всегда хранимы. Возстани в помощь нашу и разруши лукавые советы мыслящих нам злая: суди обидящие и борющие ны, доблестному же воинству и воинству народов в союзе с нами сущих подаждь во мнозем дерзновении и мужестве о имени Твоем победити: во бранех ураненым воинам нашим подаждь, Господи, ослабу, исцеление и скоро воздвигни от одра болезни: а имже судил еси положити на брани души своя за веру и отечество, тем прости согрешения их, и в день праведнаго воздаяния Твоего воздаждь венцы нетленения. Посли, Господи, одоление на супостаты, возставшие на ны, и силою Твоею огради и защити сущия в пленении предстоятели и чада святых Божиих Церквей. Ты бо еси наступление и победа, и спасение уповающим на Тя, и Тебе славу возсылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

Несколько раз читая и перечитывая эти ектении и молитву, я, как никогда, пришел в великий ужас. «Боже мой, — говорил я, — да как же до сего времени я читал в Церкви эти кошунственнейшие военные ектении и молитву? Ведь они все насыщены жаждою человеческой крови! В них, что ни слово, то кровь, кровь и кровь... Кто их составил? Кто их автор? Синод? Церковь? О великий Боже! Где же у нас Христос? Во что мы Его превратили? Где в нас живая вера в Бога? Чем стало наше церковное богослужение? Неужели Церковь со своими святейшими папами, патриархами, синодами дошла до такого ужасного состояния, что со злорадной насмешкой на устах, в качестве пленного раба и жалкого батрака, в угоду сильным мира сего, жертвует и продает, продает и жертвует Самого живого христианского Бога? Что же это такое совершается с христианством? Ведь это ужасно, о, как ужасно! Церковь, или, лучше сказать, мы сами, представители Церкви убийство взяли под свою опеку и вдохновляем, и освящаем, и возводим его, этот ужаснейший мировой грех в добродетель, в религиозный подвиг, равняющийся по своему церковному достоинству чуть ли не с подвигом мученичества за Христа. О, почему бы нам, служителям алтаря Христова, как представителям христианской церкви, не взять под свою опеку и проституцию, и не освящать, и не вдохновлять, и не молиться за процветание публичных домов терпимости в христианском мире? Если мы — духовенство, убийц именуем „христоробивым воинством“, то почему же бы нам в тех самых ектениях, на великом выходе¹¹божественной литургии не поминать и проституцию? Ведь проституция сама по себе есть та же человеческая тирания, в своем роде есть то же убийство; да какое еще ужасное убийство! Затем кроме сего просто можно молиться и за процветание всякого рода также и грабежей и насилия. Это все было бы законно и логично: одно другое дополняло и одно с другим сливалось бы, образуя из себя нечто цельное, закругленное и законченное, как мировое зло! Боже, что творится в христианстве!..

Слезы брызнули из глаз. Я плакал. Ноги как-то у меня дрожали. Шел я медленно. Вернулся домой поздно. Эту ночь я не спал. Мне представлялась такая картина: вот все эти солдатики, которые слушали и слушают все мои военные проповеди, со своими родителями, с женами, сиротками-детками, предстанут на суд Божий и будут говорить: Господи! Вот этот самый Твой священнослужитель и был виновником нашей преждевременной военной смерти и нашего убийства подобных нам христиан-солдат. Он, Господи, от Твоего лица посылал нас убивать людей и полагать наши собственные головы за родину».

И вот тогда что в свое оправдание отвечу я своему Господу? Ведь перед Его правосудием ничто не скроется, ничто не утаится. И как их тогда много, много восстанет против меня. Их ведь прошло

¹¹ Т.е. на Великом входе. — Ред.

через мои лагерные военные проповеди сотни тысяч воинов. О, какими взорами я буду тогда смотреть на них? Ведь они будут указывать на меня и говорить: «Накажи его, Господи, за кровь и слезы наши, ибо он был главным убийцей и палачом наших душ». Какими же взорами тогда Христос взглянет на меня? Что он мне тогда скажет? Не падет ли Его святой гнев на меня, как на самого сына дьявола, отца всякого зла в мире сем? О, как страшно и мучительно тогда я буду истязан Божиим правосудием за свои тяжкие преступления перед Богом! В то время не поможет мне ни государство, ни нация народов, ни сама Церковь с ее духовными священными представителями; никто и ничто тогда мне не помогут и не спасут меня. Ах, да что это такое, что я точно тяжеловесный камень опускаюсь все глубже и глубже на самое дно всякого зла и беззакония! Прежде я грешил во лжи, в обмане, в клятвопреступлении, в блуде, в измене Христу, в торговле и продаже Христом, а теперь в военном кровопролитии, в травле одних христиан на других, в массовом убийстве людей не мечом, конечно, и не каким-нибудь военным орудием; нет, а повторяю: крестом, Евангелием и, наконец, самим именем Христовым. Боже Святой! Кто же может равняться со мною в моих ужасных грехах? Я как военный священник сознаю, что с того самого момента, как я стал военным священнослужителем, все мое существо никогда не осушалось от человеческой крови; и я в таком ужасном, кровавом состоянии ежедневно еще совершал и совершаю божественную литургию! В то время мне представлялось, что я точно какой-то самый ужасный изверг, страшно сказать, сознательно всегда смешивал Тело Христа с кусками трупными, кусками разорванных тел солдат, и Кровь Спасителя с их застывшею кровью человеческих жертв войны. Вот что значит оправдывать войну Евангелием! Мне казалось, что я безвозвратно погиб и погиб навсегда. И каждый раз, как только я думал о своей гибели, я всегда чувствовал в себе самом какой-то смертельно подавляющий панический страх и в то же время я всегда говорил: «Ах, да будет на веки вечные проклята всякая война! Да будут прокляты, навеки прокляты все человеческие мысли о войне! Да сгинут навеки, сгинут все церковные военные проповеди, стенания и молитвы! О, да будет, да будет же сие, только по одной Твоей (?) милости, Господи!»... Я рыдал. Мне было смертельно тяжело.

Наступило утро, я опять по обыкновению отслужил литургию и снова отправился в лес. В лесу несколько часов я ходил сам не свой. Здесь опять предался молитве. Так со дня на день в самом себе я переживал страшную душевную борьбу. Каждый день я служил литургию, исповедовал и причащал солдат, и каждый день я умирал душой от страшной тоски и скорби. Военное же начальство усмотрело, что мои проповеди и ежедневное служение приносит огромную пользу военному делу. Оно с величайшею радостью ежедневно посылало ко мне целыми колоннами солдат, которые в настоящее время тяжелым бременем лежат на моей совести, как на совести их убийцы. В это время я получил письмо от той девушки, о которой я говорил раньше; прочитав его, я сразу увидел, что вся почва из-под моих ног моментально куда-то исчезла. Весь мир со всеми своими сложностями в мгновение ока превратился для меня в мираж. Вся вселенная покрылась саваном смерти. Я зашатался от неожиданного горя. Как голубь в клетке, билось мое сердце в груди. Ноги подкосились. Слезы брызнули из глаз. Через несколько минут я собрался с последними силами и опять отправился в лес. Тут я пал ничком на снег и, как никогда, молился Христу. Слезы отчаяния душили меня и я, еле выговаривая, взывал: «Господи! Господи! Оглянись, оглянись на меня! Если не так, то скорее, скорее возьми душу мою. Возьми ее, Господи, что хочешь со мной делай, я все безропотно до самой смерти буду переносить, но я хочу спросить Тебя, Царь мой, Христос: хочу спросить Тебя, как Ты решился поступить с этой благороднейшей душой? Ведь Тебе, Господи, известно все, Тебе известны все наши клятвы, все... Может быть, Ты, Господи, одной рукой расторгнешь нас, а другой ведешь к новой работе Твоей святой воле? Я как ничтожнейшая Твоя тварь не знаю Твоего решения по отношению к нам, но Ты Сам знаешь, о, Господи, как тяжело моему сердцу. Я предпочел бы скорее умереть, чем жить без моего друга, но да будет в нас Твоя святая воля. Я только буду теперь, с сегодняшнего дня до самой своей смерти просить и молить Тебя об одном: спаси моего друга. Если она перед Тобою в чем-либо

грешна, то ее грехи взыщи, Господи, с меня, а ее спаси. Я хочу, чтобы мой друг был там, где и Ты находишься, я хочу, чтобы она была неразлучно, вечно с Тобою!»

Тяжелое отчаяние все сильней и сильней давило меня. Если бы на это место не пришли солдаты и не подняли меня, изнемогающего в молитве, я так и умер бы на том самом месте.

С этого ужасного, единственного в моей жизни дня, начали сразу и быстро в моей душе снова появляться живые стремления ко Христу. Моя молитва стала все сильнее и сильнее ощущаться во мне, и лучи Света Христова повернулись, наконец, и на мою грешную душу. С этого дня я глубоко почувствовал в своей душе, что Христос опять начинает по Своей любви влечь меня к себе. И я часто с этой поры начал по ночам предаваться молитве. Сила молитвы чувствовалась моей душой, — она стала мне доставлять утешение и бодрость духа. О, в молитве есть необыкновенная реальная сила, она далеко сильнее даже самой смерти! Это я говорю по своему личному опыту. Кто хочет изучить силу молитвы, тот должен молиться не в церкви, не среди общества людей, а в лесах, на полях, во рвах, на высотах гор, молиться тайно, даже тайно от самого себя, с сознанием своего перед Богом ничтожества — только тогда узнается вся сила и мощь молитвы. О, молитва! — она есть живой телеграф от человеческого сердца до самой сущности Святой триединой божественной Троицы! Действительно, в те дни, когда я получил от своего друга письмо, я не знаю, что было [бы] со мною, если бы на помощь мне не явилась молитва. Думаю, что я ни в каком случае не выдержал бы такого ужасного в то время тяжелого состояния духа, какое единственный раз в моей жизни пришлось пережить. Это было не то что нравственные душевные страдания или какая-нибудь самая ужасная мучительная смерть, нет, это было со мной что-то более, чем то и другое вместе. И вот в такое невыносимо тяжелое, адски-мучительное время, я всецело был обязан своею жизнью только молитве. В эти глубоко для меня страдальческие дни, под сильным влиянием молитвы я стал изо дня в день прозревать в самую суть христианской жизни. Прежде всего меня все более стала пленять собою сама Светозарная личность Самого Христа, Христа Евангельского, живого Христа. Затем Его Светоносное Евангельское учение, которое все есть свет, все есть чистый луч солнца. После этого в органической живой связи с Самим Христом и с Евангельским учением меня также останавливала и укрепляла на себе святая Евангельская жизнь истинных христиан первых трех веков. Прозревая в самую суть христианства и строго анализируя его, я пришел к такому убеждению, что первое христианство было все живая волевая практика внутренней духовной жизни. Оно не укладывалось в одну мысль и не было достоянием одной умственной жизни христианина, нет, оно собою охватывало всего цельного человека и больше всего базировалось на воле, а не на мысли, на самой жизни христианина, а не на одних отвлеченных понятиях.

После нескольких моих ночных размышлений о самой живой действительной сущности христианства, я со дня на день начал твердо убеждаться, что вся наша современная церковно-христианская жизнь со всею своею культурою не выдерживает никакой истинно-христианской критики, потому что она представляет из себя творчество одной рефлекторной мысли, в ней нет жизни, нет живого опыта, нет даже самой истины, той реальной истины, за которую ее выдают. Я не раз в эти ночные часы над этим задумывался: прежде всего мне ярко бросалось в глаза одно умственное современное книжное христианство, начиная даже с самых определений, формул христианской догматики. Я стал чувствовать, что если бы пришлось религиозную жизнь переживать, и переживать целю, всем своим существом ту божественную реальность, которую частично формулируют все формулы христианской догматики, то вся система современного богословия оказалась бы детским лепетом. Вот почему моя душа абсолютно не выносит книжного христианства. И сколько в нем скрывается низкой, лицемерной фальши! На мой взгляд, книжное христианство в тысячу раз хуже и вреднее самого дикого примитивного язычества. И какая громадная опасность в нем скрывается. Если кто хоть маленькую дозу этого книжного христианского яда принял в себя, он уже на всю жизнь окончательно лишается самого настоящего, подлинного христианства; он уже не способен жить для

Христа. Все, на что он способен, это только лишь — строить на религиозные темы в своей голове жалкие, красивые, капризные фантазмагии, что на современном языке, к стыду нашему, принято называть «религиозным творчеством». О, как я ненавижу, всем своим существом ненавижу это книжное христианство. Оно представляется мне грязным, вязким, вонючим болотом. И каких, каких только нет там, в этом болоте, пресмыкающихся гадов и всякого рода чудовищ и заразных миазмов. Ненавистно мне и это фабричное производство ученых представителей, и учителей, и проповедников современной Церкви. В них ни на одну йоту нет внутреннего религиозного живого, чистого, волевого творчества, доступного проверке опыта. Все это есть одна чистая, мертвая ходячая схоластика, одна дискуссия и полное отсутствие жизни, отсутствие самого внутреннего Евангельского живого опыта, чистого личного религиозного подвига, религиозных переживаний.

Таково наше отошедшее от настоящей живой всеобъемлющей религиозности фабрично-мертвое производство семинарий, академий и университетов. Это самое страшное отрицание действительного христианства.

Я слышал, будто во время своей зимней спячки медведь все время сосет свою лапу, так точно и наши современные представители книжного христианства: из рода в род, из поколения в поколение, за отсутствием своего личного, внутреннего религиозного христианского опыта, один у другого крадут целые сотни томов книг и том за томом сосут, гложут, жуют, иногда давятся этим сумбуром, иногда проглатывают, выплевывают, извергают его — и все это называется ученым культурным христианством. Те же, кто хоть десятка два чужих книг прожевал, проглотил, тот уже все проглоченное, чужое считает своим личным религиозным творчеством, и он уже имеет право быть служителем алтаря Христова, святителем и пастырем Церкви Христовой, имеет право говорить проповеди, читать на религиозные вопросы рефераты, лекции и т. д., хотя бы он лично сам был абсолютно чужд всякой религиозной христианской жизни.

Все это ужасное явление в современном христианстве! О, как бы я хотел, чтобы подобное фальшивое, изолгавшееся христианство раз навсегда с треском и шумом исчезло с лица земли и на смену ему воскресло живое, действительное христианство, христианство цельной всеобъемлющей совершенной жизни, христианство живого опыта, могущего всегда проверять себя исключительно духовными плодами, самыми Христовыми делами религиозной Евангельской жизни!!! Вот такое христианство я хотел бы видеть на земле. О, как бы я хотел его видеть!

В июне месяце 1915-го года наши войска начали отступать с Карпат. Мимо нас потянулись длинные военные обозы, а за ними и несчастные беженцы. Когда я увидел эту картину, то во мне вдруг вспыхнуло патриотическое чувство, жаль мне стало России. И из-за этой жалости к родине я опять на почтительное расстояние отошел от моего Христа. Вскоре после этого нам пришлось оставить город Холм и переехать во Владимир-Волынский. Здесь наш госпиталь развернулся для холерных солдат. В это время солдаты мерли от холеры точно мухи! Это было в июне и в июле того же года.

В эти страшные дни я опять потянулся ко Христу. Страх смерти был во мне велик, но вместе с тем с часа на час росло во мне и страшное отчаяние за собственную душу. По целым ночам я бродил один по лесу, отдаваясь то молитве, то глубокому размышлению о жизни, о ее на земле ничтожестве, о смерти, о суде Христовом и т. д. Но самая главная моя мысль в то время была следующая: почему я до сего времени не порву всякую связь с миром и раз навсегда опрометью не брошусь к ногам Христа? В самом деле, что же меня так сильно удерживает от Христа? Чего же еще хочу себе от мира сего? Почему мне решительно не сказать: «Господи! Отныне я Твой и только Твой, и Ты что хочешь, то и делай со мной. Если я в чем-либо на протяжении всей жизни оскорблял Тебя, Ты прости мне. Если Ты почему-либо и не простишь моего прошлого, все равно я ни на шаг не отступаю от Тебя, я буду с Тобой»? Почему же мне так решительно не сказать моему Господу и не последовать самую мою жизнь за Ним? Почему? Ведь как здесь на земле ни живи, а все равно, рано или поздно, а умирать придется. От смерти ни отец, ни мать, ни друзья, ни слава, ни богатство, ни власть, ни почет — никто

и ничто не избавит. Что же меня удерживает от того, чтобы я жил по учению Самого Христа и через это раз навсегда был бы Его верным учеником?

Может быть (?), не удерживает ли меня самая трудность жизни по учению Христа? Но в чем же эта самая трудность состоит? В умерщвлении своих страстей, в уничтожении своего я, в самоотреченной добровольной любви к Богу и ближнему? Но ведь разве хуже будет для меня, когда на место страстей плоти и самолюбия во мне возникнут новые чувства, новые стремления, на которых будут расти плоды духовной любви — долготерпение, смирение, кротость, сострадание, святость, радость, всепрощение, святая доверчивость, истинная надежда и самоотреченная святая преданность? Разве для меня будет хуже, когда на место моего извращенного грешного «я», выступит для меня другое «я», «Я» божественное, «Я» самого живого Бога? Так что же после сего удерживает меня от Христа? Может быть, наконец, инстинкт самосохранения? Но ведь во Христе только и существует одна реальная жизнь и жизнь вечная, бессмертная, при чем же здесь инстинкт самосохранения? И вот после долгого размышления об этом я подошел к самой точной причине того, что меня удерживало от Христа: это — неуверенность в Самом Христе, в том, что Он, что в Нем, что Его и что за Ним. Эта-то неуверенность в Самом Христе, в том, что Он, что в Нем, что Его и что за Ним, и есть самый провал, самая смерть современного христианства!

От этой ужасной неуверенности людей в Христе на протяжении многих веков веет таким ужасным холодом, что от нее замерзали и замерзают миллионы тянувшихся к Богу душ! И эта неуверенность во Христе есть родная мать современного книжного христианства. О, это книжное христианство! Оно несравненно хуже самого ужасного язычества! Так я часто размышлял в то время, когда жизнь моя висела на волоске, когда страшная холера беспощадно направо и налево распространяла ужасную смерть! Однажды, бродя как-то по лесу, я встретил горько плачущего солдата, я спросил его, о чем он плачет, он еще сильнее стал плакать; я заинтересовался и снова стал его просить рассказать мне причину его слез. Он поднялся с пня и начал читать мне письмо. «Милый наш сын Дмитрий Васильевич! Еще кланяемся тебе мы, твои родители, еще кланяется тебе твой сын Петр Дмитриевич. Милый наш сын, твой брат Василий Васильевич убит. Вчера мы от его ротного получили письмо». Прочитав мне свое письмо, солдатик сказал: «Вот, вишь, брата убили, а я дурной болезнью заразился. Я как узнал, что у меня дурная болезнь, то сейчас же пошел и штыком заколол свою любовницу. У нее осталось двое маленьких детей. Последний, мальчик, кажется, мой. Вот я теперь, батюшка, не знаю, что мне делать. Жаль, конечно, себя, жаль брата убитого, жаль своего ребенка от этой женщины, думаю, уж не заколоть ли мне этого своего ребенка?» Моя беседа с этим случайно встретившимся солдатиком навела меня опять на мысль о войне. «Боже мой, — думал я, — вот теперь все народы земли воюют, десятки миллионов душ топят в их же собственной крови. И для чего это? Кому эта народная бойня нужна? Сколько она приносит всяких бедствий людям! Одна страна опустошает другую, одно государство поработает другое, миллионы здоровых, сильных, красивых юношей в один час превращаются в страшные валы мертвых трупов! Родители их, жены их, дети их на всю свою жизнь обречены на одни слезы, на одно жалкое несчастное существование. Кроме всего этого, война несет с собой еще более ужасные, чем она сама, новые бедствия человечеству, она несет страшные смертельные эпидемические болезни, ужасный экономический крах, мучительный всеистребляющий голод, мор и на этой почве возникают всякие ужасные безумные братские междоусобные кровопролития. Она несет с собой такие же страшные отрицания и проклятия Бога, несет и дикую разнузданную безнравственность, как, например, стихийный разврат, не щадящий ни своих матерей, ни жен, ни дочерей, ни даже самых юных детей — подростков. О верности семейной жизни тут уже говорить не приходится. Не приходится говорить также и о собственности своего ближнего. Вся жизнь становится вверх дном».

Размышляя обо всем этом, я всем своим существом вздрагивал. Мурашки пробежали по всему моему телу, мне было страшно. Я сел на пень. Долго я никак не мог думать, точно столбняк, страх

парализовал меня. Через несколько минут как бы моментально я очнулся от какого-то сна и с ужасом спросил себя: разве я, как священнослужитель, не виновен во всех этих военных кровавых ужасах? Разве я, как вершитель Тайн Христовых, не причастен к сей мировой кровопролитнейшей народной бойне? Разве вся проливаемая кровь этих несчастных воинов не будет взыскана с меня как церковного представителя? Если я действительно православный пастырь Церкви и служитель алтаря Христова, то я не только не должен участвовать на войне и своими проповедями травить одних христиан на других, но из-за любви к учению Христа я должен сейчас же с глубоким чувством проповедовать мир, проповедовать братскую взаимную любовь и во всякое время быть готовым на всякие страдания, вплоть до самой смерти, за учение Господа! Ведь учение Христа есть святой вечный мир и бездонно глубинная истинная Божественная любовь. Теперь же я не только замалчиваю о всенародном Христовом мире, не только не являюсь его сторонником, нет, наоборот, являюсь его ярким противником и всячески в своих кощунственных проповедях преследую его, преследую этим Христа! О, Боже мой, до чего я дошел, до какого безумия! О, как бы теперь ко мне отнесся Сам Христос, если бы здесь сейчас явился мне? Он, как подсказывает мне моя нагруженная грехами совесть, наверное, одно из двух сделал бы со мною: из-за своей божественной любви к моей душе стал бы передо мною на колени и открыл все Свои язвы и Свои кровоподтеки перед моими взорами и, закрыв бы Свое лицо рукою, Он со слезами начал просить и молить меня, чтобы я, как Его овца, окропленная Его кровью, вернулся бы к Нему и раз навсегда принадлежал только одному Ему; или же, наоборот, Он навеки проклял бы меня, как своего сознательного врага и мерзкого предателя. И вот перед самым страшным моментом падения на меня Его небесного проклятия Христос, наверное, сказал бы мне так: «Сын проклятия и исчадие самого ада! разве я послал тебя в мир сей затем, чтобы ты всю свою жизнь враждовал против Меня, твоего Творца? Разве я даровал тебе жизнь, чтобы ты все время своего земного существования презирал Мою волю и бросал в Меня, твоего Бога, грязью и лил на Меня, своего Спасителя, всякие нечистоты и помой? Разве ты родился в христианстве и принял святое Крещение и запечатлел себя печатью Таинства Миропомазания для того, чтобы так нагло и цинично смеяться и издеваться над самою христианскою религией? Разве ты, находясь в Моей Церкви с самого своего юного детства, питался Моею плотью и Кровью лишь для того, чтобы впоследствии быть Моим палачом и проливать Мою Кровь и терзать Мою Плоть? Разве ты облекся в сан священства для того, чтобы, как служитель алтаря Моего и вершитель Моих Тайн, так безжалостно и бесчеловечно свою жизнь мучить Меня и всегда приговаривать Меня к смертной казни? Разве Я поставил тебя пастырем Церкви для того, чтобы ты всю жизнь продавал Меня, торговал Мною, водил Меня в качестве безличного раба на помощь государству, этому Моему вечному врагу, и гонял Моих овец на страшную военную бойню? Зачем ты Мой алтарь превратил в страшную мастерскую, где из Моих таинств ты выковыливаешь страшные орудия смерти для Меня? Зачем ты своим отношением к войне снова распинаешь Меня? Зачем ты как церковный представитель попираешь Мое Евангельское учение о жизни? Зачем ты больше почитаешь человеческие предания, чем Мое Святое Евангелие?» И после всего этого Он, наверное, закончил бы следующими словами: «Иди от Меня, проклятый, в огонь вечный, уготованный дьяволу и ангелам его, Я тебя не знаю». Ах, как это ни страшно и ни ужасно, а на самом деле я действительно достоин того, чтобы я был отвергнут Христом и предан Его Божественному правосудию! Ведь я — величайший грешник на земле! О, Господи, прости меня, прости все мои грехи! Царь мой Христос! Молю Тебя, прости мне все мои совершенные пред Тобою преступления! Так думал я тогда.

В это время солнышко уже закатывалось, начало вечереть. Только что я встал с пня и хотел было идти в госпиталь, как в это время подошел ко мне один богобоязненный врач. Увидя меня, он присел возле меня, а потом минут через десять мы встали и отправились по направлению к казармам, в которых находились наши госпитали. Дорогой мы все время говорили о войне.

Когда же стали подходить к казармам, врач остановился и начал с возмущением говорить следующее: «Да, отец Спиридон, на самом деле нужно только хоть на время оторваться от привычного

отношения к войне, и как вдруг от одного ужаса волосы на голове станут подниматься. Я никогда не могу себе представить более ужасное, более страшное, более мерзкое, бесчеловечное и отвратительное, как война! Это такое кошмарное зло, которое совершенно не вяжется не только с христианством, но и вообще с человечеством, как с разумнейшим существом, живущим культурною жизнью. В самом деле, что может быть чудовищнее, кошмарнее и глупее того, как после мирной, долголетней, прогрессивной народной жизни, когда все время люди говорят, пишут о пользе мира, о необходимости воспитания детей в религиозном христианском духе, о просвещении, о науке, об экономическом благе человечества, о прогрессивной эволюции и даже о покровительстве животных и т. д. Потом вдруг в один злополучный день все это взрывается к облакам, опрокидывается вверх дном и люди все разом сходят с ума и все начинают кричать: крови! крови! крови! И вот действительно начинают грохотать пушки, слышится стрельба и люди с обеих сторон падают десятками тысяч, в один какой-нибудь час, точно колосья под рукою жнеца, образуя целые горы трупов на земле. Страшно! В это время одни против других люди звереют, одни у других насильно грабят имущество, насиляют матерей, жен, сестер, дочерей, сжигают города, сжигают села, бьют животных, истребляют на корню хлеба. Повсюду слезы, рыдания, крик, отчаяние, проклятие и ужас! И вот в такое страшное время, когда вся земля орошается человеческой кровью, когда она покрывается трупами солдат, в то время никому так не простительно ни со стороны Самого Бога, ни со стороны даже человеческой справедливости, как самим представителям Церкви. Они являются не только в качестве равнодушных зрителей по отношению к той или другой войне, время от времени вспыхивающей на земле, но, что ужасно, они как церковнослужители алтаря Христова, проповедники Евангельского учения в массовую народную жизнь, как учения безусловного мира, вечной любви, вдохновляют и начиная с Самого Христа и кончая своим церковным служением, все это с необыкновенной поспешностью, в качестве жертвы, с радостью приносят к ногам той же самой войны.

Я сам — сын священника, учился в духовной Московской семинарии, знаю, что такое духовенство и как оно относится к Евангелию. Но меня больше всего удивляет то, что, вообще, как католическое, так и православное духовенство сознательно нравственную сторону Евангелия ни во что не ценят, а ведь это и есть самая существенная сторона учения Христова! Если бы все представители Церкви хоть сколько-нибудь ценили нравственную сторону учения Христова, то война давным-давно исчезла бы с лица земли. Но все они, выдающие себя за самую Церковь на протяжении всей девятнадцативековой пастырской жизни, совершенно не имели ни одного церковного собора для суждения о ценности и проведении в церковную народную жизнь нравственного учения Христа, в частности Нагорной проповеди Спасителя. Были же такие церковные соборы, как об иконопочитании, троеперстном знаменнии креста и т. д., но, повторяю, на протяжении девятнадцати веков Церковь Христова до сего дня не слыхала ни одного соборного церковного слова от своих представителей о самой ценности и необходимости нравственного учения Христа о жизни. Это такой величайший грех всех представителей Христовой Церкви, что они в очах небесного Бога Отца являются ничем другим, как самым острым мечом, вонзаемым безбожною рукою его церковной власти прямо в сердце Самого Сына Божия! И вот этот самый ужасный грех не только лишил пастырей Церкви живой веры в христианского Бога и не только лишил их искренней, сердечной любви к Спасителю мира Христу, но что ужасно, этот грех лишил их здравого рассудка, он ослепил и обезумил их до того, что они во время войны сами идут впереди государства, и с крестом и Евангелием, и чашею Тела и Крови Христа в своих руках, через свое кощунственное вдохновение войны кричат: долой Христа с Его вечным миром и с Его страшнейшим для государства анархизмом — Нагорной проповедью! Да здравствует война! Да здравствует убийство! Да здравствует смерть! О, Боже, как это все ужасно, прежде всего ужасно за Самого Христа, ужасно потому, что Он больше всего страдает от Своих же христиан и страдает далеко чувствительнее, чем от еврейского народа. Ужасно и за самую христианскую Церковь, которая в лице своих представителей разменяла Христа на государственную власть мира сего, Его святое Евангелие на римские языческие законы, живое святое практическое

христианство — на теоретическое, книжное, языческое христианство! Нет, отец Спиридон, если бы церковное духовенство пожелало на земле мира, он бы был. Для этого только нужно побольше живой, непоколебимой веры и горячей любви ко Христу! При этих двух христианских добродетелях перед духовенством трепетали бы не только цари и владыки мира сего, но и вся вселенная подчинялась бы ему — как сынам Неба! Да еще бы! На самом деле стоит только всему духовенству бросить и отвергнуть всякую дьявольскую политику и крепко, крепко взяться за святое Евангелие, и всякой войне будет конец! Правда, на первых порах духовенство должно будет вынести всякого рода гонение, мучение и даже, быть может, многим из священнослужителей придется и умереть мученической смертью за Христа! Но что ж, без этого нельзя служить Богу! Служение Христу есть непрерывная, самоотреченная, живая жертва; зато мученическая смерть священнослужителей за Христа, за Его Евангельское учение, была бы самой духовною жизнью Церкви Христовой и в то же время самой ужасною, позорною смертью общественного, государственного зла на земле».

Врач кончил. Я все время молчал. Его слова: «Но все эти представители христианской Церкви, выдающие себя за самую Церковь, на протяжении всей своей девятнадцативековой пастырской жизни совершенно не имели ни одного ни вселенского, ни даже поместного своего церковного собора для суждения о ценности и проведении в церковную народную жизнь нравственного учения Христа, в частности, Нагорной проповеди Спасителя», — все больше и больше возмущали мое существо. Как же это так случилось? Неужели, думал я, эта нравственная сторона учения Христа сравнительно с догматической ничего не стоит? Как же на это нужно смотреть? О Нагорной проповеди действительно ни одного слова не упоминается и в самом Символе веры. Даже в нем говорится: «верую во едину, Святую, Соборную и Апостольскую Церковь», но ни слова нет о вере в учение Христа о жизни, ни слова нет о вере в Нагорную проповедь как в безусловный, вечный закон самой христианской, церковной жизни, а также ни слова нет о Царствии Божиим, ради основания которого на земле на нравственных, богосыновних принципах Евангелия и сходил Христос на землю. Если составители Символа веры сочли необходимым упомянуть в этом Символе о Церкви, то тем более они должны были бы упомянуть и о Нагорной проповеди, как о самом законе жизни самой Церкви: теперь же без Нагорной проповеди Церковь является как будто какой-то беззаконной. И если действительно присмотреться к современной церковной христианской жизни, то на самом деле вся ее жизнь — есть сплошное беззаконие. Так думал я, а самая мысль о том, что на протяжении девятнадцативековой христианской жизни не было ни одного церковного слова от ее представителей о самой ценности необходимости нравственного учения Евангелия о жизни, неотвязчиво преследовала меня, и я смертельно страдал об этом душой! Особенно мне было больно за самого себя, за свою собственную жизнь. Тут я не раз предносил своему воображению всю историю своей жизни; я вспоминал все свои преступления, содеянные мною от юности моей. Я вспоминал все свои грехи, совершенные мною за всю мою жизнь. И в этот момент я убедился в том, что основа всякого греха есть отсутствие богосыновнего, Евангельского, нравственного воспитания в людях.

В это время жизнь моя висела на волоске от страшной холеры. Под страхом ли смерти, или в силу греховного сознания, я тут снова начал чувствовать себя опять приближающимся к своему Источнику Света, Христу. В мрачные дни холерной смерти, когда мне на день приходилось сотнями отпевать холерных, я ни на минуту в это время не переставал думать о ничтожестве человеческой жизни. «Что значит человеческая жизнь, — думал я, — жизнь и смерть так близки между собой, как близнецы в утробе своей матери. Сейчас здоров, а через час становишься пищей червей, сейчас молод, силен, красив, а через минуту — груда разлагающихся зловонных костей и гнилого трупного мяса. Вот лежит доктор, сраженный холерными бактериями, а вот несколько офицеров, а с ними рядом целая куча, один за другим, — солдаты. Вчера все они были живы, занимались своими делами, говорили, рассуждали, писали письма домашним, а сейчас, точно колоды, лежат безмолвно и неподвижно». Вспоминается мне часто одна красивая молодая женщина, которую я в городском холерном бараке исповедовал. Я никогда не забуду, как она металась, тосковала, проклинала свою жизнь и изо всех сил

рвалась ко Христу. Она говорила: «Господи, Господи, прости меня! Прости мне Господи, мою жизнь! Я грешница, красота меня сгубила! Ах, как она меня сгубила! Господи, помилуй меня, я грешница! Я умираю! А грехов-то, грехов-то у меня сколько! О, Господи, прости меня! Батюшка, помолись за меня!» В это время к ней принесли ее маленькую дочь; она взглянула на нее и сказала: «Дочь моя! Если ты будешь такой же грешницей как я, твоя мать, то погибни, я буду рада, да, я буду рада!» Через несколько часов после этих отчаянных душевных мук женщина лежала уже спокойно, сраженная смертью. Вспоминается мне также одна беженка, которая лежала умершею на дороге, а около нее, один другого меньше, окружали ее дети, горько оплакивавшие смерть матери. Жуткие и страшные картины.

При виде всех этих страшных бесчисленных жертв холеры я опять начинал размышлять о войне. Я думал, что вот эту самую пресловутую богиню — войну — почти весь мир, все поэты, все философы, все ученые, все христианские пророки с восхищением встречают, пишут, говорят ей свои самые лестные, философские и ученые панегирики, целые трактаты; все они ее восхваляют, прославляют и как какую-нибудь величайшую мировую святыню величают, а мы, представители Церкви Христовой, к ее ногам даже повергаем свою христианскую религию во главе с Самим Христом! Мы в военное время без стыда и совести выдумываем всякого рода чудесные на небе знамения, или видения вроде того, как во время Русско-Японской войны будто бы на облаках явилась Божия Мать с младенцем и Своєю пречистою рукою указала на восток, т. е. на Японию, как в недалеком будущем на побежденную страну русским оружием. Во время же сей мировой войны тоже будто какая-то рота, или целый полк русских солдат видели Божию Мать, окруженную на небе бесчисленными Херувимами и Серафимами и т. п. Все подобные чудовищно-фантастические выдумки нашего христианского духовенства настойчиво свидетельствуют о том, что мы, пастыри Церкви, всю христианскую религию захватили в свою монополию и во имя только своего постыднейшего, антихристианского коммерциализма и лицемерной, изолгавшейся хвастливой, гордой, кастовой нашей самоправедности мы жертвуем ею интересам политическим, государственным и торжественно бьем в набат и трубим об этих военных небесных чудесах и санкционируем их как реальную, божественную действительность лишь для того, чтобы подобными измышлениями угодить сильным мира сего!

Два месяца прожил я во Владимире-Волынке, а затем меня перевели в 77-ю бригаду государственного ополчения. В скором времени меня прикомандировали к первой школе прапорщиков юго-западного фронта. Тут мне приходилось работать много. Юнкера меня любили. Со многими из них у меня завязывались интимные религиозные беседы. Особенно для меня лично были ценны три первых выпуска этой школы. Как-то раз зашел ко мне один юнкер; ему давно хотелось по душе поговорить со мною. — «Батюшка, — начал он, — я, как никто другой, нуждаюсь в откровенной беседе с вами». — «Говори», — ответил я. — «Вот в чем дело, — заговорил юнкер, — я абсолютно разочаровался в Церкви и вообще в христианстве, и вот почему: когда я был гимназистом, я верил всему и всем, я верил преподавателям, верил книгам, верил профессорам, но особенно я верил священникам, верил христианским церковным авторам литературных или духовных произведений и последним не только верил, но я любил их произведения, преклонялся перед ними и считал их даровитыми, гениальными творцами христианской мысли. Позднее, вы знаете, батюшка, мне пришлось в жизни убедиться, что все они самые вредные, ужасные жрецы лжи, обмана и всякой фальши. Они говорят и проповедают о Боге, но их бог это не Бог Евангелия, это не Бог Нагорной проповеди Христа, нет, далеко нет, их бог это их же собственное „я“, другого Бога они никогда не знали и знать не будут! Они говорят, пишут, проповедают о каком-то научном христианстве, но это так же смешно, как было бы смешно, если бы кто-нибудь говорил или писал о научном Христе, о научном Боге. Они читают рефераты, читают лекции о христианской жизни, но сами в своей личной жизни живут совершенно иначе, являются буквально погромщиками истинного христианства. Что может быть хуже, как всю свою жизнь болтать красивые фразы и рукою палача убивать саму

христианскую жизнь? Я знаю многих епископов, которые с амвона распинаются в защиту девства, чистоты плоти и духа, а сами имеют любовниц! И много я знал подобных проповедников христианства. Вот эта-то в людях ложь, отвратительная фальшь и мерзкая маска лицемерия мне противны, и я их не выношу. Я настолько разочаровался в них, что ненавижу их, и моя душа не выносит этой двуличности, и вот я заклеил бы их навсегда клеймом вечного проклятия и мирового позора». — Юнкер замолчал. — «Сын мой, что же ты этим хочешь сказать мне?» — спросил я. — «Что хочу я этим сказать вам? — сквозь слезы проговорил юнкер. — Я пришел к вам отвести свою душу, мне очень тяжело жить в такой изолгавшейся атмосфере человеческой жизни. Всюду ложь: ложь в Церкви, ложь в государстве, ложь в учебных заведениях, ложь в книгах, ложь в семье, ложь в дружбе, ложь везде, а главное, ложь в современной христианской жизни — ведь одна только ложь, ложь и ложь!.. Вот хотя бы относительно самой войны: кто не знает, что она есть верх всякого зла, и несмотря на это люди воюют, убивают друг друга, проливают собственную кровь, а священники, епископы, патриархи, папы освящают эту войну, благословляют ее, молятся о победе той или другой армии и т. д.» Юнкер замолчал. Молчал и я. Наконец он вздохнул и, упорно глядя на меня, сказал: «Отец Спиридон! Мне до глубины души жалко вас, моя любовь к вам вспыхнула во мне в тот день, когда мы были в лесу на занятиях, а вас я увидел там под одним деревом... я без слез не могу сейчас вспоминать об этом...» Он заплакал. — «Отец Спиридон! Я решил отказаться от военной службы и завтра подаю рапорт: вас я Богом молю, бросьте и вы служить государству. Вы священнослужитель, вы должны всецело принадлежать одному Христу! Вы знаете, как мне вчера было обидно за вас, когда вы приводили нас к присяге, но все же вы это делали. А ведь всякая присяга совершенно запрещена Евангелием. По-моему, она есть прямо-таки измена Христу, как Царю христианскому. Молю вас, отец Спиридон, будьте хоть вы одним истинным, христианским священнослужителем».

Юнкер закончил, вытер свои глаза платком, встал, простился со мной и ушел в свою роту. Его слова перевернули во мне всю душу. Всю ночь я проплакал не смыкая очей. Тяжело было. Несколько раз я спрашивал себя: где же теперь истинное христианство, которое горело бы любовью и стремилось ко Христу чисто коллективным, практическим, святым братским подвигом? Где же находится такое христианство? Но прежде чем искать его и говорить о нем, я должен приступить теперь к своей собственной личной жизни. Я должен оставить свое язычество и в своей личной жизни руководиться исключительно Нагорной проповедью Христа. Довольно служить дьяволу, пора, наконец, обратиться ко Христу и обратиться не словом, а делом, не одними порывами, а трудовой, подвижнической жизнью любви к Богу и людям. Это будет верная, христианская жизнь. Так размышлял я тогда...

Прошло дней пять после моей беседы с юнкером. Ко мне пришел еще один юнкер. Он студент Московского университета. Пришел он ко мне в два часа ночи, во всем больничном. Жаловался, что стал душевнобольным. «Как только первый раз, — говорил он, — взял я ружье в руки, у меня закружилась голова, сердце забилося, выступил холодный пот, и я лишился сознания. Мне было страшно убивать людей. Я вспомнил в это время, как моя мама воспитывала меня, приучала меня жалеть и любить не только людей, но даже и насекомых! А тут я должен был идти и убивать людей. Милый батюшка! Скажите мне, какого вы мнения о войне?» — спросил юнкер. — «Война есть величайшее зло в мире», — ответил я. — «А присяга?» — спросил юнкер. — «И присяга есть зло», — ответил я. — «Так вы толстовец?» — «Нет, я христианин; впрочем, сын мой, я еще великий язычник, но только хочу быть христианином». — «А так ведь Толстой проповедовал?» — «В этом случае он проповедовал Христову истину». — «А как же В. Соловьев оправдывал войну?» — «Владимира Соловьева я, говоря откровенно, не люблю. Не люблю и его оправдание войны, не люблю и его космическую Христову плоть, которая, по моему мнению, немножечко подернута пантеизмом. Вообще, я не люблю таких христианских писателей, которые в своих мозгах христианство высушивают в какую-то отвлеченную, космическую пыль, распыляют ее на всю вселенную. Говоря откровенно, я вообще не люблю книжного, теоретического, отвлеченного христианства, не только не люблю его, но я его презираю и всем своим существом я его отрицаю. Такое христианство для меня

хуже, чем какое би то ни было язычество!» — «А как вы, батюшка, относитесь к эстетизму?» — «Эстетизм, по моему мнению, есть путь великого соблазна к пантеизму!» — «Странный вы человек, батюшка», — произнес юнкер и улыбнулся. — «Может быть, и так, по совести скажу тебе, сын мой, если бы я имел такую силу, что мог бы все схоластическое, лицемерное, книжное христианство уничтожить, я бы ни на одну минуту не задумывался над этим, моментально бы его уничтожил и тогда, наверное, меньше было бы лжи, всякой лицемерной фальши и мерзкого ханжества. О, как душа моя не выносит такого христианства, которое все обгажено, все осквернено человеческой изолгавшейся до мозга костей душой! Я хотел бы видеть и знать только такое христианство, сама жизнь которого бы говорила за него, самые скрытые дела которого проповедовали бы о нем как об истинном Евангельском христианстве! И я хотел бы видеть и знать только такое христианство, которое одними своими делами говорило бы о Христе, одною своею жизнью проповедовало бы о Царстве Божиим. Ведь эта божественная, святая реальность постигается только жизнью, только делом, а не одною мыслью и некрасивой современной болтовней. О, сын мой! Если бы ты только знал, как я жажду одного лишь живого Христа! Я хочу найти Его; о, если бы я нашел Его, то опрометью бросился бы к Его ногам и хоть немножечко отдохнул бы у Его ног! Своею сложною, культурною жизнью мир задавил меня. Я в нем задыхаюсь. Ах, как мне хочется упрощенной, Христовой жизни, жизни любви Христовой, жизни Евангельского труда и святого подвига. А теперь я очень устал в непосильной внутренней душевной борьбе с собою. А ведь такая борьба есть тяжелый подвиг. Но кроме того, я еще борюсь и с культурным, изолгавшимся, книжным христианством, христианством до мозга костей проникнутым лицемерием, схоластическим, пустым словесничеством. О, как такое современное, языческое христианство душит меня! Я умираю от него! Ведь в нем все таинства Церкви превратились в одни вековые пощечины Христу. Самые христианские храмы превратились в мрачные тюрьмы для Христа, где мы, священнослужители, за деньги показываем Его христианам и где этот Небесный Узник часто подвергается всякого рода циничным насмешкам и издевательствам от этих самых христиан. И вот отныне я ненавижу лично себя и таких же, как я, палачей и продавцов христианского Бога. Ненавижу я и христианские современные школы — рассадники всякого лицемерия и зла на земле. Ненавижу я и всю современную христианскую литературу, которая вся есть язычество, вся есть духовная зараза, очаг духовных бактерий и всякого рода миазмов, заражающих человечество. Наконец, ненавижу я всю современную христианскую культуру, которая вся есть царство дьявола. Всего этого не выносит душа моя. Хотелось бы мне как можно скорее уйти из этого культурного лицемерного, изолгавшегося современного христианства, уйти туда, где находится одна чистая святая простота и правда Христовой жизни. О, как я люблю жизнь Христа! Мне так и кажется, что она вся соткана из одних светлых лучей любви Святого Духа! О, как бы я хотел по образу жизни Христа упростить свою личную жизнь». Я замолчал. Юнкер сидел задумчив. Минут через пять он спросил меня: «Что же мне делать, чтобы стать истинным христианином?» — «Я думаю, нужно любить Христа и жить исключительно по Его Нагорной проповеди», — ответил я. После этого мы еще немного побеседовали и юнкер опять спросил меня: «Почему, отец Спиридон, вы сказали, что Таинства Церкви превратились в одни вековые пощечины Христу?» — «Очень просто, — ответил я. — Дело в том, что все они сведены в нашей церковной, пастырской практике на позорную степень доходных статей, страшного, дьявольского, церковного коммерциализма [коммерциализма] для духовенства. Но это не все. В настоящее время вся тяжесть церковного христианства с живой личностью Христа, с Его Евангельским учением совершенно сдвинута на одни таинства Церкви. Церковь уже больше не питается непосредственно лично Самим Христом и Его Евангельским учением, а исключительно одними только таинствами. Сам Христос в церковной жизни не только отодвинут этими таинствами на второй план, но Он даже заменен ими и находится не в самом центре церковной жизни, а лишь на ее периферии. Вот почему эти таинства Церкви являются одними пощечинами Христу! А ведь это ужасно!»

После этих слов юнкер долго сидел задумчив, а затем встал и отправился в госпиталь. Когда он оставил меня и вышел из моей комнаты, на меня нашла страшная тоска. Я сейчас же оставил свою комнату и точно сумасшедший бросился бежать в лес. Долго я бродил по лесу, тоска все по-прежнему давила меня. Несколько часов я находился в таком тяжелом состоянии духа. Наконец слезы брызнули из глаз, я начал плакать. Через часа два после этого я вернулся к себе в свою комнату. Было уже темно. Я хотел лечь спать, но не мог. И вот, когда я был подавлен бессонницею, когда я чувствовал, что сна у меня нет, тогда пришла мне в голову мысль прочесть сверток своей рукописи, в которой были мои наброски с натуры типов сумасшедших военных, лишившихся рассудка от одних ужасов сей мировой войны. В это время я открыл ящик стола, достал оттуда этот свиток и начал читать.

Сумасшедший офицер (в палате)

«Слушайте команду! Ах, черт возьми, все солдаты лежат на земле мертвыми, о ужас! Немцы наступают, все время мы все голодные, у всех в ногах ревматизм. Все окопы, блиндажи наполнены водою; вот и сиди в них и пой: „О Всепетая Мати“. Да, как теперь живет жена моя, как поживают мои детки, наверно, уже моя Саша второго родила; да, наверно, родила. Господа, вы слышите орудийные выстрелы? Да, да, вот канонада так канонада, и тут с аэроплана, точно градом, осыпают тебя пули... О, батюшки мои! — все поле, все поле усеяно трупами... — Что скажешь, вестовой?.. Где же разведчики?.. Черт знает чем теперь свет стал... Смотрите, смотрите, господа, в нашу палату сам Вильгельм появился. О! как он надувается и из него ядовитые газы исходят, клубятся, наполняют собою всю нашу палату... Впрочем, я нахожусь не в палате, а где-то в неопределенном каком-то месте; да что это такое? О, Боже мой! — кругом меня смерть, да такая страшная смерть! Голова-то какая у нее ужасная! (голосит) Милые мои рро-д-ди-и-тели, зачем вы меня по-р-ро-д-ди-ли. Я ведь на веки, на веки обречен на ужасные мучения!.. Немец обвешал всю мою геройскую шею огненными змеями. О Господи! о Господи! — где же... где же... христиане, все люди стали огненными крокодилами, купающимися в море огненной крови человеческой. (Рвет от злобы на себе одежду и из всех сил кричит): Да будет проклята война! Да исчезнет с лица земли вся кровавая, земная власть, алчущая и жаждущая человеческой крови! Да будут прокляты все цари, все князья, все сильные мира сего! Христос? Ты жив, Ты еще жив, что ли? Отвечай мне! О! Ты жив! Отныне я Твой верноподданный! Слышишь? Я отныне Твой верноподданный! Ха! ха! ха! Эх, черт возьми, земля стала адом! Ха! ха! ха! Дьяволы — это люди, а эти люди с крестиками на своих шеях!» Офицер повалился на койку. Доктор и сестра плачут. Я стоял возле него в ужасе, офицер снова начал кричать: «Ну, что же, я в плену? Нет, я с невероятной быстротой еду домой. Меня моя милая Саша встретит сейчас, нужно ей подать телеграмму. Нет, кажется, я никуда не еду, я здесь; ах! какие адские боли у меня в голове. (Опять голосит, точно в центральных губерниях России голосят о покойниках): Милая моя Са-аша-а! Голубчик мой р-ро-дно-ой, же-на-а мо-я до-рогая и вы, мои милые птенчики-деточки! На веки я вас те-е-перь о-оста-авил, не-е ве-ерну-усь никогда я к ва-ам! Где Васильев? Он убит, убит, что ли? Ты что, Лебедев, ходишь без головы? Что это такое, господа?! Скелеты воюют, понимаете, все мертвецы воюют! Да что это такое, сон или конец мира? (рыдает) Господа! Бога ради скажите мне, скажите, пожалуйста, где я и что я? Доктор! Сестра! Да это вовсе не доктор и не сестра оказываются; это блиндажи, ну да, блиндажи, нет, они движутся, да! теперь я понял! — это броневики, это что, господа, это броневики!.. Ну ничего, я ведь их не боюсь, да и они как будто меня не трогают. Как теперь генерал Брусилов себя чувствует, он ведь чуть-чуть со своей армией не попал в плен. Славный главнокомандующий! Вот понимаете ли, — обращаясь ко мне говорит офицер, — понимаете ли, генерал Брусилов: человек железной воли, да, воли. (Глубокое минутное молчание.) Да, это факт, революция обязательно будет; но я хотел бы произвести в людях революцию духа, вот так была бы революция!» — «Как это революция духа?» — тихо спросила его сестра. — «Исключительно на почве христианской религиозности и только». После сих слов офицер встал, выпрямился, осенил себя

крестным знаменем и начал в качестве проповедника говорить речь: «Доблестные воины! настала революция духа, она вышла из самой жизни Христа; революция духа обязательно спасет мир от гибели». В это время он обратился ко мне, замахал руками и закричал: «Вы все, священники — безбожники, вы, как черные вороны, накаркали на нашу голову кошмарную кровавую войну: „Христоролюбивое воинство, христоролюбивое воинство“, вот вам и „христоролюбивое воинство“. Пресмыкатели вы царские, злые вы псы и страшные сторожевые вы чудовища сильных сира! долго ли вы будете дурачить людей и кощунствовать над Христом? О, чада земной власти! Проклятье ада! Накликали, накричали на христианский мир войну, а теперь сами за это еще получаете награды. Господа! немцы снова делают наступление на нас! Ах, все небо в зареве! Вся земля дрожит. Боже, сохрани мою жизнь, пули свистят, артиллерия хоть бы на минуту утихла; затрещали пулеметы. Команда, на молитву! Милые господа офицеры и все рядовые воины! еще преклоним колена и горячо, горячо помолимся Богу, чтобы Он спас нас от вражьей пули. Мы охвачены ими кольцом. Господа! Врассыпную! (Бросается под койку, сам бледен.) О Боже! какие снаряды рвутся над нами. Сохрани и спаси меня, Господи! Живой в помощи Всевышнего... Ах, хоть бы вернуться домой и одним глазком взглянуть на жену, на детей... Страшно, небо горит, земля стонет, кровь в жилах стынет. Меня уже лихорадит, зубы стучат... (Моментально вскакивает и отбивается, его держат санитары.) Стой! Стой! ты меня хотел убить? Так, что ли? Наверно так! Но меня Бог спас от смерти (весь покрыт потом). Боже! где твоя святая милость? о Боже! вразуми всех, чтобы люди познали Тебя и раз навсегда разоружились! (рыдает) Земля вся залита человеческой кровью, покрыта она, матушка, отборными трупами молодых юношей. Воздух весь пропитан какою-то изгарью человеческого сжигаемого мяса, небо покрылось зловещим заревом... Слышите, господа, шум ядовитых газов. Господа! маски надевайте! Опять рев пушек, опять канонада! Опять затрещали пулеметы. Что я не могу стоять, неужели ранен, нет, я, кажется, не ранен? Разве контужен? Тоже, кажется, нет, что же это такое держит меня? (кричит) Господи! Мать моя родная! Саша дорогая моя, Саша! Детки мои! Умираю! простите меня, простите ради Христа! Я умираю, о! я умираю! Проклятая война!.. Впрочем, я ведь жив! Неужели после смерти мы так же будем жить, как и теперь живем? Но, может быть, я уже в загробном мире? Нет! Может быть, это и есть ад? Кто знает! Опять я вижу газы, опять слышу канонаду. О! да неужели никогда не будет этой войне конца? Вот передо мною море расстилается, может быть, это картина? Может быть, это театральное представление? Может быть, это сон? Да нет, это прямо-таки реальность, настоящая реальность. Из этого моря поднимаются какие-то чудовища, о, какие страшные! (бледнеет) Да это вовсе не чудовища, это люди! Ах! да ведь это люди! Они как будто что-то говорят, да, говорят, говорят! Чу! Что я слышу? Это фараоновское войско, потонувшее в Красном море. Да, это оно, а вот и наше войско, русское, а вот и германское, а вот и турецкое; каким же образом они оказались в море? Удивительное чудо! Да это вовсе не вода, это кровь!.. Кровь!.. Кровь!.. (кричит) Христос! Скоро ли Ты сойдешь снова на землю? Скоро ли Ты будешь судить наших христиан? О! они, Господи, все антихристы! Все человекоубийцы! О, что это такое? Кто-то землю одевает человеческими внутренностями. О, какое зловоние! Дайте мне скорее, скорее дайте мне одеколону, иначе я умру, тошнит! Да, земля одевается человеческими внутренностями; это ужасно! Да что это такое?! (поет) Я памятью живу с увядшими мечтами, виденья прежних лет толпятся предо мною!.. Опять канонада! ха! ха! ха! Канонада! ха! ха! ха!.. — выдумал же черт войну людскую! Нет! Это не черт выдумал ее, а я думаю, что люди, те самые злые духи... Как теперь моя милая Саша чувствует себя? — молятся ли дети обо мне? (плачет) Говорят, что мы — военные абсолютно испорченные, до мозга костей испорченные люди. Нет, это неправда, раз мы любим кого-нибудь, значит, мы еще совсем не испорчены. Что это такое? Где я своими ногами наступаю, везде я вижу кровь, что это такое? Мне, господа, страшно становится. Хожу ли я — под моими ногами кровь, сижу ли — подо мною кровь, лежу ли я — тоже подо мною кровь, ем ли я — я как будто ем сгустившуюся кровь. Да, теперь я понял, что такое кровь. Я ведь военный человек, а военный человек есть кровопийца, есть разбойник, есть палач: вот что значит кровь! Какая гадкая и мерзкая жизнь военных людей! Они разрушители

человеческой жизни, они убийцы! О, они убийцы, убийцы! Да будет проклята, навеки проклята война! Я хочу, чтобы война была проклята! проклята! проклята! Это что такое? это ведь орлы, вороны, ястребы, коршуны! о! сколько их! У! и какие они сильные, у каждого из них в клюве по одному мертвецу. Нет, господа, что-то со мною делается, да, что-то делается (плачет). В ком и чем теперь заключается жизнь? Нет! это одна смерть! О, как тяжело! О, как мучительно! Вся моя душа горит огнем адской муки. Один только Христос меня утешает; кроме Него одного все — ад! все — мука! все — смертельная тоска! Змеи, господа, змеи, о-о-о! Вся земля превратилась в страшную змею! И что странно, я стою на ее ядовитом зубе и яд из этого зуба фонтаном так и обдаёт меня! Господа! спасите меня, я от этого яда умираю, ха! ха! ха! Господа, умираю! О, умираю! Господа! вы знаете ли, вина и причина всем бедствиям власть! Ведь мы все маленькие кровавые Вильгельмы, Иваны Грозные и подобные им. Каждый из нас хочет быть начальником, хочет быть властелином. Ха! ха! ха! Властелином! Ах, человеческая природа! Да это вовсе не человеческая природа, нет, нет, господа, это дьявольская природа, это сатанинская природа! В самом деле, есть что злее человека? я говорю, есть ли что злее человека, этого святого дьявола, религиозного убийцы! Ха! ха! ха! как метко сказано, религиозного убийцы! Нет, господа, дьяволов нет, понимаете, дьяволов нет! нет! нет! а то, что мы называем дьяволом, — это мы, люди! Мы воплощение зла! Мы мировые кровавые разрушители жизни! Вот опять канонада! — вот опять затрещали пулеметы! о ужас! Стой, стой, господа офицеры, врассыпную! (насвистывает какую-то арию) Знаете, что теперь чувствуют все зачинщики этой войны, этой кровавой народной бойни? Я говорю, что они теперь в себе чувствуют? О, они начальники, самые старшие начальники зла на земле! Они гигантские кровавые пиявки! Они боги смерти! Понимаете, они боги смерти! боги смерти! Есть Бог жизни, это Христос, а владыки мира сего есть боги смерти, боги зла, мирового зла! Мирового ужаса! Да будет проклята всякая власть на земле! Да будет проклято, проклято всякое кровавое начальство на земле! О! да будет оно проклято! проклято! проклято!!!

Десять дней несчастный этот офицер ни днем ни ночью не закрывал рта и на одиннадцатый день бритвою перерезал себе горло.

Сумасшедший доктор

Я его встретил в поезде. Все время он был в подавленном настроении, часто плакал и даже отчаянно жаловался на то, что жизни нет, что жизнь сделалась невыносимой мукой. Я присел к нему и вот мы начали беседовать.

Доктор: «Да, батюшка, жить теперь больше нельзя, да и ее, самой-то жизни на земле нет. Жизнь должна быть жизнью, творческою жизнью, а тут мне приходится самому помогать жизни; ведь люди нуждаются, в настоящее военное время, в починках, одному нужно ногу приделать, другому руку, третьему нос приделать, четвертому череп насадить. Ха! ха! ха! насадить череп, вы понимаете ли, нужно ему насадить череп (плачет); это не шутка. Как я доктор и все время войны произвожу починку в людях, в бедных солдатах, несущих свою жизнь в жертву отечеству, да, в жертву безумию сильных мира сего. Ха! ха! ха! безумию сильных мира сего. Я, мол, царь, я король, я президент, я узурпатор; на самом деле ты не царь, и не король, и не президент, и даже не узурпатор, а властолюбец, подлый властолюбец, подлый властолюбец, безумная, злая, адская пиявка, двуногий дьявол, крещеный сатана. Ха! ха! ха! крещеный сатана! В самом деле, что это такое? какой черт родится на земле и властвует над жизнью других; он имеет право убивать подобных себе людей. Да разве это человек? Он хочет какую-то свою глупейшую мысль провести в жизнь других, чтобы люди жили так, как ему хочется! И вот орет, кричит, пишет, убеждает и смущает целую толпу глупых людей, которая слушает его, которая вместе с ним идет и убивает, режет таких же, как сами они. Да разве это не дьявольщина? разве хуже, мерзее этого может что-либо быть на земле. А поэты, священники, философы им панегирики поют Ах! да ведь это самое ужасное явление на земле! Я вот уже два месяца как от этих ужасов не сплю. Каждый мерзавец, каждый кровопийца, каждый двуногий дьявол хочет переkreпить

всю жизнь человеческую (плачет). И как перекроить! У одного руку отнимет и говорит тебе: товарищ, без руки тебе лучше будет житья. У другого ногу оторвет и также говорит: тебе, мой друг, одной ногой лучше ходить, а у третьего позвоночный столб разрушит и несколько частей из него вырвет и также говорит ему: это во имя социального общественного блага мы сделали тебе; живи себе на здоровье. Затем покроют миллионами и даже десятками миллионов человеческих трупов всю землю и этому радуются, торжествуют, гордятся и несут за это своим богам благодарственные молитвы и жертвы. Ха! ха! ха! Я лучше предпочел бы быть самым страшнейшим и мерзким, но мирным дьяволом, чем человеком, проливающим кровь ближнего своего. Я скорее готов есть крыс, мышей, лягушек и, если бы их не было, то, чтобы утолить свой голод, решил бы есть землю, чем убивать людей, заниматься грабежом и на трупах... на трупах человеческих создавать минутное счастье, минутное удовольствие своей жизни! (Доктор побледнел и начал истерически рыдать.) О, проклятая мать, проклятый отец, у кого дети — солдаты! Проклятый тот род, который хоть один час держался власти. А ты, развратница и вечная тирания человеческого рода — власть, не являешься ли воплощением смерти на земле? Не являешься ли ты матерью всякого зла на земле? Не из твоей ли клоаки выползают разного рода адские чудовища, угнетающие и вечно мучающие род людской? Сгинь! Сгинь, всякая власть на земле! (Я сидел возле него, как не свой, мне было очень жаль его и в то же время страшно.) Сгинь же, нечистая сила! Ха! ха! ха! нечистая сила! ах, нечистая сила! Ха! ха! ха! нечистая сила! Отныне я не хочу быть человеком, нет, я хочу быть змеей, только без яда, я хочу быть поганой крысой, только без зубов и чумы, я хочу быть собакой, только никого никогда не кусать; я хочу быть лягушкой, ящерицей, зайцем — одним словом, кем бы и чем бы ни быть, только не человеком. Быть человеком значит быть дьяволом! (Вскакивает и смотрит на всех людей, пугается и во весь рот кричит:) Я боюсь вас, господа, ха! ха! ха! я боюсь вас... О, Боже, сохрани меня от этих двуногих дьяволов... Их глаза — орудийные дула, их нос — это баллоны ядовитых газов, их головы — это целые груды трупов; их уши — это навесный огневой заслон, а руки — это движения полков, туловище — это кладбище, ноги — это адская катящаяся лава, лава... Господа! лава... ха! ха! ха! (истерически рыдает). Боже! спаси меня от людей! О, Господи! спаси меня от этих двуногих кровавых дьяволов! Милые мои звездочки! помогите мне уйти от этих налитых кровью дьяволов. О, какие они красные! кровь-то, кровь-то в них так и переливается. Вот они гигантские дождевые черви! О, как я ненавижу людей! Отныне я проклинаю весь род людской! Господа! я теперь не человек, я — животное, я — свинья, я — мерзкая гадюка, но я не человек и не хочу быть им, я — животное, милое, тихое, кроткое животное. Батюшка! я читал Евангелие и там в этой святой, единственно святой книге говорится, что Христос родился человеком. Я верю, да, Он родился человеком, но Он и жил человеком, это единственный был человек на земле, вы понимаете меня? Только Он и был один человек на земле: но я должен сказать вам, какое нужно Христу иметь смирение, чтобы родиться человеком, облечься в это злое существо! У кого есть Святое Евангелие, дайте мне его; скорее дайте мне эту книгу, иначе я погибну, я умру, господа, без этой книги. К черту медицину, к черту всю сатанинскую науку, к черту всю человеческую культуру, кровавую, насквозь пропитанную фальшью, обманом, ложью лицемерием и всяким дьявольским злом. Знаете, батюшка, даром ни у одного животного нет столько названий пороков, грехов и беззаконий, сколько у ненавистного мне человека. Это потому, что он есть составное дьявольское существо. Ах! тоска, тоска смертельная! невыносимая тоска! Зачем я живу на свете? Я сам не знаю.

(Я:) «Сын мой, успокойтесь! вы такой и есть, каким себя изволите считать. Прежде всего вы очень добрый, кроткий и любящий всех, никому никогда не делавший зла и огорчения».

(Доктор:) «Разве это так? разве я такой добрый? это очень хорошо, очень мне легко, если я таков; но, ведь, я человек, вот мое горе! я потомок кровавых дьяволов! Господа, я сейчас постараюсь освободиться от человечества. О! обязательно постараюсь». (Доктор быстро, в один миг бросился из вагона на площадку, а с площадки под колеса поезда и действительно, он уже через две минуты лежал освобожденным от человечества.)

Сумасшедший капитан (в палате)

«Я, господа, — сам себе вслух говорит, — капитан. Ну, конечно, как вот война началась, я отправился со своим полком. Вдруг у моих ног упал снаряд, я хоть бы вздрогнул. Мы отправились прямо из Новограда, и вот в это время была ужасная канонада! Три дня она беспрерывно продолжалась. Около города Холма наш полк первый раз вступил в бой с австрийцами. Во время отъезда на поле сражения наш полк нигде не задерживался. В это время мы трое суток стояли под сильным огнем. Я, как всегда, в эти дни молился Богу. Да, но... о чем-то я хотел говорить. Да, вспомнил, я говорил о молитве. Да, да, молиться Богу непременно нужно, хотя я опять не понимаю, для чего молиться Богу? Разве наша молитва, без исполнения воли Божией, будет услышана? Никогда! Вот и наш полк, все время молился, а Бог над ним смеялся. Да и как не смеяться. Идут люди убивать один другого и молятся Богу, чтобы его-то Бог спас, а противника-то чтобы тот же самый Бог помог убить. Ну, конечно, наш полк очень много пострадал, почти его весь уничтожили. В это время я командовал ротой, а потом уже и целым батальоном. Во время моей команды на атаку австрийцев я, знаете ли, получил письмо от своей жены, она пишет, что у нее родился сын. Я сейчас, знаете ли, пригласил на закусочку своих товарищей-офицеров и вот мы кутнули с ними. Атака была у нас неудачная. В это время я не мог встать, а мясо мне совсем не по желудку. Командир полка что-то сейчас нездоров, наверное, он утомился. Скорее всего, после винта или преферанса. Ах, Боже мой, и вот собачка моя как-то плохо стала лаять. Да, что-то мне очень нездоровится. Николай Николаевич, верховный главнокомандующий, человек большого стратегического ума. Сегодня я должен подать рапорт относительно того, что я должен выехать в главную ставку верховного главнокомандующего. (Входит к нему сестра, он обращается к ней и говорит:) Вы, может быть, знаете, как мне добраться до главнокомандующего, я ему должен и обязан открыть против него заговор, да, заговор, форменный заговор. Против него в заговоре участвует весь царский двор. Ах! это ужасно! Сколько ему нужно иметь терпения. Да, вот мысль: говорят, что Наполеон все против себя заговоры разрушал одною лишь своею мыслью и одним своим взором, потрясал всю Европу. Ну прекрасно, я и тут мирюсь, пусть будет так, но чем Христос потрясает сердца человеческие? Вот где задача! Ведь люди, говоря откровенно, стали толстокожими свиньями, они не понимают Христа и никогда не поймут Его. Христос... Да, Христос это мировой вопрос. Я знаю, что Наполеон и теперь Вильгельм побеждали и побеждают своих врагов войсками, а чем же побеждает Христос людей? Да, верь или не верь, а приходится убеждаться, что он действительно есть Сын Божий. Вот было бы хорошо, если бы Он появился на небе и всему войску сказал бы: „Солдатики мои! Идите домой и не деритесь между собой“. Как? Пошли бы солдаты домой или нет? Нет, не пошли бы, они побоялись бы расстрела, ведь их сейчас бы начали расстреливать. Вот у меня голова опять начала болеть, что-то стало на душе тяжело. Ах, я уже устал, страшно устал мыслить, мне не хочется одного слова сказать, а остановиться я не могу. Сна нет, в голове какой-то шум... Нужно завтра спросить доктора, что это со мною, почему я не могу себя взять в руки? Неужели у меня нет воли? Да, значит, я забыл, полк наш оказался весь разбитым, офицеры все из строя выбыли. Вот что значит война. Ах! ведь я в то время от жены получил письмо: впрочем, в этом письме она писала мне о чудесном сне. Значит, она видела во сне Матерь Божию, которая стояла на коленях перед своим Сыном и молила Его, чтобы Он прекратил народную бойню. Да, это замечательный сон. Я все-таки удивляюсь, как Божия Матерь могла стать на колени перед Христом и просить Его о прекращении войны, когда она сама прекрасно знает, что Христос, как Бог, наградил всех людей совестью, открыл им Свой святой закон Евангелия и если люди все отвергли, то чего ради Божия Матерь будет молить Сына своего о людях? Нет, я уже устал, я хочу спать. Но вот опять мысли: что же будет с землею, если люди окончательно уничтожат одни других? Наверно, кто-нибудь да вместо людей будет владычествовать над землею? На самом деле, человек очень страшное животное, ему бы уже скоро нужно исчезнуть с лица земли. Это какое-то чудовище ужасное. Может быть, человек и не животное, а дух, просто адский дух, всеразрушающий дух. Стой, я сейчас еще жив, а когда умру, я обязательно тогда буду духом. Я буду входить в спальни к женщинам и буду их пугать;

вот тогда получится комедия, понимаете, какая получится тогда комедия. Полк, значит, мой перевелся на отдых. Понимаете, я как будто слышу канонаду. Неужели австрийцы подходят? Вот и пулемет трещит; это что-то ужасное; я очень боюсь. Неужели сейчас придется идти в полк? (Тревожно озирается кругом.) Да ведь дело-то не шутка, канонада все сильнее и сильнее становится, это дело серьезное; хоть бы исповедаться. Грехов-то у меня много. Самый великий грех: я одну молодую галичанку тронул, это сильно на меня подействовало, наверно я от этого и заболел. Как она просила меня на коленях, чтобы я не трогал ее, но я был немножечко выпивши... Вот я ее и слышу, день и ночь слышу, как она молит и просит меня не трогать ее. Дурак я был, о, какой большой дурак я был! Теперь вот и страдай... Но и тут большие предрассудки. В самом деле: убить у нее отца, брата и убить на войне — совесть не мучает, а тронуть девушку — чувствуешь совесть. Я думаю, что война слишком нам с детства вбита в голову, как величайшая добродетель, как героизм, как защита отечества и т. д. Но в сущности война есть один из самых непростительных грехов. Так говорит совесть, так говорит и религия. Мне бы сейчас нужно доктора, что-то у меня в голове творится неправильно. Я не помню, контужен ли я или ранен? Но это пустяки, дело в том, что я не могу удержаться, не говорить. Сегодня я обязательно отправлюсь в ставку верховного главнокомандующего, мне нужно свой полк принять, затем комплектовать его, иначе дело будет швах, да и под суд попадешь. Удивительнейшая личность Христос! Если бы все люди созерцали Его, перед Ним мыслями, делами жили, о тогда бы на земле был рай! Я иначе Его не могу представлять, как живым, видящим нас, знающим все наши мысли и сердечные движения. Я, как только поправлюсь, так обязательно каждый раз буду все свои мысли и дела проверять Его реальным присутствием. Жизнь так мала, а ответственность так велика-велика, что страшно становится на душе. У меня опять голова что-то не в порядке, кружится, хочу не говорить и не могу; очень устал, утомился. Вот хоть газы ядовитые, какая в них скрывается страшная, разрушительная сила! И все человек, что не завоевал собой, своим умом, своим разумом, вдруг опрокинул все это на себя и от этого он гибнет, умирает, и исчезает с лица земли и т. п.» Этот бедный капитан пятнадцать суток, на закрывая рта, все, что он ни мыслил, выражал в словах, в звуковой форме, наконец умер, и умер в самых страшных конвульсиях!

Солдат буйносумасшедший

Этот несчастный был красивый солдат. Он происходил из великороссов Московской губернии. Я первый раз его увидел в больничной палате. Он был в сумасшедшей рубашке привязан к койке, и день и ночь его зорко сторожили. С ума сошел он в тот момент, когда первый раз заколол немца, и последний, вбирая в себя внутренности, упал к его ногам и произнес по-русски следующие слова: «Брат, я, умирая, прощаю тебе твое убийство!» Эти слова немца до того подействовали на этого несчастного, что он на второй день заболел, а на четвертый уже совершенно сошел с ума. Первый раз, когда я его увидел, он находился в самом ужасном состоянии духа. Он все время кричал: «Злодеи! злодеи! что вы сделали со мною? Вы погубили, навеки погубили мою душу! Ах! спасите меня! Спасите, Христа ради! Все святые, помогите мне! Мне страшно! Я убийца! о, я убийца! Тьфу! Тьфу! Тьфу! (плюет во все стороны) Что вы смотрите на меня? Смотрите, смотрите, товарищи! все, все мертвецы повысовывали свои длинные носы из своих могил да и храпят на меня, а носы их толстые да страшные, все раздуваются да раздуваются! Ах, как они страшно храпят и раздуваются! Что же это такое?.. Теперь они все свои носы спрятали в могилы, а вместо них выпятили языки свои... Смотрите, смотрите, как их языки-то качаются, то в одну, то в другую сторону, а на языках-то их сидят страшнейшие змеи, лягушки и крысы, и мыши, и ящерицы; и все они так страшно кричат, квакают, что у меня волосы столбом становятся! Вот чудо! Теперь я вижу из могил по одному глазу, страшнейшему глазу, и все они смотрят на меня и моргают мне, да как страшно моргают! Прочь, нечистая сила! Прочь от меня! Что вы, господа мертвецы, пришли ко мне и повыпячивали свои ужасные языки? Что вы говорите? Что? что вы говорите? Вы говорите, что вы меня заживо съедите?

проглотите? Нет, господа, ради Христа! оставьте меня! Правда, я сознаюсь, что я убийца, но что же делать? действительно я убийца, я сознаюсь; но я ведь шел убивать людей не по своей воле, ей-Богу, не по своей воле! Вы не верите? Пусть я с места не сойду! пусть я провалюсь сквозь землю, что я не по своей воле пошел на войну! Знаете, товарищи, ничего не поделаешь: царь приказал идти на войну, и я пошел, а если бы я послушался его, то знаете, господа мертвецы, ведь меня бы расстреляли или сослали бы на каторгу. Так вот, господа мертвецы, прошу вас, помилуйте меня, не ешьте меня, не глотайте меня, я ведь еще верю во Христа, на мне, вот смотрите, крест есть, значит, я христианин... (кричит:) Господи, спаси меня! Мать моя родная, спаси меня! Жена моя, дети мои, спасите меня! Мертвецы, мертвецы хотят в своих зубах истолочь меня в порошок. Ах, да где же вы, мои друзья? да где же вы, люди? что же вы не помогаете мне? ведь мертвецы уже обнажили свои зубы и скрежещут на меня. Ах, Господи! нет прощения убийце... Я убийца! я убийца! я убил немца. (Весь покрыт потом, дрожит, его держат три санитары.) Вот что значит слушать царей! (опять начал кричать:) Вот что значит слушать царей! Черт их создал, а не люди! Да вот и верь им, а потом вечно и мучься, мучься, мучься! Ха! ха! ха! мучься... вечно мучься... да, мучься... ха! ха! ха! мучься... да, вот и мучусь! Что вы привязались ко мне, господа мертвецы? Что вам, что от меня несчастного нужно? А, вам нужна моя душа! так, так! Ну, хорошо, я согласен ее отдать вам, но только под условием, чтобы я был после этого свободен от мучений совести... Что же, согласны на это? Что? не согласны? Почему не согласны? Вы хотите меня замучить? Да? господа! за что же вы хотите меня замучить? Право, господа, я не знаю, за что вы так ко мне немилосердны? Ну, что же? я убил немца! это верно! верно! и я не отнекиваюсь от этого, что я убил немца, но ведь я не знал, что война есть зло, я просто считал войну даже за святое дело: значит, нужно воевать за веру, царя и отечество, а тут оказалось, что война есть непростительный грех! Я теперь и сам сознаю, что война непростительный грех! Ежели бы война не была грехом, вы бы не появлялись ко мне и не желали бы меня съесть. (Моментально бросается оземь и страшно корчится.) За что же вы бьете меня? За что? О, меня секут! Караул! батюшки! меня бьют! Меня всего зубами кусают, рвут! Спасайте меня, спасайте (весь потный). Родимые мои, спасайте меня! Мертвецы меня мучают. А, вот и дьявол! О, какие они страшные! Я не вынесу, я умру от страха, умру! (Громко читает: „Да воскреснет Бог, и расточатся врази его...“) Смотрите, смотрите, я читаю, а они еще сильнее мучают меня. Вот какие эти дьяволы! Что вы хотите от меня? Ну скажите, господа дьяволы, что вам от меня нужно? Я убийца? Я это сам знаю, что я убийца. Я покаюсь, и вы тогда не будете меня мучить! Как! вы говорите, что я не покаюсь? Вы говорите, что теперь я ваш? Ах, это ужасно! Ах, да что же это такое? Это ужасно! ужасно! ужасно! (поет и плачет:) Милая моя, родная матушка! Уж не прокляла ли ты меня, что я так мучаюсь? Уж не согрешил ли я чем-нибудь, таким большим грехом, что я так страдаю? Милая моя супруженька, или я тебя чем оскорбил или обидел, что я так страдаю? Мертвецы меня съесть хотят, а дьяволы терзают мою душу! (В это время он очень побледнел.) Вот она матушка совесть-то! да, говорят, Бога нет, это неправда, что Бога нет. Я ведь был верующим, богобоязненным... Человека я убил... Теперь мертвецы съесть меня хотят. Смотрите, смотрите, господа, как они в окна-то смотрят! О, да какие они страшные! Что вам, господа, надо, что вы смотрите в окно? Что говорите? меня надо? Зачем? съесть? Нет, господа, я вас прошу, ради Бога, оставьте меня живым, я ведь жить хочу! О, я узнаю, да, узнаю, это тот немец, которого я убил! Да, это он, что же это в его руках? О, да это его кишки и вся внутренность! Ах, да чего же он так грохочет? Чего он так смеется? Да он очень заразительно смеется! Я не могу удержаться от смеха... Ха! ха! ха! Вот смех так смех!.. Ха! ха! ха! Ай да смех!.. ха! ха! ха!.. ха! ха! ха!.. Немец, что ты держишь в своих руках? Гроб? Какой гроб? для меня? да? для меня? Ах, как ужасно! Я, значит, умру? Конечно, я умру! (плачет:) Значит, я умру? Да, теперь я умру! О! да будет проклята всякая власть на земле! Да будут прокляты все цари мира сего. О! да будет проклят!.. проклят!.. проклят!.. капитализм людской!.. Война! убийство! ружья! пушки! аэропланы... все это они повывдумывали на защиту себя и на убийство людей. Война — дочь капитализма! Говорят, что и на звездах есть люди. Может быть. Но там, где есть деньги, там, где есть золото, там нет людей, там живут одни дьяволы, да, только дьяволы! Ах, тошно мне! Ах, батюшки

мои, тяжело мне... сердце мое... сердце мое горит. О, как горит огнем скорби! Места себе не найду нигде... Я убийца! я убил человека! Я не христианин! Нет, я не христианин! О! О! О! вот опять, опять бегут ко мне мертвецы! О, да какие же они страшные! Лиц-то у них совсем нет. Все они без голов, все они тянут за собой свои кишки. Кишки-то грязные! и да вонючие! О, Боже, спаси меня! Вы, господа, опять ко мне? Чего вам нужно? Вы уж очень страшны! Зачем пугаете меня? Я и так прежде времени поседел. Помилуйте меня, господа, помилуйте! (плачет:) Ну помилуйте, господа, ради Бога помилуйте! Я, конечно, виноват, что говорить! я действительно виноват, что я убил человека! В этом я сознаюсь, но все же, как ни велика моя вина, вы все же помилуйте меня! Право, помилуйте! Что? убийцам нет милости? Да неужели такой великий и непростительный грех убийство? Да? Ах, Боже! что я сделал? я погиб! навеки погиб! (Кричит изо всех сил:) Господи, не оставь меня! Господи, спаси меня! Я погиб! Я убил человека! Господи, не оставь меня! Господи, прости мне грех мой! (Я, глядя на его мучения, плакал.) Стойте, господа!.. вот опять языки мертвецов появились... Что вы дразните меня?.. Что вы гримасничаете?.. Зачем вы плюетесь?.. Я ведь вам не делаю зла?.. (Сильно закричал:) Уйдите от меня!.. не мучьте же меня!.. зачем вы жгете меня?.. зачем вы сдираете с меня кожу мою?.. Зачем вы рвете мне руки?.. Ноги-то зачем ломаете мне? Это все за убийство?.. Да? что? за убийство? О, ужас!.. о, ужас!.. Да погибнет моя жизнь! Не могу... не могу так жить!..» На следующий день я опять отправился к сему несчастному солдатику. Я думал, что он, быть может, немножечко спокойнее себя чувствует, но, увы! он, как и вчера, не переставал пугаться, дрожать, скрежетать зубами, палать на землю и корчиться. В этот день он говорил, кричал и очень обвинял себя. Он говорил: «Да, легко сказать! легко сказать! иди на войну! убивай людей! будь героем и получишь георгиевский крест! Я вот и пошел на войну и получил награду, да еще какую награду! душу... душу свою погубил!.. О! погубил я свою душу... (рыдает) Погубил!.. Теперь мне конец! я погиб! Человекоубийца я! Да что это такое?.. Опять мертвецы окружили меня!.. Опять они мне хотят мстить за немца, бедного немца? Что вы, господа, хотите со мною делать? Ну хоть пустите мою душу на покаяние. Я вот честное слово говорю, что я больше убивать никого не буду, никогда не буду. Вот я что сделал? убил человека! Ах, Господи! Ах, Господи! С детства моего я курицы не убил, а теперь по милости каких-то царей, какого-то правительства я убил немца. Да, убил человека! Долой царей!.. Долой правительство!.. Долой войну!.. Нужно разоружиться! всем разоружиться! и тогда будет хорошо. Ах, батюшки мои, я погиб! о, я погиб!.. Это что? О! это души... души убитых воинов! О, сколько их! О, как их много! Как много их! Что же это такое? Одни из них в виде летучих мышей, другие — как большие совы, третьи — точно вороны, только какие-то голые, страшные и злые; иные из них вроде каких-то чудовищ, и все они шипят и хрипло каркают. Я думаю, их сто миллионов будет! Вся вселенная покрыта ими, и не видно ни солнца, ни неба от них!.. О, какие они страшные!.. Все они летают и одна другую своими внутренностями обвивают, и одна на другую плюют кровью, одна другую проклинают! О, ужас! опять, опять немец лежит у моих ног! он опять истекает кровью! Бедный мой немец! (нагибается и плачет над ним:) Прости, что я убил тебя! Прости меня! Я наказан, о! как жестоко я наказан за твою смерть. Ведь теперь я убийца! Я навеки не увижу Господа! Господа я не увижу, слышишь, мой друг? Я Господа не увижу! Я погибший, о, я навеки погибший. Вот что значит война! Вот что значит убивать людей! Да и как... как человек дошел до такого ужаса, до такого преступления, до такого безумия, что решается убивать подобного себе человека? Я говорю, как это возможно? Развяжите меня! Я говорю, развяжите меня! Я хочу доказать всему миру... да, я хочу доказать... ну, просто доказать, что если бы от начала мира, понимаете? от начала мира только одно свершилось, где бы то ни было, — я говорю только одно свершилось бы во всем мире убийство, то все человечество из-за этого одного свершившегося убийства в мире должно понести вечное наказание; потому что в этом убийстве, хотя бы даже через одного убийцу, виновно было бы все человечество, как перед Богом, так и перед самою жертвою насильнической смерти; так как в одном убийце, единственно в одном убийце, весь род людской сделал бы это преступление по закону однородности самой человеческой сущности с убийцей. И, посягая на жизнь ближнего своего, я посягнул бы непосредственно на Самого Творца, на

волю Бога, Который Один только имеет власть и всемогущество творить людей и творить по Своей воле. И вдруг Его творение, которое само есть дар милосердия Божия, лишенное всякой возможности в себе творческого присутствия сил, и оно дерзает поднимать свою убийственную руку на творение Божие, а через это и на Самого Бога! О, да будет проклято всякое убийство! Да будет проклято кровопролитие!.. Господи! я великий грешник, я убийца! я убийца! Мы кто? Мы люди? Нет, господа, мы не люди, мы дьяволы; нет, мы не дьяволы, мы хуже и злее, чем дьяволы! А я? Я самый сатана. Нет, я еще хуже, чем сатана, я убийца! Я убийца! Я убийца! Ужас! Совесть моя — ад... о, какой еще ад! Что? Что вы говорите? Господа! Послушайте, что мне мертвецы советуют... они советуют мне, чтобы я удавился или зарезался или разбился бы. Они вот все около меня стоят и все говорят мне: „Удавься, тебе будет легче!“ Вы слышите, что они мне говорят? Да, удавься! а вы потом что со мной делать будете? Знаю я вас! Что? что вы говорите? Нет, господа! вы меня не бросите, нет, вы этого не будете со мною делать. Ну хорошо, господа мертвецы, хорошо, — за что же вы так ко мне немилосердны? Правда, я убил человека, но ведь меня правительство послало убивать людей... ведь война, вы понимаете ли это? Да, вы, безусловно, правы... я тоже с вами соглашаюсь, но ведь вы должны же вникнуть в мое положение. Господа, ради Бога! вы же должны вникнуть в мое положение! Стой! зачем же бить меня? Я спрашиваю вас: зачем же бить меня? Караул! (Опять корчится по земле.) Караул! Мерзавцы! Черти! Дьяволы! О! все они меня бьют, мучают! Скорее, скорее спасайте меня! Погибаю! Меня они рвут своими зубами! Ой! Ой! Ой! больно... Ой, ой, ой — страшно... Мучительно! Милая моя мама, спаси меня! Родная моя мама, зачем ты на горькое мучение родила меня! О, лучше бы я ребенком погиб! (С ним произошел буйный припадок.) О, родные мои! О мать, мать-сыра земля! скорее раздвинься и умертви меня! Смерть моя, где ты? родная моя, скорее приди ко мне! Я в тысячу раз хотел бы скорее умереть, чем мучиться мне от этих мертвых духов. О, какие они ужасные и злые! Смерть моя, скорее возьми меня от них и спаси! (После этих слов он весь покрывается холодным потом и тотчас же начинает истерически хохотать.) Вот так баня! Ха! ха! ха! Вот так наказание! знать, как слушать правительство и идти убивать людей... Ха! ха! ха!.. Ха! ха! ха!.. Это тебе возмездие за то, что ты слушал попов и архиереев, все время натравливавших солдат убивать людей... Ха! ха! ха!.. О, батюшки мои, как мне несчастному тяжело! Неужели все убийцы будут так мучиться? О, да! так! точно так! Но каково же будет мучение духовенства, я говорю, духовенства, которое благословляет войну, а убийство возводит в подвиг за веру, возводит этот страшнейший грех в добродетель. О, да погибнет! да погибнет такое духовенство! кровавое духовенство!.. Тьфу! Тьфу! Тьфу! (отплевывается) Отыди, отыди от меня, сатана (крестит все четыре стороны). Уйдите, уйдите от меня голые черти! Сгиньте, дьяволы! исчезните, умершие души! (кричит:) Ау! ау! ау! О-о-о! О-о-о!.. Мяу! мяу! мяу!.. Гам! гам! гам! Ах, тоска! смертельная тоска! (Скрежещет зубами.) Дьяволы, оставьте меня! Ради Бога, не мучьте меня! Молю вас, пощадите меня!.. Зачем вы разрываете меня на части? Зачем вы сердце-то мое вырываете из меня? Что вы в нем хотите найти? Смотрите, смотрите! они смотрят на сердце и читают: он убийца! он убийца! он убийца! Да что вы, господа, читаете? Разве я скрывал от вас, что я убийца? Я говорил и сейчас говорю, что я убийца! убийца! убийца! Ну, после этого что вам от меня нужно? Ну, чего вам от меня нужно? О, Господи! спаси меня!» Вдруг он весь так сильно задрожал от ужаса и еще сильнее прежнего закричал: «Господи!!! Господи!!! Господи!!! Что я вижу? О, что я вижу? Все моря, все океаны превратились в густую человеческую кровь! О! кровь... кровь... кровь... И, знаете, по этим морям плавают военные пароходы. Стой! стой! это не пароходы... Нет! Это острова... острова, господа, одних черепов человеческих... да, это точно острова черепов... и смотрите! смотрите! в каждом черепе — маленькая душа человеческая... Как она в нем мучится, корчится и извивается от жгучих болезней и страданий... Да, это одни человеческие черепа плавают по густой человеческой крови... А вот я вижу: вся земля покрыта трупами... О, какими страшными трупами! О, ужас! Смотрите! смотрите! что мертвецы и дьявол делают! Они из черепов и трупов человеческих строят города, села, деревни и т. п., вымащивают городские улицы... Вот так, так!.. Вот тебе и человечество! Оно погибло, оно утонуло в своей собственной крови!.. Боже великий! что стало с

миром! Его нет... Нет на земле ни прежних городов, ни сел, ни деревень, — все сгорело, все погибло, все уничтожилось, только одни лишь трупы... трупы... и трупы лежат (затыкает уши). Я... я слышу грохот пушек... о, канонада! да, канонада!.. Вот и опять штыки... Да гляньте-ка, господа мои! гляньте-ка! Смерть... смерть ползет по земле, а из-под нее кровь льется, кишки тащатся, черепа ломаются в мелкие осколки, кости... кости человеческие мнутся, ломаются и трещат... Нет мира! Один хаос! один кровавый кошмар! О, Господи! Наверно, скоро будет Страшный Суд! Да это и есть он самый — Страшный Суд!.. Опять мертвецы! Опять дьяволы! О, батюшки мои! до чего я дожил? Нет теперь ни неба, ни земли, нет уже ни прежнего мира, а вместо всего этого царит смерть... страшная смерть! Да, одни остались дьяволы... красные дьяволы да голые мертвецы, и только! О! погиб род людской... погиб в своей злобе кровавой... стихийной злобе! Теперь уже нет прежнего неба, нет и прежнего солнца, нет и прежней земли — все погибло! о, погибло... все погибло! Существуют только вместо старого мира одна смерть, одни духи умерших и одни дьяволы — убийцы, кровожадные дьяволы! все погибло и все потонуло в кровавом человеческом зле. Что вы господа-духи и дьяволы говорите? Что? вы говорите, что не вы виноваты в гибели людей и всей вселенной? Да? Так если не вы, то кто же? А кто же? Вы говорите, что сами люди — убийцы? Да? О, это верно. Ах да, природа же наша злая!.. О! убийцы... убийцы... убийцы... Все люди — убийцы! Да, они убийцы! Они уничтожили сей мир своим убийством! Я тоже убийца! убийца! убийца! Да погибнет всякое убийство! Да проклято будет всякое кровопролитие! Да исчезнет всякая людская ненависть и злоба! О, да исчезнет! да исчезнет злоба людская! на веки вечные да исчезнет она с лица земли!!!» В это время больной пал на колени и, став перед иконою, стал сильно рыдать и просить Господа, чтобы Он помиловал его. После молитвы он пришел в полное сознание и минут через десять в первый раз уснул. После сна он позвал меня, покаялся и горячо плакал. На следующий день его отправили в центральную Россию, и я не могу сказать об его дальнейшей жизни. Одно лишь скажу, что такого страдальца я еще не видел среди сумасшедших.

После того, как я прочел воспоминания об этих несчастных, я чувствовал, что мое сердце от тоски хочет разорваться на части. И вот так, по-видимому, около первого часа ночи, состояние моего духа совершенно изменилось, тоска сменилась какою-то необыкновенной жалостью ко всем христианам. Мне было очень и очень жалко всех христиан и жалко мне их было потому, что вся наша современная, христианская жизнь, как мне казалось, есть страшный хаос, какой-то чудовищный кошмар. Мне представлялось, что христиане самый несчастный люд, обреченный жить в какой-то непросветной, зловещей тьме. Всюду христиан окружает одно ужасное зло.

Особенно ярко мне представлялась злополучная двойственная их жизнь. Я ни на чем так не останавливал свое внимание, как именно на этой двойственной жизни христиан. В самом деле, нужно только хотя на одну минуту оторваться от привычного взгляда на жизнь, как вдруг при виде ее такой, какая она есть на самом деле, приходишь в неопишуемый ужас. Уже одна эта двойственность в жизни христиан говорит очень много о том, что христиане самые несчастные в мире страдальцы и мученики. Это страшное явление в жизни христиан! Скажу смело, что от начала существования мира, еще никто из смертных не переживал этой ужасной, непримиримой двойственности в своей жизни, какую переживают христиане. Она заключается в следующем: христиане в одно и то же время, как бы раскалываясь на две части, принадлежат и Самому Христу, и Князю мира сего. Христос беспрекословно требует, чтобы христиане, как Его собственность, как цена Его святейшей крови всецело исполняли исключительно Его единую святую волю. Поскольку же государственно-языческое правительство мира сего так же требует от христиан, чтобы и они беспрекословно исполняли их правительственную волю. Христос, как живой христианский Бог, требует от христиан в их христианской жизни цельных христиан, которые бы служили Ему, как своему единственному Богу, и служили бы Ему всем своим существом без малейших остатков. В свою очередь, и государственное

правительство требует, чтобы и христиане служили ему до последней капли крови. Христос от Своих христиан требует, чтобы они принадлежали, как граждане не от мира сего, Его Небесному Царству. И не только бы принадлежали Ему, но взамен существующим на земле царствам мира сего с их многомиллионными войсками, изолгавшейся вечно кровавой, бесчеловечной политикой и смертоносной, насильнической властью, чисто божественным, святым и мирным Евангельским путем, здесь на земле создавали бы Царство Христово, как новое, вселенское, Божественное Царство. Точно так же и государственное правительство требует от христиан, чтобы они под страхом смерти, с кинжалами и пушками в руках, распространяли и закрепляли антихристианскую государственную жизнь во всей вселенной, убивая и подчиняя себе слабые народы. Христос даровал христианам свой закон, святое Евангелие, в частности Нагорную проповедь для того, чтобы христиане, кроме этого Христова закона о жизни, ни в каком случае не имели других законов и ими не руководились в своей христианской жизни. То же самое и государственное правительство вручает и христианам свои языческие законы, вплоть до воинского устава, и всячески нудит христиан, чтобы они в своей жизни исключительно жили и руководились этим языческим законом. Вот в чем скрывается самый страшнейший, мировой трагизм всей христианской жизни. Отсюда рождается, развивается и растет неслыханное язычество, полное ужаса и всякого зла.

Так тогда думая и душевно жалея христиан, я в своей комнате в ту ночь нервно ходил из угла в угол. Мне очень хотелось узнать, есть ли какой-нибудь выход христианам из этой страшной, двойственной их жизни? Долго я над этим думал и никак не мог ни на чем остановиться. Куда ни ткнусь своею мыслью, везде я вижу одну железную, непроницаемую стену! Несколько раз я останавливался и на самой Церкви, и каждый раз я видел, что и современная Церковь это один из винтов в государственной машине. Думал я и о католической Церкви, и она мне показалась слишком оязычевшейся и слишком далеко ушедшей от Христа, и я не мог на ней остановиться. Впрочем, в настоящее время какая разница между государственной жизнью христиан и церковною? Не одно ли и то же? Жить государственною жизнью или церковною? Ведь в настоящее время нет никакой границы, разделяющей церковного христианина от государственного. Как те, так и другие представляют из себя проводников, открытых проводников чисто языческой антихристианской жизни.

Несколько ночей подряд я думал: есть ли для христиан, наконец, какой-нибудь выход из этой кошмарной, хаотической двойственности в их жизни? И вот после больших усилий, к своей неопишуемой радости, я наконец пришел к положительному результату своих мыслей: да, выйти можно, выход есть! Выход этот состоит только в сверхгосударственном, Евангельском, соборном братстве христиан, основанном исключительно на началах Евангельских, богосыновних принципах о жизни. Кроме такого братства, другого выхода нет и никогда не может быть для христиан в существующей жизни, полной адского горя и страшного трагизма. Я лично убежден, что всякое государство с его языческими законами и общественною жизнью совершенно исчезнет с лица земли, если осуществится такое христианское братство. И вот, когда возникнет такое святое, Евангельское братство, тогда тотчас же и загорится новая заря — вестница восходящего, яркого солнышка, новой, христианской жизни на земле. О, как желательно, чтобы такое братство как можно скорее осуществилось в мире! Действительно, такое братство могло бы собою заменить языческое государство. Правда, для того, чтобы такое богосыновнее, Христово братство возникло, прежде всего должна быть неумолкаемая проповедь — призыв всех христиан к строительству такого вселенского, Христова братства. Этого мало. У этих членов братства должна каждый раз быть искренняя и пламенная готовность и умереть за Христа! Я думаю, что начало строительства такого всемирного, Евангельского братства не только воскресит прежнее христианское мученичество, но и как никогда прежде государство будет поголовно истреблять таковых христиан, вступающих в качестве членов в это всемирное Христово братство. Но ведь самое мученичество христиан и будет самую непобедимую силу этого братства. Ведь чем больше несокрушимою базой будет братство иметь своих мучеников за Христа, за Его Евангельские, богосыновние, моральные принципы жизни, тем это братство будет в

себе иметь более и более нескончаемую и непобедимую прочность и вечность! Тогда под флагом этого всемирного Христова братства объединились бы и слились бы все христиане в одну стальную, бронированную армию Христову, которая без меча и пушек одною своею святою жизнью и пламенной любовью к людям завоевала бы всю вселенную!!! На самом деле, почему бы ему не осуществиться? Ведь существуют же всемирные христианские союзы, как например: Христианский Студенческий союз — Союз молодых людей. Кроме христианского студенческого союза еще существует «Лига Мира», а затем и «Армия Спасения». И почему бы не возникнуть и не осуществиться вселенскому, всемирному братству христиан, которое бы раз навсегда вытеснило все христианские, кровавые, братоубийственные насильнические государства, с их крупновскими заводами, удушливыми газами, электрической смертью, дурною культурою, публичными рассадниками всякого разврата, преступным пьянством, насильнической, деспотической властью, преступными, языческими законами их жизни, судами, антихристианскими присягами и т. д. Ведь пора уже понять и опомниться всем людям, что спасение людей не в государстве и даже и не в материалистическом, экономическом социализме, нет, это все несет человечеству одну страшную смерть, да еще какую ужасную смерть! Спасение всего человечества на земле — исключительно в свободном осуществлении сверхгосударственного, вселенского, христианского братства, основанного в своей практической жизни только на принципах Христова учения, в частности Нагорной проповеди Христа. О, если бы осуществилось в скором времени такое братство, тогда оно не только бы умертвило в себе все государства мира с их зверскими, кровожадными инстинктами, но оно как таковое совершенно переплавило бы в своей Евангельско-Божественной, духовно-химической лаборатории и всю современную христианскую Церковь, с ее епископальною властью и всевозможными каноническими, человеческими законами церковной жизни. Тогда бы эта епископальная власть, под воздействием самого учения Христова, осуществляемого жизнью самого такового братства, изменилась бы на смиренное, действительное служение людям и на чисто рабское практическое, бесплатное служение и пастырское отношение к христианам.

И вообще, размышляя о таком всемирном Христовом братстве, могущем заменить собою государство, как совершенно языческую, общественную жизнь христиан, я опять перенесся к церковному духовенству. Я думал, что оно могло бы в этом святом деле проявить великую, творческую мощь, если бы оно, как представительство вселенской Церкви, отрешилось от земных интересов, отрешилось от своего бога — церковного коммерциализма и пустило бы свои жизненные корни в Самого Христа! Ведь тогда за ним бы весь христианский мир потянулся к сози_данию сего святого братства. Но я вперед должен сказать, что современное христианское духовенство совершенно мертво и абсолютно неспособно быть в качестве, так сказать, артели духовных мастеровых и строителей такового Евангельского всемирного братства на земле. Оно слишком разложилось и прогнило прежде всего постыдным церковным рыночным коммерциализмом и кастовою гордою лицемерною «святою» самоправедностью! При этой моей мысли о строительстве всемирного Христова братства мой денщик отворил дверь моей спальни и сказал мне: «Батюшка, вы почему не спите?» — «Не могу», — ответил я. «Вы здоровы?» — спросил он меня. «Здоров», — ответил я. «Батюшка, — начал говорить денщик — я все время думаю и никак не могу понять вас: почему вы месяц тому назад так ответили епископу Евлогию, который вас возводил в сан архимандрита?» — «Как?» — спросил я. «Да так, — ответил мне денщик, — вы на его речь сказали следующие слова: „Царь наградил меня митрою, но я боюсь, как бы эта митра не оказалась острой иглой в терновом венце Господа нашего Иисуса Христа“. Как же это нужно понять?» — «Милый Ваня, — начал я отвечать ему, — ты знаешь, что я делаю здесь в военное время? Я ведь своими военными проповедями, как военный священник, травлю одних христиан на других, а ведь это все ложится на мою совесть и я за всех вас, солдатиков, дам ответ перед Богом. Митру же я получил вот именно за эти кровавые свои военные проповеди! Ты знаешь, мой милый Ваня, как только я надеваю эту митру на свою голову, то я чувствую, что из-под нее льется на меня человеческая кровь! Эх, мой Ваня, Ваня! как я буду за свои

грехи отвечать перед Христом! Истинно, истинно говорю тебе, если бы рядом со мною поставили Иуду Искаротского, Каиафу, Нерона, Иоанна Грозного, Чингисхана и других мировых злодеев, то все они вместе взятые далеко, далеко перед Богом оказались бы чище, светлее меня, величайшего грешника и служителя алтаря Христова!..» — «Почему вы, батюшка, таким грешником себя считаете?» — спросил меня денщик. «Очень просто, — сказал я ему. — Они если и грешили перед Богом, то грешили почти полусознательно, я же грешил и грешу совершенно сознательно. Так вот, Ваня, я уже тебе не буду говорить о своей прежней торговле Христом, не буду говорить и об ужасной, преступной, военной своей травле одних христиан на других. Я тебе скажу еще и о том, в чем ты никогда и не подозревал меня. Так слушай же. Ты, мой милый друг, знаешь Божественную литургию?» — «Знаю», — ответил денщик. «Вот эта-то Божественная литургия тоже страшно меня мучает. Она мучает меня прежде всего потому, что в ней нет ни одной молитвы и ни одного прошения в ектениях, где бы мы, священнослужители алтаря Христова, не обоготворяли бы всякую власть мира сего, не обоготворяли и самих владык, имущих эту власть и не обоготворяли всякого рода богатых и знатных мира сего. Что же касается рабочего класса, обездоленного класса, неимущего, бедного, мы о них не молимся! В наших богослужебных молитвах нет им места, тогда как в древних литургиях древние христиане молились не только о рабочих, бедных, сиротах, вдовах, болящих, страждущих от духов нечистых, но даже молились и о заключенных в тюрьмах и рудокопах и т. д.! Но это не все! Кроме сего, мой друг, совесть меня мучает за нашу литургию еще и потому, что я не читаю вслух, всенародно ее дивные евхаристические молитвы. Я как священнослужитель этим ограбил народ Божий, лишил христиан прямого, живого отношения к этому величайшему таинству Евхаристии, тогда как на самом деле я не должен ни одной молитвы скрывать от народа и читать тайно. Если Сам Христос ничего не скрывал от Своих апостолов, если Он Сам в первый момент установления этого таинства вслух, перед всеми учениками произносил благословения Своему Отцу Небесному и в эту торжественную минуту открыто молился перед Своими учениками, то какое же право имею скрывать я, величайший грешник, от вас эти молитвы и читать их тайно от всех верующих во Христа? Ах, Ваня! Так мы, пастыри Церкви, далеко, далеко ушли от Христа, от Его жизни и Его любви к людям, так далеко ушли мы от Него в нашей кастовой, исторической гордости и лицемерной самоправедности, что как-то становится за себя страшно и жутко! В самом деле, хотя бы опять взять те же самые Евхаристические молитвы литургии. В древние времена все они читались вслух, и христиане их повторяли, теперь мы, пастыри Церкви, читаем их кое-как, себе под нос шепотом, а иногда пробегаем их машинально, с пятого на десятое и только одни от них окончания выкрикиваем вам, точно какой-то магический, непонятный набор слов! И вот потому наша литургия стала суха, безжизненна; в ней нет ни пророческого огня, ни духовной, живой, пастырской сочности. Но и это еще не все. Самое главное, что в нашей православной литургии соблазняет меня и страшно отталкивает от нее, это во время великого выхода (т.е. Великого входа. — Ред.) — поминовение имущих власть мира сего! Знаешь, мой милый Ваня, всякий раз, как только я служу литургию и в тот момент, когда выхожу на великий выход и поминаю всех имущих власть мира сего, в это время я реально переживаю то, что я в этот страшный литургийный момент снова как бы мучаю и убиваю Самого Христа! Такое сильное чувство возникает во мне каждый раз во время служения Божественной литургии потому, что этот великий выход знаменует собою самый страшный момент страдания и Голгофской смерти Христа от государственной и церковной власти Рима и Иерусалима. И вот, страшно подумать! В этот самый момент, вроде наглой насмешки над Самим Христом и кощунственного отношения к Нему как к Небесному Царю, я как священнослужитель и вершитель таинств Церкви произношу гордые языческие титулы сильных мира сего с их, конечно, собственными именами. Этим произношением за Божественной литургией в этот страшный момент я просто насмехаюсь и ругаюсь над Христом! Ругаюсь и не только насмехаюсь над ним, но прямо категорически я ставлю Самому Христу в обязательство, чтобы Он ту же самую власть мира сего, от которой Он пострадал и которая Его некогда распяла и доселе распинает, по моему требованию, как Своего служителя Церкви христианской, принял бы к Себе, в Свое Царство Небесное и

властолюбивых, сильных мира сего, со всеми многочисленными военными армиями, как христоролюбивое воинство, зачислил в свиту Своего Небесного Величества! И вот повторяю, когда я каждый раз совершаю Божественную литургию, то при великом выходе чувствую и представляю себе, что я выхожу не с Чашей в руках, нет, а с тяжелым молотом кощунства и всякого рода насмешек, издевательств на Иисусом Христом, Которого в этот страшный момент я распинаю и до смерти убиваю». — «Батюшка, — перебил меня денщик, — а как же апостол Павел говорит, что всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены. Посему противящиеся власти противятся Божию постановлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение (Рим. 13: 1–2). Из этих апостольских слов видно, что всякая власть от Бога, и мы должны ей подчиняться и поминать ее в своих молитвах». — «Знаешь, мой друг, Павел хотя и был великий апостол Христов, но он был все-таки человек. А у нас, христиан, единственный Наставник для всех стран и веков Господь наш Иисус Христос. Последний так говорит о власти: цари господствуют над народами и владеющие ими благодетелями называются, а вы не так: но кто из вас больше, будь как меньший, и начальствующий, как служащий; ибо кто больше, возлежащий или служащий? Не возлежащий ли? А я посреди вас, как служащий (Лк. 22:25–27). И вот, мой друг, смотри, Христово учение о власти совершенно опрокидывает учение о ней апостола Павла. Я скажу правду, что прежде это учение Павла о власти всегда ужасно страшило и смущало меня и смущало оно меня потому, что оно не только не согласуется с учением Христа о ней и даже не только враждебно Евангельскому учению, но, что ужасно и прискорбно, так это то, что на этом павловском учении о власти повис весь ужас мирового, государственного и церковного зла! Впрочем, я не думаю, чтобы это учение вылилось из самого сердца апостола Павла, — сам Павел никогда даже и не думал, что христиане на его учении воздвигнут целый мир всякого зла! Впрочем, в таких случаях, как [этот,] оправдание Священным Писанием общественного зла вовсе не зависит от самого Священного Писания или от его духа, а вот такие пастыри и учителя Церкви, как я, изверг, и все подобные мне, в угоду сильных мира сего всегда с полицейским тактом выщупываем в Священном Писании, где бы в нем найти те или иные темные места, для того чтобы ими было возможно оправдать всякое общественное зло, и каждый злой поступок, и каждое злое дело государственных и церковных заправил нежною рукою виноградаря, точно молодую, виноградную лозу, привязать к этим местам Священного Писания, чтобы эти злые поступки сильных мира росли, крепили и приносили бы обильнейшие плоды всякого несчастья и греха, как лично им, так и всему человечеству». Сказав это, я замолчал. «Да, батюшка, — тихо сказал денщик. — Все это мы сами чувствуем и нам временами становится тяжело на сердце. Я ведь, батюшка, недаром стал напиваться допьяна. В иную пору такая найдет на тебя тоска, хоть прямо удавливайся или стрелайся. Отчего это так бывает на душе? Оттого, что мы отвергли Бога и живем точно звери».

Ваня заплакал и замолчал, а я оделся и опять отправился в лес, так как меня опять слезы стали душить сильно. Мне было тяжело смотреть на своего денщика. И вот, когда я отправился в лес, я опять почувствовал в себе страшный прилив отчаяния. Мне в то время казалось, что такому, как мне, грешнику нет милости от Бога. И когда я вступил в самый лес, то, смотря на деревья, я как бы чувствовал, что каждое деревцо как бы говорило мне: «Ты антихрист, ты человекоубийца, ты палач человеческих душ!» И в это время мне было тяжело, тяжело на душе!

В скором времени после этого мне предстояла поездка по другим частям войск, так как кроме службы моей в школе прапорщиков мне часто приходилось в то время отправляться по частям и своей ополченской бригады. Эти части находились в разных местах при охране железных дорог Юго-Западного фронта. Однажды во время таковых моих поездок по охране железных дорог я увидел немецкий аэроплан с черным крестом внизу. Через несколько минут он начал делать уклоны вниз, это был момент, когда он бросал бомбы из продольной конечности черного креста. В это время мне вспомнились знаменательные слова четвертого века: «Сим победиши». Когда я вспомнил эти слова, я чуть не обезумел от ужаса! Ах, при одной мысли о том, что в это время было со мною, перо выпадает

из рук и мне хочется плакать и рыдать! В этот страшный для меня момент было какое-то со мною мгновенное, неопишное перерождение! Это был такой момент в моей жизни, когда меня, как личности, не было; я как бы в самом ужасе умирал, разрываясь на мельчайшие частички, которые куда-то исчезали, уничтожались, и меня не было, а был один страх и один ужас! Потом в мгновение ока у меня возникали новые чувства, новые мысли, новые мировоззрения, новые взгляды и на Самого Христа, новые отношения к Богу и вообще новые отношения ко всей окружающей меня мировой действительности со всеми ее ценностями. С этой поры на государство я стал смотреть, как на самого злейшего врага Христова, и на современную церковную жизнь как на сплошную открытую измену Христу; и на большую часть духовенства как на такую историческую касту, которая преемственным путем в протяжении тысячелетий, начиная с иудейского Синедриона через Иуду, отпавшего ученика Спасителя, вплоть до наших дней, во имя государства, во имя национальности, ради сытой беспечной жизни, ради человеческой славы, ради честолюбия, ради власти, богатства, ради своего церковного коммерциализма, ради своей лицемерной, гордой самоправедности и вообще всех земных ценностей, без конца все новой и новой Голгофе подвергает Христа; и бесконечно и беспрестанно повторяет над Христом то же самое, что единственный раз совершил над Ним иудейский церковный епископат. И вот теперь стало мне понятно, почему духовенство и все его сторонники из этой земной жизни гонят Христа в область загробной жизни. Теперь только мне стала ясной вся историческая истина десятой главы от Матфея. Теперь я наконец понял, почему в нашей жизни есть место Марксу, есть место Энгельсу, есть место Дицгену, Лассалю, Каутскому — вообще всякой человеческой накипи и только одному христианскому Богу нет места с Его Нагорной проповедью! В этом больше всех виновато опять-таки церковное духовенство, т. е. мы, а я первый. В самом деле, у нас принято, что всякий мало-мальски образованный человек нашего века непременно должен знать все теории социальной жизни и не только знать, но и изучать, ценить и передавать их посредством науки, посредством школ из поколения в поколение, из рода в род, и только один мировой законодатель и духовный социалист самой совершеннейшей счастливейшей жизни на земле — Христос всеми забыт, всеми сознательно отвергнут! О, если бы этот христианский, безумный мир хоть на минуту отрезвился бы от своего всегда его опьяняющего зла и на деле в самой своей жизни когда-нибудь сумел бы сравнить учение Христа со всеми лучшими социалистическими теориями и если бы он хотя одну Нагорную проповедь сравнил, объективно сравнил со всеми тяжеловесными грудями книг по социализму, то он, как ни безумен и как ни опьянен злом, он все же бы понял, что у человечества есть только один благодетель — Христос со Своим учением и единственно лишь на стороне Христа есть истинно счастливая, реальная жизнь всего человечества! Если бы меня спросили: что же, по-твоему, все существующие теории социализма сравнительно с учением Христа, в частности с Его Нагорной проповедью? Я бы положительно ответил: «Учение Христа — жизнь, учение социалистов, всех социалистов — смерть! И смерть самая жестокая, самая ужасная, насильническая, штыковая смерть!»»

И вот, несмотря на несравнимое превосходство учения Христа перед современным социализмом, материалистическим, бездушным, мертвым социализмом, Христос у всех христиан в загоне. Он всеми забыт, хотя Он и считается в христианском мире истинным Богом. В настоящее же последнее время в жизни христиан совершается что-то ужасное! Христиане против Христова учения, как все это ни странно, в своей вере, в своей любви ко Христу, в своей к Нему молитве, в своей жизни настолько оторвали Христа от Его учения, насколько земля оторвана от солнца, насколько жизнь оторвана от смерти! Хотя лично Христа христиане устами своими считают своим Богом, и молятся Ему и пока совершают Ему служения и т. д., но что касается Его учения, то, как я уже говорил, христиане не только отрицают Его, но своею жизнью стали прямо во враждебное к Нему отношение. И опять скажу, что виною такого страшного отдаления Христа от Его учения является опять-таки прежде всего государство, а потом и церковное духовенство. Государство прекрасно взвесило, что если учение Христа проводить в самую гущу общественной жизни, то государству с его войсками, с его насильническим строем жизни — смерть! Евангелие проповедует Царя не земного, не человека с

его штыковой властью, с его крупновскими заводами и удушливыми газами; оно проповедует Царя-Христа с Его бесконечной любовью! Оно проповедует совсем и другое царство, Царство Божие, Царство жизни по Нагорной проповеди Христа, проповедует оно законы жизни, законы внутренней, духовной праведности! Эти законы, как нормы христианской жизни, есть заповеди Христа, изложенные в той же самой Нагорной проповеди. В это Царство Божие христианин вступает со всею своею земною жизнью. Вся его земная жизнь есть непрерывное приготовление и вступление в Царство Божие. Христианин живет на земле только для того, чтобы своею христианскою жизнью продолжать дело Христа и проводить единую, святую волю Божию через себя, через свои мысли, чувства и поступки и на всю окружающую себя видимую материальную среду исключительно для того, чтобы перерабатывать даже и весь сей видимый мир в ценный материал для Царствия Божия на земле. Христианин является одновременно и живым, ценным материалом и его собственным строителем. Цель всей земной жизни христианина — Царство Божие. Что же такое само по себе Царство Божие? Царство Божие есть соборная, братская, творческая воля христиан, растворенная исключительно в волю Божию, здесь же, на земле. У них не должно быть своей воли, их воля есть воля Божия. Они все в Боге, и Бог в них. Вся их жизнь на земле есть вращение себя в Бога. Самое любовное творчество их жизни есть как свободная жертва Богу, как погружение себя в Бога и как насыщение и впитывание в себя Святого Духа. Поскольку люди будут уходить своею жизнью в Бога, вращать в Него, поскольку они будут исполняться беспредельною любовью своего сердца ко Христу, к Его учению и ко всему человечеству; среди этих людей, как учеников Христовых, не может быть ни начальствующих, ни подчиненных, ни богатых, ни невольных нищих, ни больших, ни меньших, ни рабов, ни капиталистов, ни немцев, ни русских — все родные братья, между собою дети, живые дети живого Отца Бога. В Царстве Божиим нет места ни человеческому себялюбию, ни разврату, ни зависти, ни ненависти, ни войне, ни национализму, ни превосходству мужчины над женщиной, ни лжи, ни обману, ни насилию, ни пьянству, ни всяким соблазнам, ни даже тени греха и всякого зла.

Вот что такое Царство Божие само по себе! О, как бы я хотел, чтобы все рассеянные по всей вселенной чада Христовы воплотили в себя, в свою собственную жизнь Царство Христово, как живую, предвечную волю Отца Небесного и, соединившись между собою в одно мировое сверхгосударственное во Христе братство, выявили бы в своей соборной, братской жизни всю полноту этого Царства Божия на земле! Только для одних сынов Божиих закон жизни Царства Божия на земле есть незыблемая Христова правда. Эта-то Христова правда и есть учение Христа о жизни. Конечно, для государства такое учение о Царстве Божиим есть крайний анархизм, и какой еще страшный анархизм! Это есть страшный, духовный, мировой динамит, поэтому против такого страшного для себя учения Христа государство всячески выступает на борьбу тем или иным путем, все свои силы полагает на то, чтобы на каждом шагу преследовать учение Христа и как можно больше давить его.

Казалось бы, всему христианскому духовенству, как армии Христовой, нужно всячески, всеми силами отстаивать, спасать учение Христа от всякого посягательства на него со стороны государства и вообще кого бы то ни было, но увы, — эта Христова армия большею своею частью сама за деньги перешла на сторону государства, сама воюет против Самого Христа, сама отвергает и втоптывает в грязь учение Спасителя. Измена Христу! О, Боже, какая страшная измена Спасителю мира! Ужасно! Я более чем уверен, что если бы государство снова начало открытое гонение на христиан за их веру в божественность Христа, то самыми опасными предателями и палачами христиан оказались бы опять-таки мы, служители алтаря Христова, только, конечно, за деньги и большие награды. Если мы, в мирное время, при отсутствии открытого гонения на христиан, на протяжении около трехсот лет, через исповедь, через таинство покаяния сажали в тюрьмы, в крепости, ссылали на каторгу идейных политических христиан, которые исповедовались у нас, своих духовных пастырей, в своих политических заблуждениях, то что же и говорить об открытом гонении на христиан со стороны государства? Ведь достаточно только раскрыть наши учебники и заглянуть в них, чтобы увидеть, какую борьбу ведем мы, священнослужители Церкви Христовой, в угоду государству с учением

Христа: в учебниках по закону Божию на первом месте стоят десять заповедей Моисея, но никак не Нагорная проповедь! Даже в некоторых современных толкованиях Евангелия от Матфея Нагорная проповедь Христа совершенно опущена.

Это еще не все. Мне самому приходилось очень много читать и перечитывать авторов, разъясняющих Нагорную проповедь, и я всегда с глубокой грустью отходил от них! Все эти толкователи Нагорной проповеди казались в моих глазах жалкими трусишками с заячьей душой, с лисьим умом, с хамелеоновым характером. Вот какая христовобязнь существует в нас, служителях алтаря Христова! Поэтому ничего нет удивительного, что современные христиане далеко хуже язычников, а мы, пастыри Церкви, изменились в своей жизни до того, что стали какими-то церковными фиглярами, святыми актерами, праведными шутами, коварными и лукавыми политиками. Ах, больно, до слез больно за современное христианство!

В эти ближайшие дни после появления немецкого аэроплана во время моей поездки по охране железных дорог 77-й ополченской бригады я сильно радовался. Душа моя наполнялась каким-то неопишным восторгом духовной радости! Мне казалось, что прежняя моя религиозная весна детства снова явилась для меня, и я начал оживать в Боге. Но вместе с тем я был и страшно потрясен, и как никогда я был тогда потрясен тем, что в то самое время, именно со дня появления немецкого аэроплана, предо мной открылась вся бездна моей прошлой, греховной жизни!!! Я в мгновение ока увидел ее такой, какая она есть на самом деле, увидел и чуть не обезумел от ужаса! Боже мой, говорил я тогда, что же это со мной случилось, что я как священнослужитель так низко опустился в такую страшную, бездонную пропасть всякого зла! О, каким же я ужасным, мерзким преступником кажусь перед Тобою, Господи, когда я двадцать три года нахожусь в этой самой бездне греха и всякого зла! В мире нет такого грешника, как я, несчастный служитель алтаря Твоего Святого, Всемилосердный мой Спаситель! И страшно мне было, когда вся моя прошлая жизнь, сотканная из одних голых перед Богом преступлений и предательств и измен по отношению ко Христу — так широко раскрылась в моих глазах! Ах, да ведь только тогда поймешь всю силу грехов и преступлений перед Богом, когда подумаешь, кто я такой, чтобы почти всю свою жизнь решиться на то, чтобы с сатанинской упорностью бунтовать против своего Творца и в качестве священнослужителя Христова делом, словом, чувствами и всем своим существом извращать Евангельское учение Христа! И вот, только сейчас я совершенно понял себя, понял и всю силу греха, понял и ужаснулся. Несколько дней и ночей после этого я радовался душой, благодарил своего Бога и в то же время я все же ужасался и трепетал своей прежней жизни! В это время, так дней десять, мне все чудилось и мерещилось, как проваливается и со страшным шумом и треском ломается и рушится все христианство, поверившее Константину Великому с его кровавым кощунственным лозунгом: «Сим победиши». А эти слова, «сим победиши», точно громовой раскат целый месяц носились над моей головой, и они ни днем ни ночью не давали мне покоя. Ложусь ли я спать или встаю, молюсь ли я Богу или что-нибудь делаю, эти злополучные слова, «сим победиши», все время неотвязчиво преследовали меня. С этого момента я понял, что первая, страшная, адская волна оязычения христиан вырвалась из бездны ада и покатила по всему христианству, через Константина Великого. Это факт несокрушимой, исторической правды! Несколько лет назад я часто искал самый главный и основной корень всеобщего, стихийного упадка христианской жизни, и я нигде его не мог найти. Теперь же я его нашел; и нашел его в современном христианском государстве и в государственном, церковном, предательском духовенстве, как в самом пастырстве и представительстве всего христианства!

И вот я, один из таковых духовных представителей, понял себя и понял на сорок третьем году своей жизни, что я открыто враждую и воюю против Христа и своею антихристианской жизнью проклинаю учение Христа о жизни, и что я, как священнослужитель Христовой Церкви, почти всю свою жизнь гоню Самого Христа из Его Церкви и не только гоню, но всячески всем своим существом натравливаю и Самую Церковь на того же Самого Христа! Вот какова была моя обязанность, как

пастыря Православной Церкви. Она была строго всегда выполняема мною в моих жестоких отношениях к Самому христианскому Богу. Положа руку на сердце, я должен сказать то, что я все двадцать три года моей жизни жил только для того, чтобы всегда сознательно сатанеть против живого Христа, быть Его врагом и злейшим палачом! В самом деле я, как священнослужитель, благословлял смертную казнь, благословлял суды и сам в них участвовал, благословлял присягу и сам присягал не раз, благословлял брачный развод, благословлял земную собственность и сам ее имел, продавал Христа и торговали Им!!! В интересах же государства я Кровью и Телом Христа замазывал политические щели; и как миссионеру мне приходилось, в интересах того же самого государства, недостойными христианина средствами приводить иноверцев к Православной Церкви; и как проповедник я почти всю свою жизнь низводил Евангельское учение Христа на степень государственной политической жизни с ее враждебными интересами против моего христианского Бога. Вот в этом и заключается мое практическое отречение от моего возлюбленного Христа. Страшно! Все это я, как священнослужитель, совершал в угоду мира сего, и совершал столько лет! О, да будет, да будет проклято, навеки проклято такое пастырское служение Христу! Да сгинет, навеки сгинет такая адская церковная пастырская маска всякого лицемерия и вражды против Спасителя мира! О, да исчезнет с лица земли такое христианское священство, которое в себе самом скрывает истинное предательство Христа и кровавое жестокое палачество против Сына Божия! Особенно когда я вспоминаю Нагорную проповедь Христа и становлюсь с нею лицом к лицу, то каждый раз я чувствую себя несравненно дальше ушедшим от Бога, чем сам дьявол. И я, как вершитель тайн Христовых и как пастырь Церкви, ни перед чем так не повинен из всех учений Евангелия, как перед Нагорной проповедью Христа. Пусть это для многих покажется смешным, может быть даже странным, но это так. Я прекрасно знаю и об этом же в сей исповеди я не раз говорил и сейчас говорю, что Нагорная проповедь есть безусловный, как Сам Бог, закон христианской жизни, без исключения данный для всех христиан. Она есть чистая обнаженная святая воля Бога Отца. И вот я, как представитель Церкви, никогда не осмеливался проводить ее в гущу общественной жизни людей, потому что я боялся проводить ее в жизнь народную. Под разными фарисейскими и иезуитскими предложениями я всячески старался о ней умалчивать. Если же в силу тех или иных случаев и приходилось мне о ней говорить, то я в таких случаях всегда ослаблял и разжижал ее смысл и умалчал ее значение в жизни христиан. Я часто называл ее отдаленнейшим, недостижимым и даже совершенно оторванным от современной жизни идеалом, а иногда в целях самооправдания своей греховной жизни просто придавал ей свой собственный искаженный смысл. И все это я делал только для того, чтобы притупить свою совесть перед учением Христа. Теперь же я твердо и бесповоротно решил жить не так, как жил я прежде, а так жить, как говорится в Нагорной проповеди. Теперь я твердо убедился и в том, что Нагорная проповедь есть прямой путь к Иисусу Христу, другого пути к Нему нет и никогда не будет. Она дана нам Христом как единственный закон Божьего Царства на земле. Нагорная проповедь есть и в то же время самый верный пробный камень истинной живой веры во Христа без исключения для всего христианства. Она есть вернейший экзамен всей христианской жизни. Кто считает себя христианином и не живет по Нагорной проповеди, тот лжец, лицемер и открытый язычник. Пусть он будет сам святейший папа, сам святейший патриарх — наместник Христа, пусть он будет величайший подвижник на земле, пусть он сам своим словом будет воскрешать мертвых, творить чудеса, переставлять с места на место горы и т. д., но если он не живет по Нагорной проповеди Христа, он жалкий фигляр и крещеный антихрист. В такой антихристианской жизни и я, священнослужитель и проповедник Православной Церкви, прожил двадцать три года! Во все эти страшные для меня годы моей жизни я был самым отъявленным и ожесточенным врагом Христа, ибо я сознательно шел против моего Господа и во всякое время на каждом месте изменял Ему. Ах, Боже мой, страшно даже подумать, до чего я дожил.

И вот когда после виденного мною немецкого аэроплана с черным крестом внизу я вернулся во Врангелевку в первую школу прапорщиков, я несколько ночей подряд уходил в лес и там предавался горячей молитве и глубокому размышлению о том, что со мной совершилось и что мне теперь нужно

делать. В это время я очень благодарил моего возлюбленного Христа за Его великую ко мне милость. «Боже мой, — говорил я, — за что, за какое доброе дело Ты спасаешь меня? Господи! Что я такое сделал пред Тобою, что Ты так милостиво и любовно оглянулся на меня, не постыдившись грехов моих, Ты протянул ко мне Свои святые руки? За что? За что же Ты, Господи, так стал близок ко мне? Ты ведь Сам, Господи, знаешь, что я грешен плотскими пороками: я завидовал ближним, я ненавидел людей, я творил многим людям пакости, я лгал, я обманывал, я, как священнослужитель, предавал Тебя поруганию и торговал Тобою; я всю свою жизнь изменял Тебе, хулил Тебя, издевался над Тобою, в военное же сие время я ради народной всемирной человеческой бойни Твоим именем натравливал одних христиан на других, с Евангелием и Чашей в руках я вдохновлял воинов на убийства подобных им христиан и каждый раз, служа Божественную литургию, далеко реже произносил Твое имя, Сладчайший мой Спаситель, чем имена и титулы имущих власть мира сего. Я за великим выходом Божественной литургии в самый страшный момент Твоей Голгофы кощунственно ставил Тебе в обязанность, чтобы Ты, Царь мой Христос, эту распинавшую и донныне распинающую Тебя земную власть со всем ее кровожаднейшим христоролюбивым воинством принял в Свое Царство Небесное и принял только за то, что она власть и что как таковая она всегда распинала и донныне распинает Тебя. Господи, я гордился, тщеславился, с презрением относился к нищим, блудным и т. д. И вот после таких ужаснейших моих грехов Ты вдруг оглянулся на меня и спас меня. Теперь после столь долголетней разлуки с Тобою, мой Господи, я еще больше и горячее прежнего буду любить Тебя. О, как я буду любить Тебя, Царь мой Христос! С сегодняшнего дня я заявляю всей вселенной, что меня от моего Христа ни государство со своими тюрьмами, сумасшедшими домами, высылками в Сибирь, смертными казнями, ни сама Церковь со своими отлучениями и постыдными проклятиями не отлучат от моего Спасителя. Отныне я христианин! я христианин! О, я христианин!»

Так я молился своему возлюбленнейшему Господу. В эти самые ночные часы молитвы я сидел на пни и предавался размышлениям. Я думал, что нужно мне начать совершенно новую жизнь, жизнь согласную с учением Христа, а для этого мне нужно обязательно и окончательно порвать всякую связь с прежней своей жизнью и со всеми ее земными благами. При помощи Христа это сделать нетрудно. Прежде всего я должен буду оставить должность военного священника, должность церковного палача, кощунника и вдохновителя убийства и травителя не на жизнь, а на смерть одних христиан на других. Но этого мало. Мне нужно теперь за собою всячески закрепить духовную позицию. Для этого необходим с моей стороны решительный подвиг в деле укрепления себя в Боге: прежде всего должны быть пламенная молитва, сердечная вера и самоотверженная любовь ко Христу, а затем необходимо решительное с моей стороны исповедание перед всею Церковью всех тех христианских принципов, которые должны будут лечь в основу моей личной религиозной жизни. Может быть, за это мне придется и лишиться сана, лишиться священства, лишиться свободы... Но что же, во имя защиты попоранного учения Христа, во имя Его Нагорной проповеди я должен все это с великой радостью мужественно переносить. Особенно мужественно придется мне переносить всякую грязь, самую вонючую, липкую грязь и всякие помои от самого духовенства. Ни одна в мире каста людей так мастерски не способна грязнить и обливать всякого рода отбросами и помоями учеников Христовых, как каста священнослужителей алтаря Христова. И вот теперь я должен быть на все это готов. Может быть, через эти страдания, какие за учение Христа выпадут на меня, Христос простит мне мои прежние грехи. В самом деле, мне ли не страдать ради Христа, когда я почти всю свою жизнь распинал Его и служил дьяволу?.. Ведь нужно только подумать, во что я обращал Христа! Меня еще никто в рабство не продавал, а я сколько раз предавал своего Христа, своего Бога в рабство государству, в рабство церковной языческой традиции, в рабство сильному миру сего, в рабство земным интересам... Меня еще никто не лишал человеческих прав, а я почти всю свою жизнь тем и занимался, что, как священнослужитель, обезличивал Христа своей жизнью, оскорблял Его своими поступками и своим кощунственным священнослужением и все время стремился лишать Его божественных прав! Конечно, не составляет никакого труда языком называть Христа Богом, молиться

Ему, служить литургию, говорить проповеди и даже о Нем писать многотомные книги. Все это может быть хорошо, но это еще не есть христианство, не есть истинное ученичество Христа, не есть истинное служение Христу. Истинное ученичество, истинное служение Христу заключается в бесповоротном решительном самоотречении ради Христа и следовании за Ним самыми делами, самую жизнь по Нагорной проповеди Спасителя. А пока этого нет, то нет ни христианства, ни хоть какой-нибудь самой малой верности Христу!

Так размышлял я тогда, и в это время лезли в мою голову и другие мысли, мысли малодушия и страха. В это время мне думалось: вот как стану я жить по Нагорной проповеди Христа, то станут меня люди гнать, будут лишать куска хлеба и придется мне тогда где-нибудь умереть голодной смертью.

На эти черные мысли я говорил: «Отныне я твердо и непоколебимо верю, что Христос есть Бог и Царь всей вселенной. Ему принадлежат и небо, и земля, и солнце, и луна, и звезды, и все, что живет и пребывает в них. Вся вселенная есть Его собственность. Поэтому где бы я ни был, что бы я ни делал, Христос всегда со мною, и я имею всегда открытый к Нему доступ, я всегда могу обо всем Его благодарить, просить как своего родного Отца, родного Спасителя, родного друга, Его любить и к Нему обращаться. Поэтому я всецело отдаю себя Его святой воле». Прежде я, как и все подобные мне государственные христиане, думал, что власть Галилейского Учителя Христа не простирается на землю, что на земле судьбой христианской жизни вершат цари, Его церковные наместники, всякого рода начальствующие лица, а не Сам лично Христос, что на земле в нашей жизни нет места Христу, что Его власть будет распространяться над жизнью человеческою исключительно только в загробном мире, теперь же я узнал, хотя и поздно, но все-таки узнал, что если на самом деле в нашей жизни нет Христа и нет Ему места среди нас, то это именно лишь потому, что мы, христиане, сами добровольно отвергли Его, как своего единственного христианского Царя, и предпочли Ему земного кесаря с его кровавою землею властью и вообще со всем: горем, печалью и соблазнами мира сего! Мы, христиане, сами добровольно отвергли и Его святое Евангелие, в частности Нагорную проповедь, как безусловный закон христианской жизни и предпочли Евангелию римские языческие законы, мы, христиане, сами добровольно отвергли Царство Божие и предпочли ему царство смерти, царство насилия, царство страстей и пороков мира сего! Мы, наконец, христиане, сами добровольно отвергли жизнь по учению Христа и предпочли ей жизнь языческую, жизнь мучения, всякого рода страдания, слез, насилия, братоубийства, убийства, лжи, лицемерия, фальши, пустосвятства, самоправедности, ужаснейшего коммерциализма и других бесчисленных преступлений. Отсюда и происходит всякое зло на земле, всякие бедствия нашей земной жизни. А современные же церковные богословы перенесли все христианство в мир одних голых и отвлеченных понятий. Они и до сего времени всячески стремятся пером и словом фабриковать проходной паспорт Христу с указанием Ему Его местожительства не на земле, не в жизни людей, а только на небе. Отсюда и происходят все ужасные бедствия нашей земной жизни и всякое сатанинское нечестие и дьявольское зло на земле. Так христианство много веков живет без Христа. В жизни христиан место Христа заступила государственная власть, заступила место христианского Бога национальность, заступила место Христа языческая цивилизация. И с какою ревностью христиане поклоняются этим страшным своим идолам! И какие ужасные им воздают божеские почести, и как им часто добровольно приносят в жертву свою собственную жизнь, жизнь своих детей, жизнь своих братьев и сестер!!! И время от времени во имя этих идолов устраивают кровавую тризну, так называемую народную бойню или войну. И какую страшную тризну! И кто же все это устраивает? — устраивают такую страшную кровавую тризну этим идолам исключительно христиане! Страшно даже подумать: десятки миллионов живых человеческих жертв те же самые христиане закалывают и приносят в честь этих людских идолов! И смотрите, кого, кого только тут нет возле и около этой ужасной кровавой тризны! Здесь стоят, радуются и утешаются ею цари, короли и все сильные мира сего! Здесь танцуют от восторга и радости при виде кровавого болота людских жертв всякие капиталисты, купцы, коммерсанты! Здесь стоят и представители Церкви Христовой, одни из них стоят с Крестом и Евангелием в руках, во весь рот кричат о том, чтобы как

можно больше заколоть людей для этой страшной тризны, другие с чашей в руках кропят кровавое поле военного сражения Телом и Кровью Христа и говорят: «Во имя Отца, во имя Сына и во имя Святого Духа, да здравствует война! Да процветает массовое убийство людей! Да проливается кровь людская и да торжествует смерть! смерть! смерть!» О, да будет, будет предано вечному забвению такое изолгавшееся и излицемерившееся священство! О, да будет, да будет такое богопротивное папство раз навсегда жертвой смерти и вечного наказания гнева Господня! О, Боже, страшно даже и подумать, во что превратилось христианство! Тут я не раз вспоминал про каторжанина, который как-то в бытность мою на каторге, стиснув зубы, злобно сказал: «О, если бы я имел возможность погубить мир, то я не задумывался бы растолочь его в порошок и весь его развеять по пространству». Конечно, не мир сам по себе гадок, нет, а мы, люди, да какие еще люди — христиане! Да, страшно! Всюду весь воздух пропитан трупным запахом человеческого мяса и человеческой крови! Всюду насилие, всюду печаль, всюду слезы и всюду одно несмолкаемое горе и людское проклятие. Сам Христос хоть и считается христианским Богом, но Он, несмотря на это, и миллионной частички той любви не достаивается, какую христиане жертвуют своим земным кровавым идолам.

И вот, когда посмотришь на всю такую страшную христианскую жизнь, то невольно подступают к горлу слезы, и хочется плакать, и хочется рыдать, и сквозь рыдания хочется всем людям кричать и кричать во всю мочь: «Люди! что вы делаете? опомнитесь! Люди! отрезвитесь от этого страшного кошмара братоубийства и опьянения великим злом! Люди, придите в себя и познайте всю гибель и опасность вашей жизни! Люди, бросьте вы ваших земных смертоносных идолов, отвернитесь от них и раз навсегда знайте, что эти ваши идолы окончательно погубят вас! Люди, вернитесь ко Христу, Богом молю вас, вернитесь к Нему, иначе вы все без Христа неминуемо погибнете, и погибнете ужасною смертью. Ведь один только Христос имеет власть, Он один имеет всемогущество, чтобы спасти всех нас как от настоящих, так и от грядущих страшных бедствий, надвигающихся на сынов всякого греха и беззакония. Пока еще не поздно, опомнитесь, люди, и скорее покайтесь, измените жизнь свою и поспешите ко Христу». Хочется также с раздирающимся от боли сердцем обратиться ко всем представителям Церкви и далеко громче кричать им, чем всем людям: святейшие папы, патриархи, митрополиты, епископы, отцы Церкви Христовой! Что мы делаем? Что мы спим непробудным летаргическим сном беспечности? Христианство гибнет! Слышите? Христианство гибнет! Со дня на день оно умирает и совершенно оязычивается! Где же мы, пастыри овец Христовых? Чем мы все заняты? Что нас так сильно отрывает от Христа и влечет к земле? Деньги? Слава? Гордость? Сытая беспечная жизнь? О, как все это недостойно христианина! Я опять спрашиваю всех вас, не исключая и самого себя, с тяжелою скорбью сердца спрашиваю вас: зачем все мы отвернулись от Христа и предпочли Ему, своему живому Богу, кратковременные блага мира сего? Зачем мы более заняты политикой, комерсализмом, государственными делами, партийными политическими течениями общественной жизни, всякого рода интригами, насилиями мира сего, чем Самим Христом, чем Его святым Евангелием, чем продолжением Его дела на земле? Зачем мы более заняты постыдной торговлей Христом, торговлей небом, чем самоотверженной любовью ко Христу и послушанием Его Святому Евангелию? Зачем мы отвернулись от подлинного нашего христианского Царя и предпочли Ему земного кесаря? Зачем мы учение Христа заменили преданиями и обычаями нашей языческой жизни? Зачем мы при помощи имущих власть мира сего вырвали Нагорную проповедь из Евангелия и выбросили ее за борт нашей христианской общественной жизни? Зачем мы чаще других языком своим произносим имя Христа, а своею жизнью больше всех оскорбляем и огорчаем Господа? Зачем мы проповедуем мирянам то, от чего сами обеими руками отреклись? Зачем мы более заняты мертвыми, чем живыми христианскими душами в деле их спасения? Зачем мы служим молебны тем святым, которых мы же сами, священнослужители, гнали, ссылали в тюрьмы, сжигали на кострах и считали их за богоотступников? Зачем мы из-за корыстных целей и постыдного властолюбия на протяжении целых веков враждуем между собою и анафемствуем один другого: папы патриархов, патриархи пап? Зачем мы из-за властолюбия на части разорвали Церковь Христову и до сего дня

натравливаем одну часть ее на другую! Пастыри Церкви Христовой! Что это с нами делается? Ах, хоть бы мы постыдились язычников! О, ужас, до чего мы дошли! В одной части Церкви христиане совершенно лишены возможности, по капризу и постыдной кастовой гордости своих священнослужителей, причащать своих младенцев и самим причащаться (миряне) под двумя видами Тела и Крови Господа нашего Иисуса Христа, лишены богослужения на своем родном языке, лишены даже права читать святое Евангелие! В другой части Церкви Христовой те же представители Церкви лишили мирян возможности слышать евхаристические молитвы при богослужении, лишили мирян права принимать прямое участие в выборах епископов и пастырей Церкви, лишая своих прихожан права жить по нравственным богосыновним Евангельским принципам учения Спасителя, а самое главное — это то, что мы, пастыри Церкви Христовой, лишили своих пасомых христиан возможности жить по Нагорной проповеди Христа! Мы далеко выше и дороже Нагорной проповеди ставим почитание икон, почитание святых мощей, почитание канонических церковных правил и преемственность священства. О, каким же ляжет на нас страшным небесным проклятием праведный гнев прогневанного нами Бога! О, как внезапно страшным громом падет на наши лжепастырские головы проклятие Божие! Оно падет за сознательную нашу измену Господу, и падет скоро! Пастыри Церкви Христовой! со слезами молю вас, покаемся и изменим наше отношение ко Христу. Мы ведь как перед Богом, так и перед людьми, нашими пасомыми, до мозга костей изолгались, измельчали, исполитиканились. Пастыри Церкви, покаемся, изменим свою жизнь и последуем Христу! Так хотелось бы мне день и ночь кричать во всеуслышание всей Церкви Христовой, а особенно ее представителям. В самом деле, я не раз задумывался над тем, что у нас, в нашей Православной Церкви, а также в католической в настоящее время принято думать, что если мы получили дар священства, то благодать сего таинства всегда, до самой смерти остается с нами неотъемлемо от нас, и на этом мы, священнослужители, спокойно и почиваем, дальше этого формального благодатного священства своего мы и не идем. Такое отношение к священству не будет верным и истинным с точки зрения Евангелия. Нужно всем нам знать и знать твердо, что священство, как таковое, не столько связано историческою своею преемственностью, сколько органически связано и обусловлено живым, творческим ученичеством Христу. Только одни ученики Христа имели власть прощать и разрешать грехи людские.

Только живое ученичество учеников Спасителя и облекло их властью священнодействия в Церкви Христовой. Без живого, творчески прогрессивного ученичества Христу никакого священства на земле нет и никогда не будет: для того же, чтобы быть живым, действительным учеником Христовым, священнослужителю, пастырю Церкви, нужно больше, чем обыкновенному христианину до самой своей смерти жить по Его учению, в частности жить по Нагорной проповеди Христа и, наконец, до самой своей последней минуты жизни всегда отвечать живой практической деловой любовью на любовь Христа к нам.

После нескольких таких проведенных мною молитвенных ночей я решился писать свою исповедь Священному Синоду. Иначе поступить я не мог, слишком исстрадаюсь, слишком измучилась, издергалась душа моя. Я начал писать, но не было у меня в то время никого, с кем можно было поделиться по душе всем мною переживаемым. Я писал по поводу своей исповеди одному своему близкому другу в Одессе, но письмо это было перехвачено жандармским полковником и переслано житомирскому архиепископу Евлогию. Тогда я по этому же делу обратился в Киев к одному своему другу; и вот только он один в страшное время моей душевной трагедии простер ко мне свое сердце и христианские руки. Любовь его ко мне была не только дружеская, но, можно сказать, отеческая, что было для меня очень и очень ценно. Сей мой душевный искренний друг почти целый год убеждал меня воздержаться от подачи моей исповеди Синоду, прося меня подождать церковного Собора. Я был покорен его отеческому и дружескому совету.

Наступил наконец момент, когда Собор собрался в Москве. Я этому Собору очень радовался. Мне все казалось, что соберется Собор церковный в самом сердце матери нашей России и двинется он со всей московской русской святыней в славный Кремль и там в тяжелую годину мировой войны и русской революции повернется лицом к Востоку и, пав на колени, скажет измученной, исстрадавшейся своей родине: «Русь святая! Прости, прости нам всем, пастырям Церкви Христовой, все наши грехи и беззакония, прости нам, страдальца наша, все наши церковные преступления пред Богом и перед тобой! Мы недостойные пастыри, мы наемники, мы только одни виновны в твоих тяжких страданиях и неслыханных твоих муках. Мы, благодаря своей беспечности и безбожной корыстной алчности, погубили тебя. Прости нас, многострадальная Русь святая! Отныне мы вместо наемников будем твоими истинными пастырями, отныне из царских слуг превратимся в истинных и верных слуг единого христианского Небесного и земного Царя, Господа нашего Иисуса Христа. Отныне мы зажжем свет Христов в своей личной жизни, а затем уже и в Православной Церкви Христовой и рассеем мрачную тьму всеобщей нашей языческой жизни». После такого открытого покаяния церковного Собора несомненно вздрогнула бы вся Россия и, пораженная примером своих пастырей, прекратила бы все междоусобные партийные политические раздоры и последовала бы образу покаяния церковного Собора. Но увы! Собор не только не думал в своих прежних грехах каяться, но он решил еще от имени всей Церкви Христовой совершить новое неслыханное преступление: он решил на кровавом болоте христианских трупов и на костях своих православных чад создать прочную и счастливую жизнь Православной Церкви. Вот его неслыханное преступление:

Священный Собор православной российской церкви всероссийским христоролюбивым воинству и флоту

Мы, архипастыри и выборные от всей Российской православной Церкви пастыри и миряне, собрались на Всероссийский Собор, чтобы обновить всю нашу духовную жизнь. Священный долг Собора обязывает нас прежде всего обратиться к вам, христоролюбивые воины, защитники и Церкви и Родины нашей, со словом правды. Примите эту правду с миром; она исходит из страдающих за Родину сердец, она внушена и растворена любовью.

С болью душевной, с тяжелой скорбью Собор взирает на самое страшное, что в последнее время выросло во всей народной жизни и особенно в армии, что принесло и грозит еще принести отечеству и Церкви неисчислимыя беды. В сердце русского человека стал затуманиваться светлый образ Христов, начал гаснуть огонь веры православной, начало слабеть стремление к подвигу во имя Христа. Что поддерживало наш народ, что утешало и укрепляло его во дни великих испытаний среди многих скорбей тяжелой доли, что вдохновляло нашего воина служить до смерти, страдать не укоряя, умирать благословляя — Образ Христа Страдальца, распятого за грехи человечества, примеры шедших по стопам Христа подвижников и страдальцев, заветы и благословения Церкви Святой. Начало все это меркнуть в русских сердцах, — непроглядная тьма окутала русскую землю, и стала гибнуть великая, могучая Святая Русь.

Кто изобразит весь ужас нынешнего нашего положения. Внутри страны — разруха, на фронте — измена. Сбитые с толку предателями и шпионами, злостно обманываемые врагом, целые полки оставляют позиции, бросают оружие, предают товарищей, сдают города, дарят врагу огромную добычу, над мирными жителями чинят гнусные насилия. Среди воинов немало таких, что смеются над законом, глумятся над доблестью, издеваются над подвигом, избивают начальников, изменнически братаются с врагом и в то же время злодейски в спину расстреливают идущих на бой своих же героев. Неслыханное на Руси, как она стоит, дело: наши войска, своею доблестью удивлявшие мир, ныне становятся посмешищем, игрушкой для врага и ужасом для своего же тыла. Немецкие шпионы и наемники и наши предатели и изменники из тыла отравили у армии ум и вырвали сердце.

К этим преступникам Всероссийский Собор обращает вопль исстрадавшейся души своей.

Вы, забывшие Бога и совесть, растлители в войнах чистой веры, убийцы их духа, разрушители устоев, на которых доселе крепла и развивалась воинская мощь и сила, ужаснитесь вашего сатанинского дела!

Горе тому, кто соблазнит одного из малых сих (Мф. XVIII, 6), а вашим ядом отравлены целые полки: может быть, на всю жизнь развращены у многих сердца. За ваше безумие Родина уже заплатила врагу теми ужасными поражениями, которые он так легко, без жертв и усилий нанес нам на нескольких наших фронтах. Вы виновники тех бесчисленных жертв, которые в последнее время принесены лучшими сынами Родины, павшими не только от вражеских, но и от своих мечей и пуль. Вы сделали то, что надежда России, ее богатырь-солдат теперь для многих мирных граждан стал предметом ужаса и отвращения. Вы будете виновны, если сраженная Россия склонит свою голову, лишится своей свободы и подпадет под немецкое рабство, которое сильнее татарского придушит народ, вас же и ваших детей и внуков. Если вы делаете это по неразумению, раскайтесь и принесите плод, достойный покаяния. Верните армии то, что вы безбожно отняли у нее, — ее могучий дух. Если вы делаете это по злему умыслу — горе вам! Придет пора, что преданный вами народ, — народ прозревший, наученный великим страданием, пойдет и жестоко осудит вас. Духи замученных, зарезанных, расстрелянных по вашим наветам и советам своими же братьями наших героев долга призовут вас к суду Всевышнего. Кровь бесчисленных мучеников, наших воинов, пролитая в эту войну, падет на вашу голову. Опомнитесь! Ведь и вы сыны Родины! Ужель мучения и смерть матери не трогают вас? Ужель ее проклятие не страшит вас?

Обманутые врагами и предателями, изменой долгу и присяге, убийствами своих же братьев, грабежами и насилиями запятнавшие своей высокое священное звание воина, — молим вас, — опомнитесь! Загляните в глубину своей души, и ваша, придушенная вражскими наветами совесть русского человека, христианина, гражданина, может быть, скажет вам, как далеко вы ушли по ужасному, преступнейшему пути, какие злоецие, неисцелимые раны нанесли вы Родине — матери вашей. Ужели вы хотите свое благополучие построить на развалинах и пожарище Святой Руси? Иль вы думаете свое личное счастье купить гибелью Родины? Не может быть счастья изменнику, предателю. Ужасно Каиново счастье! «Нет мира нечестивым, говорит Бог мой» (Пс. LVII, 21). Молим вас: вернитесь к Богу, к правде, к своему великому долгу.

А вы, малодушные, слабовольные, колеблющиеся, в чьем сердце еще борются свет и тьма, долг и бесчестье, мужество и трусость, вы, увлекающиеся ветром всякого учения, взгляните на истерзанную, опозоренную, попираемую врагом Родину свою. Свободе народной грозит гибель; враг готовится захватить новые пространства исконной русской драгоценной для народа земли, самому народу грозит тяжкое немецкое рабство. Не время теперь колебаться. Преступно всякое малодушие и бездействие, когда неисчислимы бедствия надвигаются на родину. «Укрепите ослабевшие руки и колени дрожащие. Скажите робкой душе: будьте тверды, не бойтесь, вот Бог наш. Он придет и спасет вас» (Пс. XXXV, 4). Твердо станьте в ряды! Станьте в ряды великих защитников Святой великой Руси! И тогда благословит нас Господь.

Теперь вы, верные своему долгу и делу, доблестные, славные наши воины, примите слово любви из глубины нашего израненного сердца.

На ваши плечи легла главная тяжесть выпавшего на долю России креста. Ваши же братья за вашу любовь к Родине платят ненавистью, за вашу правду отвечают клеветой; глумятся над вашей доблестью, за вашу верность долгу обливают вас грязью или вашей же кровью; за ваши подвиги избивают и расстреливают вас. Невыразимо тяжел ваш крестный путь. Но знайте, что с вами и за вас вся верующая страдающая Россия; с вами все верные сыны ее. Знайте, что для нас священна каждая капля вашей крови, как крови мучеников за други своя! В вашем мужестве и подвигах Родина черпает веру, что не погибнет она, доколе есть у нее верные сыны, идущие на страданья и мученья за нее. Прославляем ваши страданья, целуем ваши раны, преклоняемся пред величием вашего духа. Да

будут на веки благословенны ваши имена! «Бог всякой благодати да совершит вас, да утвердит, да укрепит, да сделает непоколебимыми». (Петр. V, 16).

Воины русские! Вам великий русский народ вверил самого себя, свое достояние, свои святыни, свое будущее, свое счастье. В ваших руках, в вашей воле жизнь и смерть народа: вы одни можете или спасти и возвеличить или святотатственно затоптать и похоронить и нажитую предками славу и народную свободу.

Враг у дверей. Он уже подбирается и к киевским святыням, и к северной столице. Великая Россия у края гибели... Родина зовет вас, — спасите ее!

Идите, братья, спасать!

Забудьте партийные споры и счеты. Простите обиды. Как братья, как дети одной матери, протяните друг другу руки прощения. Слейтесь в одну дружную семью, могучую любовью к Родине и во имя Христа готовую на всякие жертвы для спасения ее.

К Богу, к молитве, к покаянию, к труду, к братской любви и к прощению друг друга, к жертвам, к подвигам. Именем народа, пославшего нас, именем наших предков, строителей отечества, священной властью Собора, именем Божиим зовем, заклинаем вас и со слезами молим Господа да простит все ваши прегрешения, укрепит и умудрит вас, сердца заблудших на путь правды обратит, спасет и помилует вас и всю Русь Святую, яко благ и человеколюбец.

Прочитав это глубоко возмутительное соборное послание воинам, я пришел в неопиcуемый ужас. Боже мой, говорил я сам себе, да где же теперь на земле находится Твоя святая Церковь? Я думал, что Собор этот своим церковным авторитетным словом воскресит древнее христианство, приступит к строительству Царства Божия, царства мира на земле. Я думал, что христиане, как только услышат от Собора призыв к Евангельской мирной Христовой жизни, то сразу перекуют мечи на орала и копья свои на серпы и не поднимет народ на народ меча и не будут более учиться воевать (См.: Ис. 2:4).

Читая в начале послания: «мы, архипастыри и выборные от всей Российской Православной Церкви пастыри и миряне, собрались на всероссийский Собор, чтобы обновить всю нашу духовную жизнь», можно думать, что Собор прежде всего приступит к строительству того желанного внутреннего образа церковной жизни христиан, о котором пророк Исая говорит: «тогда волк будет жить вместе с ягнёнком, и барс будет лежать вместе с козлёнком; и телёнок и молодой лев будут вместе, а малое дитя будет водить их. И корова будет пастись с медведицей, и детёныши их будут лежать вместе. И лев, как вол, будет есть солому. И младенец будет играть над норою аспида, и дитя протянет руку свои на гнездо змеи. Не будут делать зла и вреда на всей святой горе моей; ибо земля будет наполнена ведением Господа, как воды наполняют море». (Ис. 11:6–9).

Но увь! Собор не этого хочет, он хочет крови, он хочет острия меча, он хочет спасти Россию ее же смертью; он хочет, чтобы все русские крестьяне перековали и сошники, и косы, и вилы, и серпы на одни мечи; он хочет и ягненка сделать волком, и козленка барсом, и теленка, и вола свирепым львом, и молодое дитя страшным зверем, и корову со своим детенышем медведями, и вола заставить есть пищу льва. Он хочет и младенца сделать аспидом, он хочет, наконец, одного зла, зла и зла!

Не буду разбирать по косточкам этот языческий труп — послание церковного Собора христоролюбивым воинам, скажу лишь только одно, что оно наполнило душу мою глубокою скорбью. Я не раз после этого спрашивал себя: где же теперь после такого кровавого, освящающего собою человекоубийство, соборного послания Христова Церковь? Я знаю епископальную церковь, мне известна лютеранская церковь, но ведь все эти церкви — церкви сильных мира сего, церкви государства, церкви государственных чиновников, одним словом, церкви насилия, мщениия, убийства, вообще, всякого зла на земле; я же ищу Христову Церковь, ту Церковь, в которой находились бы Сам лично живой Христос, полнота Христова Духа, жизнь по учению божественного Евангелия и свобода человеческого духа, осуществляющего в себе и через себя, во всей полноте, жизнь Христову в

соборной апостольской церковной жизни. Где же она, матушка? где же она, кормилица наша? — Несколько дней я отчаянно рыдал, скорбел душой и наконец решил послать на этот самый церковный Собор следующую мою исповедь.

V

Святейшему Всероссийскому Церковному Собору: Исповедь моей души

Беру смелость покорно просить Всероссийский Церковный Собор выслушать исповедь моей души и выслушать до конца.

Дело в следующем:

Последняя война с немцами произвела во мне коренную переоценку всех моих ценностей. Она перевернула во мне все вверх дном. Все, что прежде казалось мне жизнью, теперь стало смертью, и многое, что казалось смертью, стало жизнью.

Эта ужасная мировая война камня на камне не оставила во мне из прежних моих всех ценностей. Такая коренная переоценка произошла во мне при следующих обстоятельствах: в один из дней военного времени, при посещении мною дружин 77-й Ополченческой бригады, расположенных на разных участках для охраны железных дорог, на одном из таковых в мое присутствие появился немецкий аэроплан с черным крестом внизу. Я весь впился в него глазами. Через несколько минут нижняя часть аэроплана стала делать быстрые уклоны вниз; это были моменты, когда он бросал бомбы из продольной конечности черного креста. В этот момент мне припомнились знаменательные слова четвертого века: «Сим победиши»! Когда же я припомнил эти слова и мысленно произнес их, то вдруг, в этот самый момент я понял смысл и значение этих ужасных слов, понял и едва не обезумел от ужаса. Да ведь эти слова «сим победиши», говорил я сам себе, совершенно тождественны и однородны по своему внутреннему смыслу и значению с третьим искушением Христа в пустыне: «Тебе дам власть над всеми сими царствами и славу их, ибо она предана мне и я кому хочу, даю ее, итак, если Ты поклонись мне, то все будет Твое» (Лк. 4:6–7).

В основе сего третьего искушения и в словах «сим победиши» лежит одна и та же воля дьявола, стремящегося к торжественному побеждению Христа и к ниспровержению Его Царства на земле чрез реальное слияние с идеей земной власти кесарей и Его божественного царства с царствами мира сего. В словах «если ты поклонись мне» дьявол ставит условия Христу. Мир и слава его может быть неотъемлемою собственностью Иисуса, если Он решится подчиниться духу мира сего и служить ему. Христос, как враг всяких религиозных компромиссов, со страшным возмущением души Своей отверг от Себя это искушение и как Победоносный Триумфатор торжественно вышел из этого утонченного коварного соблазна. «Отойди от меня, сатана», — сказал ему Иисус в ответ. «Господу Богу Твоему поклоняйся и Ему Единому служи» (Лк. 4:8). Этот ответ сатане был живым эхом всей земной жизни Христа. Христос, как в Своей личной жизни, так и в жизни Своих последователей никогда не терпел самых малейших компромиссов между исполнением воли Своего Отца и миром. Его жизнь на земле была совершеннейшим Самоотречением во имя любви к Своему Богу. Бог Отец для Него был бесконечно дороже и реальнее мира и Собственной души Его.

Точно такой святой жизни Он учил и Своих учеников. Прежде всего Иисус безусловно требовал лично к Себе такой самоотреченной любви, пред которой естественная любовь к родителям, жене, детям и собственной своей жизни в сердце христианина изменилась бы в ненависть к последним. Без такой любви ко Христу никто не может быть Его учеником. Ни один христианин не может быть христианином, если его жизнь в чем-либо разнится от жизни Самого Христа. Воля Христа должна быть волею всякого христианства. Христос должен занять самое центральное место в сердце своих последователей. Такою Христовою жизнью жили христиане первых трех веков. Для них кроме Иисуса Христа не было другого царя и не было другой власти ни на небе, ни на земле.

Примат Христовой власти «Дана мне всякая власть на небе и на земле» (Мф. 28:18) был для них безусловным живым и непреложным законом в их жизни.

Христиане первых трех веков кроме Царства Божия, которому они принадлежали, как граждане «не от мира сего», других земных царств не знали и никаких римских противоречащих Евангелию законов не принимали и ими в своей жизни не руководились. Для них законом было одно святое Евангелие и только Евангелие, и им единым они руководились в своей личной, семейной и общественной жизни. Они так любили своего Господа и Его святое Евангелие, что за самоотверженную любовь свою ко Христу всегда подвергались всяким насмешкам, грубым и циничным издевательствам, изгнаниям, лишениям собственного имущества, всякого рода пыткам и даже мученической смерти. Несмотря на все это, они всех любили, ни на кого не гневались, ни с кем не судились, не блудили, не разводились в своей семейной жизни, за зло платили добром, не клялись, никому не присягали, не воевали, от врагов не оборонялись, на народности не делились, за своих злодеев молились и всем людям делали добро; на всех людей без исключения национальности, вероисповедания, пола и возраста они смотрели как на детей Единого Живого Отца-Бога. Между же собой, связуемые узами любви Христовой, они считались родными и равными братьями. Немудрено, что они действительно были «Евангельской солью земли» и светильниками, поставленными на подсвечники светить всему миру светом Христова учения.

Что касается государственных податей, то они платили, руководствуясь в этом повелением Самого Христа: «Воздайте же кесарево кесарю и Божие Богови» (Мф. 22:21).

Первые христиане верно различали, что принадлежит кесарю и что Богу. Они знали, что кесарю принадлежат одни только деньги и принадлежат лишь потому, что на них значится его образ и вырезанная надпись. Человек же не принадлежит кесарю, он, как носитель образа и подобия Божия, принадлежит только одному Богу; христианин же есть прямая собственность Христа. Он есть цена Крови Христовой.

Поэтому никакая земная власть не вправе заявлять свои права на человека, а тем паче на христианина. Так смотрели первые христиане на жизнь человеческую. За такую богоподобную жизнь и религиозное свое мировоззрение христиане первых трех веков у земных кесарей не оставались без наказания. На них обрушалась вся лава земной власти. Одни из них горели на кострах, другие же, как священные колосья, падали от меча; иные на крестах, столбах, виселицах, в рудниках, заточениях, каторжных работах, ссылках погибали сотнями тысяч.

С того времени, как сатана искушал Христа в пустыне, прошло ровно три века, и вот дьявол снова берет ту же самую идею третьего искушения Христа и чрез Константина Великого в виде знамения Креста Господня на небе предлагает ее всему христианскому миру с победным лозунгом «Сим победиши». На сей раз дьявол восторжествовал, да и было над чем ему и торжествовать. Увы! Христиане четвертого века не устояли перед соблазном этой дьявольской идеи, они слепо обманулись, с открытыми объятиями они приняли ее за откровение с неба и вследствие этого подверглись страшному провалу. С этого момента закончились золотые дни христианской жизни. Наступила новая эра жизни, когда последовало быстрое превращение христианства из первоначальной свободной религиозной жизни в строго государственное христианство Константина Великого и его преемников вплоть до настоящего времени. С этого момента (ужасное явление в истории Церкви) последовало слияние Христа с идеей земной власти кесаря, Царства Божия с царством мира сего, Церкви с национализмом, общественного церковного служения с языческим обоготворением имущих власть сильных земли. Слияние это фактически и исторически свершилось в тот роковой момент, когда епископы того времени решились на неслыханное дело. В 314 году (в угоду Константину Великому — этому язычнику в христианской маске или из своих личных корыстных расчетов) в Арле создали церковный собор и на этом соборе (страшно подумать) предали анафеме всех, кто из христианских религиозных принципов отказался служить в армии. Факт совершен. Синедрион иудейской церкви

заменен представителями христианской Церкви. Пилат Константином Великим. Голгофа христианской войной. Евангелие отвергнуто, живой Христос снова осужден на смерть.

Если бы мне доказали, что собор этот не выносил подобного постановления о войне и он, как поместный, не мог быть решающим органом всей Церкви Христовой, то я бы и тогда не успокоился душой, не успокоился бы душой потому, что не было и нет той церкви, которая бы со времен Константина Великого не воевала бы. В настоящее же время все представители всей мировой христианской Церкви не только вдохновляют и поощряют всякую войну, но они даже от лица самой Церкви Христовой возводят ее в религиозный христианский культ, например: военные чудеса, лагерные явления на небе Христа, Божией Матери, святых, военные чудотворные иконы, молебны и молитвы о победе врагов и т. д. Они от лица той же самой Вселенской Церкви через Причащение Святыми Тайнами идущих в бой солдат посылают и Самого Христа убивать людей и быть Самому убитым. Может ли быть что кощунственнее этого? Не Голгофа ли это для Христа? Как только христиане четвертого века приняли войну и сделались государственными христианами Константина Великого, то с того момента прекратились и гонения на государственных христиан. Прежде мир ненавидел их, гнал, мучил, «как граждан не от мира сего», а теперь сами христиане исключительной дьявольской жестокостью, по благословию духовных представителей Церкви Христовой заливают весь мир человеческою кровью.

Без живой евангельской жизни и все церковные христианские догматы стали лишь достоянием ученых богословских диссертаций, вообще книг и только одних книг, а не самой жизни христиан. По той же самой основной причине распалась и самая вселенская христианская Церковь на несколько частей и каждая часть отрицает одна другую в верности своему Основателю. Наконец, о ужас! И Сам Христос с того момента, как Церковь стала государственным парламентом, стал самым жалким батраком у псевдо-христианских государств.

В настоящее время сравнительно с прошлым весь мир пошел еще дальше против Христа.

Со дня сей последней мировой войны весь христианский мир стал представлять из себя самую ужасную похоронную процессию, которая с ружьями в руках, с обнаженными шашками, пушками, пулеметами, ядовитыми газами, горючими жидкостями, на аэропланах, пароходах, поездах, автомобилях, верхом, пешком спешит как можно скорее похоронить Христа. Во пока какие последствия оказались в жизни современных христиан. После всего этого как-то страшно становится на душе. В самом деле, Христа мы все считаем живым Богом и в то же время своею жизнью Его отрицаем. Но почему это так? Почему жизнь христиан так упорно и систематически идет против Христа? Почему христиане исповедуют Христову религию и своею жизнью так подло и низко обесценивают Его ни во что? Почему, наконец, даже такие церковные ценности, как почитание икон, почитание преемственности священства, канонизация святых, церковное духовенство несравненно выше и необходимее для церковной жизни ставит, чем нравственное учение Христа? Все это легко объяснить. Начиная с того и самого Константина Великого и вплоть до наших дней государственная дипломатия мира сего Святое Евангелие считает для себя за такую опасную анархическую книгу, что ей кажется, мир никогда не знал и не будет знать подобной книги.

Учение Христа для государства смерть.

А Самого Христа она считает за святого анархиста с динамитом в руках. Чтобы сохранить себя и не быть раздавленным Евангелием, государственная дипломатия оградила себя от Христа благодарным церковным духовенством. То же самое и в католичестве. Чтобы своим преступным отношением против Христа не вызвать протеста и оттолкнуть от себя более чутких и более зорких христиан, государственная дипломатия совместно с православным духовенством дали всему христианскому миру бесчисленное количество разных внешних святынь. С этою целью они создали великолепные храмы, внесли в них серебро, золото и драгоценные камни, организовали дивное церковное хоровое пение, внесли самое пышное церковное служение и т. д. Все это делалось и

делается с тою целью, чтобы всем этим заменить христианам их истинного живого Христа и Его Евангельское учение. Ничего нет страшнее и опаснее для государства, как если бы люди жили учением Христа. Современное государство — самый ярый и жестокий враг Христу, а второй его враг, нисколько не уступающий по своей жестокости и коварству государству, — само продажное и торгующее Христом духовенство.

Ваше Святейшество! До сего дня и я был самым величайшим врагом Христовым. Правда, я с раннего своего возраста верил в Бога, верил в Сына Божия, верил в Матерь Божию, верил в святых, верил в Символ веры и верил в Церковь Христову. Но не верил я в Евангельскую жизнь, не верил в нее как в безусловную и непреложную для себя истину, без которой я ни в каком случае не могу быть христианином, в это я не верил. В настоящее же время, во дни сей мировой войны, когда совесть моя ни днем ни ночью не дает мне покоя, когда она чуть не доводит меня до сумасшествия, когда она призывает на мою душу проклятие неба, когда я решился подать свою исповедь Всероссийскому Церковному Собору с тем, чтобы перед ним покаяться и заявить ему, что я не могу больше верить в Бога, не могу больше верить в церковные догматы Символа веры и т. д. без живой самоотреченной веры во все принципы Евангельской жизни. Нравственная религиозная сторона учения Христа для меня так же ценна и безусловна, как и Сам Бог. Отказаться от жизни по Евангелию для меня будет равносильно отречению от Христа. Когда я помыслил о своей прошлой жизни, что я делал и как я жил, то мне становится страшно тяжело и невыносимо мучительно. С моего юношеского возраста я начал нарушать нравственную сторону Евангелия. Еще чаще и сильнее прежнего я нарушал ее в самом зрелом возрасте, особенно когда принял монашество и стал иеромонахом. В сане иеромонаха я нарушал ее тем, что я четыре года подряд в Забайкальской области ходил с крестным ходом и в интересах своего епархиального начальства обманывал и обдирал простой люд, торговал молебнами и самым крестным ходом. Встречал я крестные ходы и в других епархиях, встречал их с чудотворными иконами, с мощами святых, и все эти крестные ходы преследовали ту же самую преступную цель, что и я. Несколько раз ходил я и в те монастыри и соборы, где находятся чудотворные иконы и мощи святых, да еще каких святых, не мужиков, не простых христиан, а царей, цариц, князей, княгинь, патриархов, митрополитов, архиереев; и там в этих монастырях и соборах я увидел, что вся эта святыня отдана в постыдную торговлю. И великое церковное горе, что из-за этой корысти нередко забываются духовенством живые души пасомых, погибающих в неверии и языческой жизни. Этот крестный ход черным пятном лег на мою собственную совесть. Так я попираю нравственную сторону Евангелия Христова.

Самым же бессовестным и безбожным образом я сознательно нарушал и нагло попираю ее в течение сей мировой войны в бытность мою военным священником. Перо выпадает из рук при одной только мысли о том, что я делал на войне. Я, будучи священником алтаря Христова, все время войны с Крестом и Святым Евангелием в руках ревностно занимался кровавой травлей одних христиан на других. Я причастил Святыми Тайнами около двухсот тысяч солдат, которые от меня шли убивать христиан. Во что я превратил Святые Тайны? Не в одно ли из могучих средств воодушевления солдат на убийство подобных себе солдат? Через причащение солдат, идущих в кровавый бой, не посылал ли я Самого Христа убивать людей и Самому быть убитым. Своими кощунственными безбожными проповедями я безумно вдохновлял своих отечественных сынов на бесчеловечное убийство и зверское истребление немцев и австрийцев. С пеною у рта я убеждал их в том, что настоящая война есть Божие правосудие над тевтонами, и мы, русские, вкуче с верными нам союзниками в настоящее время являемся в руках Божиих грозным всеистребляющим орудием Его праведного гнева на гордую и властолюбивую Германию. Поэтому мы должны считать своим священным долгом без всякой пощады убивать немцев и железной рукой уничтожать и сметать их с лица земли, как самый вредный элемент человечества. Я мастерски подтасовывал евангельские тексты и исторические факты с тою целью, чтобы перед судом христианской совести воинов не только оправдывать эту народную бойню, но и придать ей характер чисто религиозно-нравственный. Действительно, проповеди мои имели сильное

влияние на солдат. Побывавшие на них солдаты становились точно разъяренные голодные львы. Такая сильная работа происходила на этапном пункте города Холма. В том же самом духе, хотя далеко слабее, я продолжал свою работу в 1-й школе прапорщиков Юго-Западного фронта и других многих частях войск. Вот каким я стал безбожным и бесчеловечным палачом многих и многих христианских душ.

Теперь же, после появления немецкого аэроплана с черным крестом внизу, за все мои военные подвиги совесть моя беспощадно меня мучит. Особенно меня мучит смертельная тоска по живому Христу. Я ради интересов государства, своей русской нации и личной жизни давно отрекся от Него. Исключая детство, почти вся моя жизнь была одним сплошным отречением от Господа. Только с раннего своего детства и до двадцати лет своей жизни я горячо любил Христа. Были моменты, когда я растворялся и уходил в Христа, сгорая в Нем пламенной любовью к Нему. В то время я доходил до такого духовного состояния, что даже каждая былинка травы, каждый цветочек, каждый лесной кустик, всякое насекомое, весь животный мир, поля, леса, горы, земля, реки, облака, солнце, луна и все звезды говорили мне: «Смотри, в каждом из нас есть Христос», и я действительно во всем этом находил и ощущал своего возлюбленного Господа. С того времени, как я беззаветно любил Христа, прошло ровно двадцать три года. Эти годы ужасны. Они из себя представляют бездну зла. Они были сплошным отречением от Христа и ревностным служением князю мира сего. В настоящее же время Христос опять овладел мною. Я Его люблю по-прежнему. Он опять стал мил и близок моему сердцу. Я жить без Него больше не могу. Он для меня все.

Поэтому я ради Христа отвергаю и всем своим существом отрицаю всякую земную власть мира сего. Мой Царь, Правитель и Законодатель только Один Христос, ибо Ему «дана всякая власть на небе и на земле» (Мф. 28:18).

Ради Христа я отвергаю и всем своим существом отрицаю все существующие римские языческие законы, легшие в основу христианской семейной и общественной жизни и считаю их за действительную волю князя мира сего, властно преследующего ими Христа и Его Святое Евангелие. Для меня, как христианина, безусловный живой закон — Святое Евангелие и только Евангелие.

Ради Христа я отвергаю и всем своим существом отрицаю всякое государство и всякий национализм. Для меня, как христианина, мое отечество — весь мир. Люди же — дети одного Отца — Бога, между собой они родные кровные братья.

Ради Христа я отвергаю и всем своим существом отрицаю и проклинаю всякую войну со всеми ее свойствами, принадлежностями, церковными благословениями, молитвами и молебнами о победе врагов и все это я считаю явным и сознательным отречением от Христа и Его Евангельского учения.

Ради Христа отрицаю и всем своим существом отвергаю и проклинаю все свои военные проповеди и считаю их за открытую вражду и измену Христу и Его святейшему учению.

Ради Христа и святости и чистоты Евангельского учения я отвергаю и всем своим существом отрицаю и проклинаю преступное постановление о войне Арльского Собора 314 года и считаю это постановление изменой Христу и открытым отречением от Евангелия.

Ради Христа отвергаю, отрицаю и проклинаю смертную казнь и считаю ее отречением от Христа и Его святого Евангелия.

Ради Христа, истинного моего законодателя, я отвергаю и всем своим существом отрицаю всякую присягу и считаю ее изменой своему Господу, Кому я одному и однажды в жизни присягал в таинстве крещения.

Ревную о чистоте и святости славы моего Христа, я отвергаю и всем своим существом отрицаю то церковное общественное богослужение, в коем имена сильных мира сего чаще произносятся, чем имя Сына Божия и в коем духовенство молится: «о пособити и покорити под ноzi всякаго врага и

супостата», «о христоролюбивом воинстве» и т. д. Все это я считаю гнусным и преступным языческим обоготворением сильных мира сего и отрицанием Евангелия.

Ради Христа отвергаю и всем своим существом отрицаю ту сторону современной церковной жизни, которая сознательно идет в разрезе с волею Христа и Его божественным учением.

Наконец, все то, что противно Христу и враждебно Его святейшему Евангельскому учению, я отвергаю и всем своим существом отрицаю.

После всего мною сказанного я в заключение сей моей исповеди должен сказать следующее:

Христос вот уже шестнадцать веков находится закованным в страшные кандалы государственной власти и все время содержится у нее в качестве самого опасного узника. Временами даже все государство нисколько не стеснялось делать Христа жертвою своих интересов. Как на это смотреть? Нужен ли нам Христос или нет? Что для нас дорого: Христос или государство? Ведь двум богам мы служить не можем. Конечно, если мы действительно веруем во Христа и считаем Его за живого христианского Бога, то мы должны все лечь костьми за Него и освободить Его от эксплуатации государством. Если же находим, что для нас государство, церковная наша власть, народный почет, человеческая слава, сан, чины, ордена, сытая беспечная жизнь, богатство, деньги и т. д. дороже и выгоднее Христа, то, значит, мы представляем из себя не только не христиан и не христианских пастырей, но какое-то церковное скопище одних предателей Христа и самых гнусных Его изменников. Ничего нет преступнее и подлее, как в одно и то же время быть служителем алтаря Христова, пастыря Церкви Христовой, проводником Его учения в народную церковную жизнь, считать себя блюстителем заветов Христа и во имя земных мирских корыстных целей сознательно предательски относиться ко Христу и изменять Его святейшей воле. Вот самая основная причина, почему я счел для себя своим прямым христианским долгом покаяться в своей против Христа преступной жизни и раз навсегда словом и делом отречься от тех кумиров мира сего, которые из христианской жизни не только собою вытеснили христианского Бога, но, что ужаснее, они почти всем христианским миром почитаются за самое высшее божество и во имя этого божества христиане вот уже шестнадцать веков сознательно на его алтарь приносят не только свою собственную жизнь и жизнь своих детей, но даже и христианскую религию вместе с ее божественным Основателем Господом нашим Иисусом Христом.

Ваше Святейшество! Вы являетесь ныне совестью всей нашей русской православной Церкви и на ваш суд я несу исповедь своего сердца. Призванный служить Церкви Христовой в священном сане, я желал бы отдать этому святому делу все свои силы, но совесть моя болит и от сознания ошибочности того пути, каким я шел в недавнее время, и от тягостного сознания, что в христианском мире и в самой Церкви нашей порою Христос Спаситель наш и Его святое Евангелие отодвигаются в сторону и в жизни не только царят нередко, но и благословляется от имени Церкви многое такое, что противоречит и учению нашего Господа и голосу нашей христианской совести.

Молю и прошу Святейший Собор Церкви Российской своим авторитетным словом и решением успокоить тревогу моей души и, думаю, не только моей, но и многих алчущих и жаждущих Божией правды на земле.

Послесловие

Свершилось! Я кончил свою исповедь. Повергаю свою сердечную благодарность за нее к стопам моего распятого Христа. Свидетель Бог, она вся написана живою кровью моего исстрадавшегося сердца. Теперь пусть кто как хочет думает обо мне и судит меня, я закончил свое дело. В своей исповеди я с ужасом отвертываюсь от современного языческого христианства, в коем не только нет живого Назаретского Христа, но, что страшно, которое во всех своих отношениях ко Христу совершенно враждебно Ему. Для современного языческого христианства живой Назаретский Христос не только является далеким, чуждым, но даже невообразимым мировым злом! Вот почему я в своей исповеди отрекаюсь от той моей прежней антихристианской жизни, которая при всем своем современном христианстве была вся сплошным богохульством. И вот отныне после сей исповеди я вступаю в новую фазу моей действительно-христианской жизни. С этого момента жизнь моя есть живой Христос. Он будет для меня самым основным живым центром в моей личной жизни. Раньше, до сего времени для меня лично вся моя религия как-то проходила мимо Христа; я верил в Символ веры, верил в таинства Церкви, верил во все обряды Церкви вплоть до поклонения иконам и почитания мощей; что же касается нравственной стороны Евангельского учения, как принципов Евангельской жизни, которая из себя представляет внутреннюю духовную богосыновность истинного живого христианина, как Сына Божия, в это я не только не верил, но смотрел на все это современными очами всего церковного антихристианского мира. Мне казалось, что можно быть христианином, совершенно не живя в своей жизни по учению Господа. В настоящее же время в моем религиозном мировоззрении получилась большая перемена: что прежде было главным, основным и на первом месте, теперь оказалось как раз обратно. Раньше на первом месте, как главное и самое основное в моем религиозном мировоззрении, была прежде всего Церковь со всеми ее догматами исторической преемственности священства, таинствами, обрядами и т. д. Живой же Христос со Своим учением о жизни в то время находился как бы где-то далеко-далеко по ту сторону самой Церкви; Он был во мне совершенно вытеснен этою Церковью с ее историческою внешнею святыней. Теперь же как сама Церковь, так и все ее таинства и соборы являются для меня на втором месте, как нечто производное, придаточное; сама Церковь со всеми своими таинствами должна быть ничем другим в христианской жизни, как живым плодом Евангельской богосыновней внутренней, духовной жизни христиан. Правда, я не могу отрицать то, что Церковь, а также и все таинства ее есть тоже нечто родное Христу, близкое Его сердцу, но во всяком случае все это не Он Сам и не Его учение о жизни. Христос ни о чем так не заботился, как только о том, чтобы последователи Его жили исключительно Его богосыновними моральными принципами духовной божественной жизни. Нужно сказать правду, в Своем учении Христос не знает ни иерархии, ни церковных таинств, ни икон, ни культа святых, ни мощей, ни храмов, ни монастырей, ни церковных уставов и т. д., Он знает лишь то, что проповедовал, а проповедовал Он только одну чистую волю Своего Небесного Отца, которая вся есть духовная богосыновная жизнь, вся есть живое действительное ношение в себе Бога, вся есть чистые принципы евангельской морали; даже такие слова Христа, как: «Истинно, истинно говорю вам: не Моисей дал вам хлеб с неба, а Отец Мой дает вам истинный хлеб с небес». «Ибо хлеб Божий есть тот, который сходит с небес и дает жизнь миру». На сие сказали Ему: «Господи, подавай нам всегда такой хлеб». Иисус же сказал им: «Я есмь хлеб жизни; приходящий ко Мне не будет алкать и верующий в Меня не будет жаждать никогда... Я хлеб живой, сшедший с небес; ядущий хлеб сей будет жить во век; хлеб же, который я дам, есть Плоть моя, которую я отдам в жизнь мира». Тогда иудеи стали спорить между собой, говоря: как Он может дать нам есть Плоть Свою? Иисус же сказал им: «Истинно, истинно говорю вам: если не будете есть плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни. — Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день. Ибо Плоть Моя истинно есть пища и Кровь Моя истинно есть питье. Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем. Как послал Меня Живой Отец, и Я живу Отцом, так и ядущий Меня жить будет Мною. Сей-то ест хлеб, сшедший с небес. Не так как отцы ваши ели манну в пустыне и умерли;

ядущий хлеб сей жить будет вовек» (Ин. 6:32–35, 51–58) — относятся исключительно к Евангельским богосыновним этическим принципам о жизни, а вовсе не к Таинству Евхаристии. Если бы эти слова Христа относились к Евхаристии, как понимают и толкуют их церковные представители, то Христос не пояснял бы эти образные выражения Своей возвышенной одухотворенной божественной речи следующими словами: «Это ли соблазняет вас? Дух животворит, плоть не пользует ни мало; слова, которые говорю Я вам, суть дух и жизнь» (Ин. 6:61–63).

Здесь Христос буквальное понимание иудеев о ядении Его Тела и питии Его Крови совершенно отрицает и все это переносит на свое духовное нравственное богосыновнее Евангельское учение. Под выражениями: Плоть и Кровь Христос разумел самую последнюю степень органической родственной кровной связи Своих учеников и последователей лично с Собою через живое их внутреннее волевое ученичество и свободное любовное исполнение ими Его святейших, Евангельских нравственных принципов о жизни. В настоящей же жизни христиан к великому горю нравственные Евангельские богосыновние принципы о жизни давным-давно преданы глубокому забвению; они стали никому не нужны и ими не только никто не интересуется, но, даже странно сказать, христиане их высмеивают и отвергают, как какую-нибудь жалкую утопию Галилейского Утописта-Простеца и религиозного Фанатика-Иисуса. Поэтому я неоднократно говорил и говорю, что я глубоко понял и твердо убедился в том, что современное христианство в своей жизни есть прямое сплошное враждебное отрицание Христа: если что в нем и осталось, так это лишь одни мертвые разлагающиеся формулы церковных догматов, дисциплинарные, полицейские, церковные, канонические правила соборных постановлений, иконы, мощи, парча и жалкое бездушное, казенное, фабричное духовенство. Что же касается Самого Живого Христа с Его Евангельским учением о жизни, то церковь в лице своих представителей в практической жизни христиан уже шестнадцать веков тому назад в момент восшествия великого Константина, как первого христианского монарха на царский престол, отпела Ему свою вечную память!!! В настоящее время на каждом шагу слышишь избитую формулу Карфагенского Святителя: «Кому Церковь не мать, тому и Бог не отец». В этой формуле столько же правды, сколько неправды и скрытого обмана. Последние заключаются в ней потому, что она догматически предполагает в себе абсолютизм клерикализма и в то же время совершенное вытеснение церковной идеей из понятия и жизни христиан идею Царства Божия на земле. И вот, когда я увидел и понял, что из себя представляет современное христианство, я решил больше не жить его жизнью; как здесь ни живи и ни прельщайся ценностями мира сего, все же всему будет конец. Ведь рано или поздно, а мне придется же когда-нибудь явиться на суд Христа.

Главное, что меня больше всего побудило написать исповедь, так это моя любовь ко Христу, отвергнутому и до сего времени мучимому Христу. О, я люблю моего Господа, Спасителя мира! Отныне я всем своим существом хочу, желаю и стремлюсь, чтобы Христос жил во мне и Его воля была моей волей и руководила мною, так горячо люблю моего Христа, живого Назаретского Христа. Я же в качестве недостойной, грешной жертвы, самоотреченно, добровольно и любовно приношу и повергаю самого себя к Его Святейшим Стопам и пламенно стремлюсь слиться с Ним и раствориться в Нем. О, как я рад, что через эту исповедь я снова буду со Христом, снова нежная весна моего религиозного детства развернется для меня! И как я благодарен моему Господу за эту самую мою исповедь! Теперь я кончил свое дело и это дело очень и очень радует меня и я чувствую себя спокойно. Правда, моя исповедь покажется для многих и многих христиан величайшим соблазном, но что ж, ведь и Сам Христос был для многих камнем преткновения и соблазна. Мне, как автору, думается, что «символическая картина» появления Христа на земле многих соблазнит, многих заставит смотреть на нее, как на самое мое личное озлобление против духовенства и в то же время с моей стороны якобы дерзкое отношение ко Христу в том смысле, что я влагаю в уста Христа свои грешные слова. Пусть как кто хочет об этом думает, если я и действительно дерзнул на такое дело, то я все же считаю себя совершенное верным и непротиворечивым в этом роде с духом Евангелия Христова. Поэтому картина эта нисколько не лежит тяжелым гнетом на моей собственной совести.

Теперь я еще хочу сказать несколько слов: когда я послал «Исповедь» души моей Церковному Всероссийскому Собору, я с нетерпением ждал решение на нее Собора. Мудрый председатель этого Собора, ныне Всероссийский Патриарх Тихон, счел за лучшее ничего о ней не говорить Собору, он передал ее моему херсонскому епископу. Узнав об этом, я заскорбел душою. После того я сейчас же вышел из военного ведомства и через Киев отправился в свою Херсонскую епархию. В Киеве своими друзьями я был задержан. Мои друзья основали братство под именем «Иисуса Сладчайшего» и меня назначили Его председателем.

Братство быстро начало развиваться, расти и крепнуть. Для нашего Братства в Киеве выпало особенное счастье, оно заключалось в том, что мы при открытых Царских Вратах стали совершать Божественную литургию и вслух всенародно читать все Евхаристические молитвы, канон Божественной литургии. О, как хорошо и приятно чувствуется на душе, когда эти вдохновенные молитвы точно электрический ток пронизывали собою сердца молящихся и зажигали в них целое пламя сердечной любви ко Христу! Кроме того, в нашем Братстве еженедельно стали вестись «детские беседы», где сами дети, семи лет и больше, произносят детские проповеди на Евангельские темы. Затем, также еженедельно, по пятницам для взрослых читаются религиозно-нравственные беседы. Кроме сего, лекторы нашего Братства, профессора и студенты, проникают в учебные заведения и там произносят свои дивные лекции. Не могу также умолчать и о широкой благотворительности этого Братства. Оно не только производит еженедельные сборы деньгами, всякого рода вещами, съестными продуктами, но даже очень многие из членов нашего Братства от себя, от своих тяжелых трудов оказывают великую помощь бедным, нищим, пленным и больным... Через некоторое время после смерти митрополита Владимира, батюшки города Киева добились у своего епархиального начальства, чтобы я снова служил литургию при закрытых Царских Вратах и отнюдь не читал вслух для народа Евхаристические молитвы. Это было при правлении Киевскою епархией после смерти Владимира митрополита епископом Никодимом. Когда же митрополитом Киевским был назначен Антоний Храповицкий, то он перед всей делегацией нашего Братства, ничтоже сумняся, заявил, что служить при открытых Царских Вратах и читать вслух для народа Евхаристические молитвы поведет к хлыстовщине. Даже, продолжал он, если кто молится в праздничные дни на коленях и делает земные поклоны, то тоже есть уже уклонение от Православной Церкви к той же самой хлыстовщине. Когда митрополит Антоний так высказался по поводу Евхаристических молитв и земных поклонов, то я грешным делом подумал: бедные и несчастные владыки, для них христианство представляется просто-напросто сборником церковных правил, каким-то мертвым обрядоверием. Ведь тот же Антоний серьезно подумал бы, что Евхаристические молитвы есть такая же собственность христианского народа, как и собственного Самого Евангелия. Лишать народ Евхаристических молитв, чтобы он не слышал их и не повторял за священником, это значит и обокрасть и ограбить христиан и лишить их всякого прямого участия в совершении Божественной литургии. Я считаю своим долгом заявить всему христианскому миру, чтобы там, где христиане не слышат Евхаристических молитв и не повторяют их за священником, едва ли имеют право причащаться Тела и Крови Христовой, не участвуя в совершении этого Таинства своей душой, своим сердцем. В настоящее время, если христиане и причащаются Тела и Крови Христовой, то причащаются мертво, механически. Я поражаюсь, как решился институт епископата после того, как несколько первых веков христианской эры эти Евхаристические молитвы в церкви читались всенародно, вслух, по мановению чьей-то (скорее всего какой-нибудь светской власти) капризной воли, вдруг моментально ограбить христиан, лишить их этих дивных Евхаристических молитв и читать себе под нос. И поэтому ничего нет удивительного, если христиане перестали ходить в церковь, а которые и ходят, то они оттуда ничего ровно не выносят. Ах, Боже мой, как прискорбно и обидно за наше инертное, неподвижное и мертвое духовенство! Да, впрочем, чего от него и ожидать? Разве нам, пастырям Церкви, нужен Христос и Его разумные овцы? Нет!.. Для нас нужны только власть, деньги, почет и сытая жизнь, а там хоть в поле трава не расти!

Уходя от митрополита Антония, я вплоть до своей квартиры думал: что же это такое? — Митрополит Антоний человек как будто бы и умный, но почему он позволил себе так глупо и цинично выражаться по поводу Евхаристических молитв? Долго я над этим ломал голову! Наконец, как-то все само собою разрешилось просто. Ведь нашему правящему духовенству при своей духовной скудости и беспомощности ничего не остается делать, как только лишь всех, неподчиняющихся его воле, клеймить повальным грехом разврата, что называется хлыстовщиной; это самая главная политика всего духовенства. Ведь оно кого-кого из своих противников не клеймило, не порочило и не грязнило этой липкой, специфически присущей только одному духовенству клеветой, как хлыстовщина. Иеромонах Иннокентий, мой духовный сын, бесчеловечно пал жертвою этой клеветы, старец Степан Подгородный, Иван Чуриков и др. — то же самое. Наверно, не избегу и я, грешный, той же самой клеветы. Боже праведный, до чего, до каких страшных и мерзких клевет может доходить наше духовенство! Я боюсь, не является ли подобный недостойный прием нашего духовенства против своих врагов одним из страшных, тайных симптомов собственной его кастовой болезни? Но... что об этом говорить, я с чувством омерзения до тошноты не могу больше думать о подобной грязи...

Я же со своей стороны хотел бы сказать всему духовенству следующее: отцы святые, главная причина современного народного неверия и страшной безнравственной распушенности людей заключается вовсе не в хлыстовщине (если она где-нибудь существует), а в нашей постыдной торговле религией, в нашем механическом мертвом пастырстве, в нашем искании земной власти и постыдном пресмыкательстве перед нею, в нашей материальной алчности богатства, сытой, роскошной жизни, в нашем казенном индифферентном отношении к живому Христу; наконец в нашей антихристианской личной жизни всего церковного пастырского института. Вот самая главная причина умерщвления христианской религии в церковной жизни. Это хлыстовщина для самой хлыстовщины! Теперь да будет позволено мне обратиться к самому нашему Братству и в частности к милому моему сердцу юному другу: милые мои отцы, братья, сестры и друзья, в то время (если меня лишат сана и погонят из Киева), когда временно-пространственное отношение придется с вами порвать, я всеми фибрами своей души желаю, чтобы вы всегда были живыми христианами, любящими своего Господа и чистыми непорочными чадами Царства Христова. Я всех вас молю и прошу, пребывайте всегда во Христе, горите к Нему своею сердечною любовью, а главное, в своей жизни ни на одну йоту не отступайте от Нагорной проповеди Христа. Ах, душа моя смертельно скорбит, и что я могу сказать? — скажу лишь одно: Царь и Законодатель мой Христос! сохрани наше Братство во имя Твое святое, и не только Братство, но и всех тех, кто любит Тебя, кто пребывает в Твоем Евангельском слове и живет Твоею жизнью. Я же, о милосердный Господи, всецело предаю себя Твоей святой воле. Отныне Твоя святая воля будет моею жизнью. Когда я подумаю, что я буду оторван от своего Братства, то сердце мое обливается кровью и смертельные скорбь и тоска тяжелым бременем ложатся на мою душу. Хочется сказать Тебе, Господи, если Тебе возможно, то пронеси эту чашу страдания и душевных мук мимо меня, но да будет во мне Твоя единая святая воля! Христос! Живой мой Христос! я со слезами молю Тебя и с сокрушенным сердцем прошу Тебя: сохрани наше Братство во имя Твое святое! Мы теперь все находимся в ночном духовном мраке всякого рода соблазнов и порочной, антихристианской нашей жизни. Но я твердо и непоколебимо верю, что настанет скоро, очень скоро утро яркого и теплого дня, когда для всех христиан чудовищный мрак современной многоликой антихристианщины развеется и свет Евангельского Солнца снова заблестит над всеми народами земли и тогда всем будет спокойно и радостно на душе! О, как тогда будет радостно! Тогда и только тогда огонь скажет воде: ты моя милая сестра. И солома скажет огню: ты мой родной брат. Ягненок обнимет волка и будут вместе целоваться, лань протянет свой язык и будет от радости лизать гриву льву, а лев будет обнимать ее, как свою родную дочь. И невинный голубь будет лизать коршуна, и коршун будет ворковать как лесная горлица; и все угнетенные страдальцы и мученики мира сего от избытка своей сердечной любви падут на шеи своих угнетателей и мучителей и скажут им: вы наши братья, вы наши благодетели и вечно любимые друзья, — и эти угнетатели и мучители будут лежать у ног своих угнетенных и

мучеников и, обнимая и целуя их, скажут: отныне мы вечные, покорные ваши рабы, во имя Христа удостоьте нас вечно служить вам и любить вас, как Самого Бога; и тогда вся вселенная сольется в один дивный божественный аккорд небесной гармонии всепобедной, всепрощающей, всеуспокаивающей, всемогущей любви Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Слава Богу за все!

Примечание¹²

Главные лица, фигурирующие в Символической Картине, представляют из себя самый дух земной власти, церковной (папа) и государственной (великий монарх). Папа первый из всех сильных мира сего озлобляется на Христа и подзывает к себе императора и советует ему против самого духа учения Христа объявить народную войну. В этом скрывается такая идея: что еще до Константина Великого представители церковной власти своим обмирщением и уклоном от Христа к властолюбию настолько сблизились и сроднились с жизнью язычников, что они своею жизнью стали как бы каким-то сильным призывом имущих власть мира сего, чтобы слиться с ними и совместно рука об руку идти против самого духа Христова учения о жизни, вплоть до настоящей мировой войны; что же касается русских митрополитов и вообще правящего греко-православного духовенства, то для них ничего не было и нет ценнее и дороже в религиозной, христианской жизни, как культ внешней святости и царслужение, хотя все это связано с смиреннейшим и благоговейнейшим призыванием именем Господа. Схимник же, проклявший Господа, изображает собою прошлую и настоящую жизнь всего христианского монашества.

Приложение

Памяти архимандрита Спиридона

Две проповеди священника Анатолия Жураковского

Над гробом архим. Спиридона¹³

Брат, сослужитель, отец и друг!

Кончено. Кончен твой жизненный путь, кончено твое служение, кончены дни и часы нашей дружбы. Мне вспоминаются сегодня далекие дни, когда я в первый раз, неведомо для тебя, тебя увидел. Вспоминаются наши первые беседы, мой ранний юношеский восторг от твоих слов, далекие часы, дни и ночи, проведенные вместе, когда впервые ты открыл мне тайну твоей души, твои помыслы, мысли, искания, надежды. Вместе с тобой мы клали первые камни твоего детища, братства во Имя Иисуса Сладчайшего, вместе с тобой мы ходили по храмам, возвещая Божье слово. Потом долгие годы ты один работал, а мне указал другое дело. Вспоминается, как ты пришел ко мне, больному и поставил на работу Господню. Потом ты делал свое дело отдельно в течение многих лет. Наконец, Господь привел меня в твой храм, не одинокого, а с овцами моего стада, и теперь, брат, друг, отец, Господь поставил меня свидетелем твоей последней предсмертной исповеди, поставил меня у твоего гроба.

Много даров дал тебе Господь, светлый громадный ум, дар проповедничества, любящее нежное сердце, пламенный дар молитвы. Но из всех даров поражает твой дар любви ко Господу Спасителю. Любовь эта зажглась рано в твоём сердце, когда ты еще маленьким мальчиком бежал из родного дома в поисках нового Иерусалима. Эта любовь привела тебя на Афон, где ты совершал свои первые молитвенные подвиги. Эта любовь побудила тебя идти в Святую Землю, эта же любовь привела тебя

¹² Примечание принадлежит автору. — Ред.

¹³ Печатается по: Анатолий Жураковский, свящ. Мы спасаемся Его жизнью. Проповеди: 1921–1930 гг. К., 2012. Обе проповеди публикуются с редакторскими изменениями П. Г. Проценко.

на каторгу и побудила находить пропавшую драхму в человеческом сердце. Эта же любовь привела тебя к нам и вызвала все, что ты совершил.

Как человек — ты падал, оступался, согрешал, но, среди падений, ты держался крепко края Его ризы, и сердце твое пламенело. Было одно мгновение, страшное мгновение, когда казалось, ты соблазнился — не о Нем, нет, а о Его учении. Это было то мгновение — и ты считал его самым страшным в своей жизни, — когда весь мир захлебнулся в крови, ужасе, и ты соблазнился этим безумием вместе с миром. Это было одно мгновение. Оно прошло, и ты увидел, где Христос и правда, и возопил, и возгласил Божью правду.

Твои ложные обвинители, приведшие тебя ко гробу, говорили о твоих словах, искали в твоих книгах соблазняющих страниц, но они не знают главного — твоей пламенной любви, не знают, что ты был один среди безумцев, поднявший голос против крови во имя поруганного Иисуса Сына Божия. Это поругание, совершаемое руками сильных мира, служителями алтарей, это поругание, совершаемое в каждом сердце, было главной болью сердца твоего, и ты пришел, чтобы возвестить о поругании Бога и пробудить пламя любви к Иисусу. Когда ты говорил о Нем, слово твое было сильно, как гром, и полно такой нежности, что человеческое сердце таяло и истекало слезами. Ты возвестил о Христе Иисусе — и казалось, воздух вздрогнул, как от взрыва, ты заговорил об Иисусе, Сыне Божиим, и те, которые не слышали о Нем, пришли к Нему, и те, что слышали и отреклись, вернулись к Тому, о Котором ты говорил, называя Его Солнцем жизни, о Ком возвещает всякое дыхание, и те, кто любил Его, научились любить по-новому, и тайна Его открылась им иначе через Божественную Литургию, совершаемую тобой. Ты привел множество человеческих душ и заставил трепетать сердца, отучившиеся любить и трепетать. Ты приходил к богатым и бедным, старым и молодым, маленькие детские ручки тянулись к тебе, и лицо твое изменялось и становилось солнечным, когда ты видел детские головки.

Более всего тянулось твое сердце к несчастным, униженным, скорбящим. Более всего любил ты проповедовать на чердаках и в подвалах, среди людей изнемогающих от непосильной тяготы, куда служители алтаря избегали заходить и где тебя встречали сначала с недоверием, потом с удивлением и, наконец, с любовью. Лукьяновская тюрьма, множество заключенных узников воссылали благодарность Богу за посильные дары твоей любви. Кирилловская больница, где несчастные, лишенные разума, с благодарностью вспоминают о тебе, потому что ты не только думал о питании их, но пробовал заронить в их душах искры света.

Множество детей должны видеть в тебе отца, данного Богом, потому что ты подобрал их на улице и дал кров и воспитание. Бедные сироты, вдовы должны быть благодарны тебе, потому что ты вспомнил о них и пришел к ним во имя Христа, протянул им руку помощи и щедро дарил им самый богатый дар — весть о Христе и любовь, которой горело твое сердце. Самый большой дар, дар вечной жизни, спасения открыл ты для множества, открыл врата вечности, Небесного Царства, сияющее божественное милосердие. Ты работал неустанно день и ночь, работал доступный всем, радостный, отзывчивый, готовый день и ночь протягивать руку помощи. Ты давал сердце свое кусками тем, кто приходил и жаждал твоей любви, трудов и подвигов.

Сколько терний, вражды, клеветы пришлось тебе видеть.

Помнишь, двенадцать лет назад, когда первая буря разразилась над тобой, ты был мощным, сильным, ты вынес удары. В чем только не обвиняли тебя, но Бог послал тебе сильного защитника в лице святейшего Патриарха Тихона с любящим широким сердцем, истинного служителя духа, а не буквы мертвящей. Он увидел тебя за тысячи верст, протянул тебе руки, ты с радостью духовной облобызался с ним и стал под его покровительство. Ты совершил работу — из живых камней созидал братство Иисуса Сладчайшего, из живых сердец, преображенных тобой, ибо ты находил их холодными, окаменевшими и делал живыми камнями. Мирно, тихо, радостно делал ты свое дело, душа твоя преображалась год от года, день ото дня, и мы, друзья твои и близкие, удивлялись, какая почиет

благодать Божия на тебе. Ты стал более просветленным, ласковым. Как умел ты гневаться, я знаю, я помню, когда видел тебя гневным, когда слышал твои гневные слова, но теперь твой образ светится тихим ласковым светом.

Ты думал до конца дойти тихо, но Бог дал тебе новые тернии в твой венок. Беда пришла неожиданно, не со стороны, а от ближних. Новая жестокая клевета, как змея подколотная, выползла. Сначала ты детским удивленным взором смотрел и не понимал, почему люди злобствуют. Потом ты понял, как злобно и верно направлен удар, и увидел, что удар смертельный и приведет тебя ко гробу. Твоим обвинителям ты сказал, что будет судить Бог. Твой духовник, я свидетельствую, что ты умер с глубоким прощением, с миром, но с затаенной грустью. Перед кончиной твоей ты плакал. Грусть была о твоём деле и о том, что ты нашел в людях и братьях. За несколько дней ты предвидел, что кончина близка, и давал наставления. Но никто не думал, что скоро раздадутся надгробные песни. Ты кончил славно. Ты умер со знаменем в руках на своем посту. Буря, ветры не поколебали тебя, потому что ноги твои стояли на камне. Твоя кончина в день Усекновения — знаменательный, скорбный, торжественный день — твоя кончина блаженна.

Мы, стоящие у гроба, не понимаем еще, что ты умер. Мы не можем поверить, что не увидим улыбки твоей, не услышим ласковых слов, стены храма не будут потрясаться от слов твоих, и алтарь не будет оглашаться молитвенными призывами. Мы стоим перед гробом твоим, и каждый вспоминает, как он умирал от голода, и ты помог ему, другой — как ты поддержал его ребенка, третий — как он в первый раз услышал о Христе, и сердце его затрепетало и было пленено послушанием Господу-Спасителю. Мы стоим около твоего гроба как дети и овцы стада твоего. Я говорю один, но знаю, что тысячи сердец говорят [так] вместе со мною. Я говорю от имени тысяч сердец: друг, отец, пастырь Божий. Я говорю от имени бедных, нищих, убогих, сирот, вдов, заключенных, больных, отверженных, грешников, блудниц, разбойников, приведенных [тобой] к покаянию. Я говорю от имени всех их и кладу перед тобой земной поклон.

Спасибо тебе, отец. Отец, ты слышишь эти слезы. Отец, ты любил, ты имел обычай часто во время проповеди обращаться с вопросом к твоим чадам. Ты спрашивал их властно и властно требовал ответа. Бывало, что перед алтарем они давали обет их верности Христу-Спасителю. Ты уже больше не спросишь их о верности.

Позволь же от твоего имени в страшный последний час спросить духовных чад твоих: братья и духовные чада отца Спиридона, учившего вас так долго, обещаете ли вы здесь, перед гробом, как ему на суде Христовом, обещаете ли всеми силами сердца хранить верность его заветам, наставлениям? Обещаете ли вы не оставлять святого братства, святого дела, начатого отцом Спиридоном и стремиться ко Христу? Обещаете ли вы?

Отец, ты слышишь эти слова? Брат, сослуживец, друг, ты слышишь эти слова обета. Молись Христу-Спасителю, как молился здесь, на земле, в храме, дай силы обеты исполнить. Спи спокойно, брат, друг, иди отдохни, ты так устал. Твой день так долог, подвиг так труден. Ты отдохнешь от непосильных трудов, от холодного непонимания, от людской жестокости. Там встретит тебя с распростертыми объятиями твой друг — святейший Патриарх Тихон. Если за гробом умеют негодовать, с каким негодованием и скорбью узнает он, что претерпел тот, кого он благословил. Там встретят тебя святители, там встретит тебя Тот, Кого ты любил больше жизни, Кому отдал жизнь, дыхание, там встретит тебя Христос наш, Спаситель, наше Солнце. Молись о твоих духовных чадах и о том, чтобы Господь и нас грешных, всех близких, собравшихся здесь у гроба, в страшный день Суда привел войти вместе с тобой в Его Царствие и чтобы там, в вечности, где нет забвения, вражды, где свет не вечеряющий, едиными устами прославляли твоего и нашего Бога, твоего и нашего Спасителя.

Аминь.

1 сентября [ст. ст.] 1930 года

После погребения архим. Спиридона

О чем будем говорить сегодня, братья и сестры?

Конечно, о том, чем полно сердце и мысль моя и ваша. Думаю, что все мы дни и ночи думаем об одном, что потрясло наше существо и чего свидетелями и участниками пришлось быть.

В это воскресенье мы были свидетелями и необычайного: эта толпа, тысячи людей, вышедших на встречу гроба священника — необычайна. Эти люди, стоявшие около церкви в течение многих часов, встречавшие [гроб] на улице, на окраине города, пришли не ради пустого любопытства, суетной мысли — пришли хоронить своего священника, вождя, друга, человека, научившего их верить, любить, молиться.

Мы видим, как содрогнулось сердце человека при вести о смерти, кончине близкого, дорогого человека, и мы видим, что в этом народе тонули немногочисленные священнослужители, которых мы видели впереди.

Все было необычайно: необычайна толпа, цветы, венок, который несли нищие, толпы детей — необычайны. Может быть, когда-нибудь город наш видел более торжественные, многочисленные похороны, но не было более необычайного, чем это погребение; необычайного потому, что человек, которого [мы] провожали, был необычаен, непохож на других. Его путь, служение священническое было необычайно и многим казалось странным, и кто хотел соблазниться — соблазнялся. Мы получили наследство, и надо осознать наследство, которое он оставил, ближе всмотреться в его духовный облик, мысли, слова, которые он возвещал и завещал.

В его проповедях много было любимых, дорогих мыслей, которые он сам считал важными. Первая — необычайная любовь к Господу Спасителю. В своих воспоминаниях, напечатанных в журнале «Христианская мысль», он рассказывает, как еще в раннем детстве он больше всего молился о том, чтобы Господь дал ему любовь: «Не давай спасенья, рая, жизни вечной, дай только любить Тебя, сделай так, чтобы душа моя сделалась одной любовью к Тебе».

Этот дар преимущественной любви к Христу Спасителю, могучий перед другими дарами, старался передать он людям. В этой центральности образа Христа и была особенность его. Если спросить христианина, что самое главное в его духовной жизни, каждый скажет — Христос. Его образ. Лицо, жизнь. Но на самом деле это не так бывает. Духовная жизнь христианина не отличается тем, что средоточием ее является образ Христа Спасителя. Всмотримся в духовный опыт одного, поговорим с ним, он будет говорить вам о своем старце, наставнике. Вы увидите, что образ этого старика, наставника заслоняет образ Христа Спасителя. Поговорите с другим и увидите, что хотя он и называется христианином, но христианство ушло во внешние формы и обряды. Дальше внешних форм он не идет, и сущность духовной жизни закрыта для него. Всмотримся в третьего, и вы увидите, что он возлюбил одного какого-нибудь святого угодника: так почитает и поклоняется ему, что это заслонило образ Христа Спасителя.

Такие явления встречаются на каждом шагу, редко кто может встретить душу, которая имеет средоточием Христа.

Покойный был именно таким человеком, в нем была ревность к имени Христа, которая заставляла внимание всех обращаться ко Господу. Он хотел, чтобы образ Христа был в душе каждого человека дороже всего, в духовном опыте и жизни. Он был подобен первым апостолам, которые, увидев светоносный Лик, как будто забыли обо всем и бросились в мир благовествовать. Апостол Павел настолько возлюбил Господа, что все вменял за сор. Ему говорили о законе, который он будто бы нарушил, об обрезании, но он все вменял за сор и хотел только Христа Распятого и о Нем проповедовать. Казалось иногда, что Другой, Тот самый, о Ком он проповедовал, стоит за его плечами, таков был его духовный опыт, средоточием которого был Христос.

Наш пастырь не удовлетворялся тем, что духовных чад своих хотел научить обычным путям внешней христианской жизни, приучить их ходить в церковь, исполнять внешние обряды, он не удовлетворялся, пока не ставил их лицом к лицу со Христом. Он хотел пробудить душу, чтобы человек увидел взор Христа Спасителя, и сердце его дрогнуло и затрепетало. Если это бывало, то он считал дело завершенным. Внешние формы духовной жизни, которые нас соблазняют, он не ценил высоко, казалось, они не имели для него значения, потому что самое главное для него была сердцевина, сердце, любящее Господа. В молитвах, которые он высоко ценил, ценна была для него не внешняя форма, а горение. Он любил молиться в поле, в лесу, где молился целые часы, других учил так молиться, и путь, по которому он вел, и состоял в том, чтобы научить молиться не только в храме, но и дома, не только дома, но и под открытым небом.

Так он говорил и делал, и в богослужении старался поставить человеческое сердце непосредственно перед Богом. Спросите, что самое важное в церковном богослужении. Ответят: Литургия. Так говорят, но не так думают. Другие службы часто обставляют великолепием, а Литургия остается в пренебрежении. Не то было у него. Все богослужение совершалось торжественно, но когда он приступал к Евхаристическому канону, к средоточию молитвы, каждый ощущал, что он восходит на вершину духовной жизни, и сотни, тысячи человеческих душ ведет за собой. Для многих он открыл сущность Евхаристии. Он совершал Евхаристию так, как совершали ее в древности (он имел на это благословение святейшего Патриарха), как совершали Василий Великий, Иоанн Златоуст, с открытыми Царскими вратами, призывая к общей молитве, и это служение не было внешним. Он паству свою старался воспитывать так, чтобы она способна была следовать за ним на вершину. Таинства у него не были оторваны от жизни, а проникали всю жизнь. И крещение, и брак, и святейшее таинство Евхаристии он понимал так, что они должны быть не оторваны от жизни, а должны быть средоточием жизни, должны начинаться в храме и обнимать всю жизнь.

Таков был его взгляд на значение того, что он проповедовал. Он хотел, чтобы Христос царствовал над душой не только в храме, не только в те минуты, когда сердце в умилении касается Его ризы, но чтобы Христос был Царем жизни, и никакого противоречия воле Его не допускал. Когда он встречал противоречия Христу Спасителю, Его учению, особенно если оно возвещалось от имени Церкви, душа его скорбела и возмущалась. Слова, полные гнева, произносил он против тех, кто старался принизить учение евангельское и смешать его с учением мира. Немало сказал он слов, которые казались жестокими, но они были справедливы, потому что он видел, как учение Христа стараются принизить в угоду мирским ценностям.

Когда, наконец, наступили события, которые разразились над Церковью, он говорил, что многие служители Церкви окажутся в рядах отступников, в рядах тех, кто бросит ценность евангельскую к подножию мира. Эти слова казались жестокими, но жизнь показала, что они были пророческими. Так он ревновал о божественном Лике и стремился, чтобы Он сиял всей полнотой сияния и влек души человеческие. И ревность о чистоте заставляла полюбить и других, и многих приводил он к ногам Христа. Ревность о Лике была ревностью о Христовой Церкви.

О Церкви он имел особенно углубленное понятие. Я не говорю, как думают о Церкви неверующие. Но и среди верующих понятие о Церкви оторвано от жизни. Церковь кажется им слишком земным, внешним учреждением, или слишком небесным, что ставит Церковь далеко от жизни. Он понимал иначе и иначе раскрывал понятие [о Церкви]. Для него, как и для древних христиан, душа Церкви была небесной и земной. Свое понятие о Церкви он получил из жизни великих святителей. Иоанн Златоуст кормил множество неимущих, нищих. Василий Великий построил целый город для бедных, который назывался Василиадой. Амвросий Медиоланский выкупал пленных. Киприан [Карфагенский] руководил христианами, которые спасали больных во время чумы. Вот образы, которые пленяли его сердце. Он верил, что Церковь должна быть утешительницей скорбящих, обремененных, должна идти, как шел Христос, сея любовь, собирая расточенных, являя верующим и

неверующим образ воплощенной любви. Любовь человеческая должна сиять как внутри Церкви, объединяя члены Церкви в единое, живое, трепетное тело, так и вне Церкви — на неверующих, далеких, отступивших.

Наличная церковная действительность не удовлетворяла его: он скорбел, обличая, и хотел найти иные пути церковной жизни, чтобы собрать [верных] в единое тело и научить деятельной любви друг к другу и ко всем скорбящим, обремененным и нуждающимся. Он возродил древний церковный идеал, и это было совершено в нашем городе. Как ни ужасны были условия, при которых проходило его служение, как ни трудно было дело, мы видим, как много он сделал. Он показал и верующим, и неверующим — что такое Церковь и священник. Неверующие и отошедшие от Церкви увидели образ Пастыря, полного любви; верующие увидели что [можно соединиться воедино], и христианство является не только в молитве, но и в любви.

Таковы его мечты, надежды, заветы. Он видел сокровенным духовным взором то, что было наиболее существенно.

Особенности его служения: первая — ревность о Христе и верность Христу-Спасителю как средоточию жизни. Вторая — образ Церкви как чего-то такого, что создано силой, которая сеет любовь, мир, свет и блаженство. Эту мысль он старался воплотить в своем служении. В борьбе за эту мысль он окончил свою трудную страдальческую жизнь.

Не смущайтесь тем, что он был плохо понят своими братьями и верующими. Закон христианской жизни в том, что каждое высокое служение вызывает преследования, непонимание и пламенное противодействие. Где нет этого непонимания, противодействия, служение кажется подозрительным.

Он ушел, совершив что мог. Уходя, держал в руках знамя, на котором были начертаны заветы — истинное служение Христу и Церкви. Мы держим то же знамя, которое он держал. Это знамя обязывает нас возможно более сознательно относиться к духовной жизни и церковному служению.

Велика, бесконечно велика утрата, мы почувствуем все ее значение не сегодня, а после, из месяца в месяц, из года в год. Наши малые ряды поколебались, потеряв его. Как бы ни было нас мало и [как бы] путь наш ни был путем скорбным, полным терний, как бы ни была велика утрата, — мы не должны падать духом. Знамя, выпавшее из его рук, мы примем и понесем, как умеем, навстречу мира. Как никто не мог вырвать этого знамени из его рук, так и в наших руках оно будет твердо, непоколебимо до того мгновения, пока Господь не позовет из этого мира в Свой мир, на Свой суд. Аминь.

3 сентября [ст. ст.] 1930 года